

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

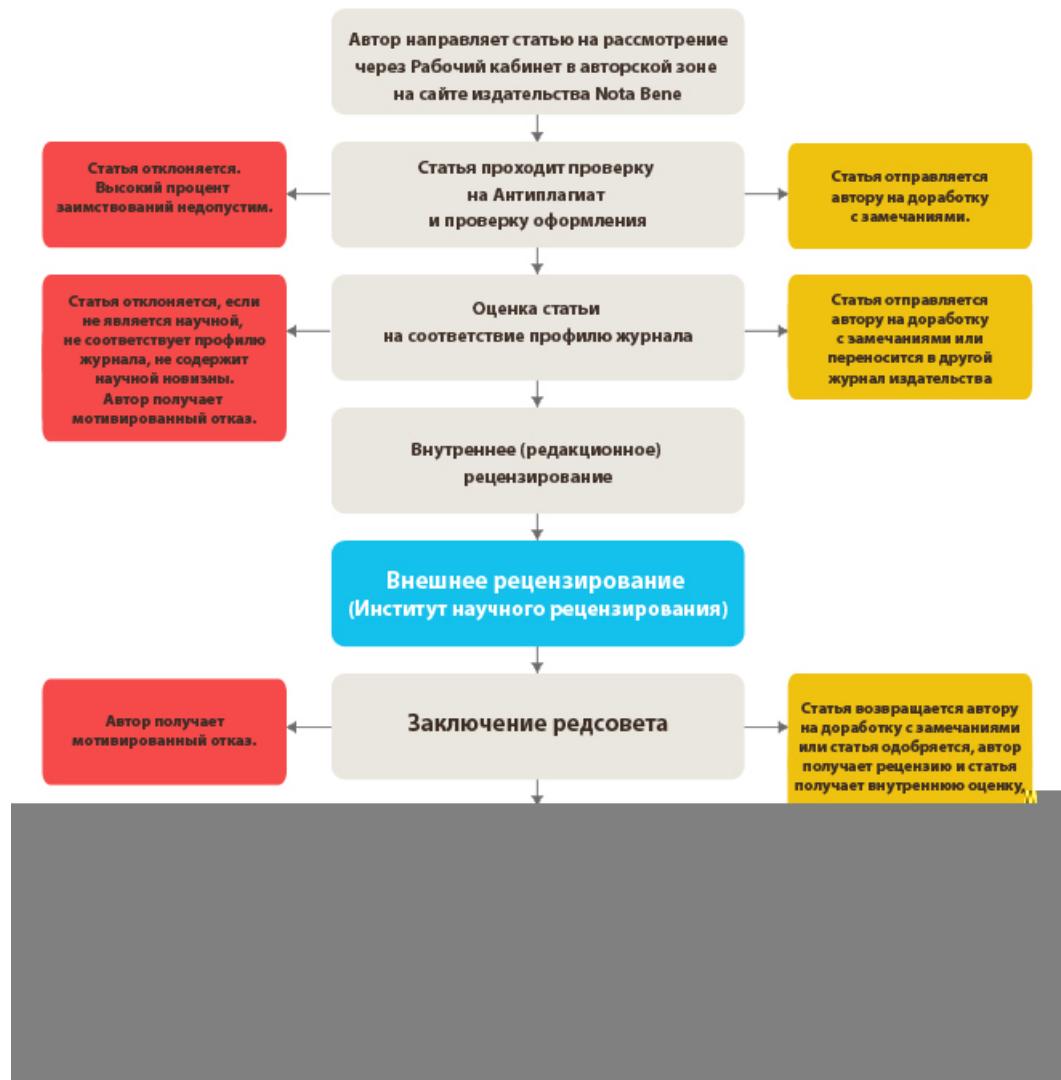
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г.	1
Бучко Н.П. Накануне Токийского процесса. Суд над пособниками японских милитаристов как отголосок Гражданской войны в России	13
Ильичев А.В. Севастопольский гарнизон в первую половину XIX века: состав гарнизонных войск, военное управление, состояние оборонительных укреплений	21
Мезит Л.Э., Филиппова К.Р. Повседневная жизнь учителей Красноярского края в военный период	41
Мадатов О.Я. Эволюция органов государственной безопасности России: исторический анализ от ВЧК до ФСБ	53
Разговоров С.В. Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II	85
Англоязычные метаданные	100

Contents

Mironiuk S.A. Henry Wilson's Memorandum "Our Present and Future Military Policy in Russia" (November 13, 1918) as a Factor of the British Intervention Policy in Russia in November – December 1918	1
Buchko N.P. On the eve of the Tokyo trial. The trial of accomplices of Japanese militarists as an echo of the Russian Civil War	13
Ilyichev A.V. Sevastopol garrison in the first half of the XIX century: the composition of the garrison troops, military administration, the state of defensive fortifications	21
Mezit L.E., Filippova K.R. The daily life of teachers in the Krasnoyarsk Territory during the WWII period	41
Madatov O.Y. The Evolution of Russia's State Security Agencies: a Historical Analysis from the CHEKA to the FSB	53
Razgovernov S.V. The confessional aspect in the national policy of Alexander II	85
Metadata in english	100

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.72941 EDN: ITSHRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72941

Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г.

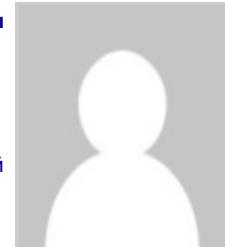
Миронюк Сергей Алексеевич

ORCID: 0000-0002-6874-7595

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра истории Института экономики и управления АПК; Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А Тимирязева

127550, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ privetsergey95@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.72941

EDN:

ITSHRQ

Дата направления статьи в редакцию:

04-01-2025

Дата публикации:

13-02-2025

Аннотация: В настоящей статье анализируется меморандум «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. как фактор политики интервенции Великобритании в России в ноябре – декабре 1918 г. Его автором был начальник Имперского Генерального штаба, генерал Генри Вильсон – одна из влиятельных фигур в высшем руководстве Соединенного Королевства. В меморандуме содержалась его точка зрения на прошлое, настоящее и будущее британской политики интервенции в России. Этот документ ввиду его значимости и информативности является объектом

исследования, предметом — его содержание как фактора британского вмешательства во внутрироссийские дела в ноябре – декабре 1918 г. Автор статьи ставит целью раскрыть влияние меморандума главы Имперского Генерального штаба на политику интервенции Великобритании в России в этот период. В работе применялись ретроспективный, системный и нарративный методы. Благодаря им показан процесс развития британской политики в ноябре – декабре 1918 г.; представлена взаимосвязь между содержанием документа и военно-политической обстановкой, а также их взаимовлияние; достаточно подробно отражены содержание и характер меморандума, акцентируясь на важнейшие для темы работы аспекты. Привлечение этого документа к исследованию британской политики интервенции позволяет его расширить и углубить, поскольку демонстрирует сложный процесс формирования этой политики в деталях, что придает работе научную новизну. Основным выводом проведенного исследования является то, что главными проблемами Великобритании относительно вмешательства во внутренние российские дела после Компьенского перемирия являлись предотвращение потенциального влияния Германии в России и сдерживание большевизма. Г. Вильсон предложил в качестве модернизированной формы британской политики интервенции оказать помощь новообразованным государствам на территории бывшей Российской империи и российским антибольшевистским силам для решения этих двух проблем. Содержание меморандума главы Имперского Генерального штаба сильно повлияло на решение Военного Кабинета Соединенного Королевства продолжить и усилить политику интервенции в ноябре – декабре 1918 г.

Ключевые слова:

Первая мировая война, Компьенское перемирие, Гражданская война, Интервенция, Большевизм, Великобритания, Военный Кабинет, Имперский Генеральный штаб, Г. Вильсон, Д. Ллойд Джордж

Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 – декабрь 1919) — важное исследовательское направление в историографии Гражданской войны в России. Она интересна с точки зрения ее влияния на возникновение, развитие и завершение внутрироссийского противостояния и динамику взаимоотношений России с ведущими государствами Европы, Азии и Америки. Это влияние было обусловлено статусом Великобритании как одной из лидирующих стран того времени. Ее могущество было основано на торгово-промышленном лидерстве, опиравшимся на колониальном характере экономики, сильном военно-морском флоте и политике баланса сил в Европе. Ввиду этого у нее были разносторонние глобальные интересы в мире и возможности их продвигать.

Британское вмешательство во внутренние дела России, переживавшей особый, переломный и значимый исторический этап — Гражданскую войну, стало предметом научных дискуссий среди отечественных и зарубежных историков. В историографии существуют разные оценки степени влияния политики британской интервенции на ход этой войны, а также ее мотивации и целеполагания.

По мнению советских историков Е. Е. Якушкина, И. И. Минца, Г. Е. Мымрина, О. Ф. Соловьева, С. Г. Лившица, Ф. Д. Волкова и М. И. Светачева, политика британской интервенции заключалась в уничтожении пролетарского государства, восстановлении капитализма в России, установлении контроля над российской территорией, расчленении страны [1-7]. Ее влияние на Гражданскую войну считалось очень значительным ввиду

оказания существенной помощи Белому движению как противнику Советской России.

В постсоветской, российской историографии проблема британской политики интервенции затрагивалась в контексте других, более широких исследовательских направлений [8-11]. Такие исследователи, как В. П. Федюк, Р. Г. Гагкуев и В. И. Голдин, интересовались некоторыми темами, связанными с этой политикой, в частности роль британских военных в развитии антибольшевистского движения в Сибири, на Юге и Севере России [12-15]. В целом с точки зрения российской историографии эта политика вмешательства в основном была направлена на недопущение усиления влияния Германии в России, особенно после Брест-Литовского мирного договора, а также на реализацию возможностей закрепления и укрепления позиций Великобритании на территории бывшей Российской империи. Масштабы и направления вмешательства определялись главным образом динамикой Первой мировой войны и результатами боевых действий между РККА и Белыми армиями. В конечном итоге британская политика интервенции была заметным, но не определяющим фактором этого противостояния.

Относительно зарубежной историографии историки У. и З. Коутс, Дж. Уайт, Р. Улльман, Дж. Бредли, Р. Джексон, К. Кибл, М. Хадсон и Я. Моффат рассматривали в большей степени проблему британской политики интервенции в рамках крупных исследовательских тем [16-24]. Многие из них понимали интервенцию как вынужденную превентивную военную меру против Германии. Ее цель заключалась в том, чтобы воспрепятствовать возможности противника извлекать выгоды от использования им территории бывшей Российской империи для достижения победы в Первой мировой войне и закрепления господствующего положения на этой территории. Такая политика малозначительно повлияла на развитие Гражданской войны в России из-за недостатка воинских сил и ограниченности возможностей оказания помощи антибольшевистским силам. Главным образом российская фронтовая динамика определяла ход Гражданской войны. В зависимости от нее менялись приоритеты, направления и объемы британской помощи противникам РСФСР.

В настоящее время британская политика интервенции остается значимой научной темой для историографии Гражданской войны в России. Ее исследование требует активной работы по введению в научный оборот официальных документов того времени, включая документы Военного Кабинета Великобритании, поскольку в них отражены процессы, влиявшие на появление идеи, подготовку, реализацию и завершение политики вмешательства с ноября 1917 г. по декабрь 1922 г. Наибольший интерес представляют те документы, которые были написаны и подготовлены высокопоставленными официальными лицами во время либо после важных событий, влиявших на политику интервенции. К ним относятся документы Имперского Генерального штаба, которые оказывали весомое влияние на формирование, развитие и завершение этой политики.

В годы британского вмешательства начальниками этого учреждения были генералы Уильям Робертсон (декабрь 1915 – февраль 1918) и Генри Вильсон (февраль 1918 – февраль 1922). Г. Вильсон получил известность ввиду его профессионального опыта, высокого авторитета и участия в подготовке и осуществлении интервенции в России. Отличительными чертами его как высокопоставленного военного были широкая эрудиция, способность мыслить глобально, внимательный анализ и нестандартные суждения. Эти черты проявились в подготовленных им документах для Военного Кабинета Британии.

Среди документов Имперского Генерального штаба того времени важное значение имеет

меморандум «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. [25]. Этот документ представляет интерес ввиду содержавшегося в нем анализа и аргументированных практических предложений по решению проблем дальнейшего осуществления политики вмешательства Соединенного Королевства в России.

Объектом исследования в настоящей работе является меморандум главы Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г., предметом — его содержание как фактора британского вмешательства во внутрироссийские дела в ноябре – декабре 1918 г.

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии влияния меморандума Г. Вильсона на британскую политику интервенции в России в этот период, задача — подробно рассмотреть содержание данного документа. Привлечение этого документа к исследованию британской политики интервенции позволяет его расширить и углубить, поскольку демонстрирует сложный процесс формирования этой политики в деталях различными ведомствами, что с этой точки зрения придает работе научную новизну. С учетом того, что в отечественной историографии содержание этого исторического источника не было полностью описано и исследовано, научная значимость работы будет представлена в виде ценной информации, содержащейся в меморандуме Г. Вильсона.

Основными используемыми исследовательскими методами являются ретроспективный, системный и нарративный. Первый метод позволил показать британскую политику интервенции в процессе ее развития в ноябре – декабре 1918 г. С помощью второго представлена взаимосвязь между содержанием документа и военно-политической обстановкой в ноябре – декабре 1918 г., а также их взаимовлияние. Поскольку меморандум Г. Вильсона ранее не был полностью описан в отечественной историографии, в работе достаточно подробно отражены его содержание и характер. При этом акцент сделан на те его части, которые наиболее значимы для исследования британской политики интервенции.

До появления документа Г. Вильсона британская политика интервенции развилась в целом последовательно и динамично. С июля – августа 1918 г. значительный контингент воинских сил Британии вошел в пределы Севера России при активном военно-политическом сотрудничестве с США, а также на территорию Сибири и Дальнего Востока — с Японией и США. Одновременно британцы в августе 1918 г. успешно вторглись в Туркестан и предприняли попытку закрепиться на Кавказе через взятие Баку, которая закончилась неудачей в сентябре 1918 г. Поводом для вмешательства была помочь восставшему Чехословацкому корпусу на Урале, Дальнем Востоке и в Сибири, основными причинами — воссоздание тем или иным способом Восточного фронта, чтобы Германия приостановила переброску войск с ликвидированного Восточного фронта на Западный, где шло германское наступление, а также предотвращение попадания России в немецкую сферу влияния. Британская политика интервенции включала, кроме введения ограниченного воинского контингента, активную помочь антисоветским силам как сторонникам продолжения войны с Германией. Именно продолжение военного противоборства с немцами вынудило британское население согласиться на политику вмешательства в России.

Однако положение дел начинало кардинально меняться в связи с подписанием Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. С этого события Первая мировая война завершилась. Такая обстановка вынуждала Военный Кабинет срочно пересмотреть и принять важные решения по британской политике интервенции в России: либо продолжать ее в текущем виде, либо модернизировать с учетом новых, поствоенных

реалий, либо прекратить. В этой связи Имперский Генеральный штаб представил меморандум его главы Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г.

Документ начинался с перечисления трех целей принятия правительством Великобритании политики интервенции: помешать Германии получать помощь из России и Сибири в виде рабочей силы и припасов; удержать на русском фронте людские и материальные ресурсы противника, чтобы они не были использованы на других фронтах; предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны. Как отметил Г. Вильсон, «Две первые цели исчезли с подписанием перемирия. Осталась только третья, которую, однако, можно охарактеризовать почти как “война после войны”» [\[25, р. 22; 26, с. 84\]](#). Вмешательство Великобритании не имело точных географических военных целей, но в значительной степени результаты были достигнуты. Об этом свидетельствовали: поощрение чехов удерживать линию фронта, чтобы лишить врага огромных ресурсов Западной Сибири, и пассивного сопротивления немцам по всей России и Украине, в результате которого припасы часто сжигались, а не доставлялись врагу, а также удержание в значительной степени воинских сил противника в России, то есть удалось избежать их отправки на другие театры военных действий, что было критически важно для Антанты. Например, в сентябре 1918 г. в России находилось 34 немецких пехотных дивизий, тогда как в апреле 1918 г. их было 36. В этой связи Г. Вильсон сделал вывод об оправданности решения британского и союзных правительств вмешаться во внутренние российские дела.

По его мнению, теперь в условиях Компьенского перемирия при рассмотрении любых действий в России необходимо иметь в виду возможную ограниченность времени, а также то, что любое инициированное действие может быть не исполнено, если оно не будет продолжено после подписания мирных условий. В этой связи Г. Вильсон считал: «Поэтому мы должны быть осторожны и не начинать ничего такого, чего мы не готовы продолжать после объявления мира» [\[25, р. 22\]](#).

Далее в меморандуме приводились аргументы сторонников продолжения интервенции: большевизм являлся опасностью для всего мира, включая Центральные державы, и поэтому его нужно подавить; если британцы этого не сделают, со временем немцы справятся с большевизмом и приобретут доминирующее влияние в России; на милость большевиков не следовало бросать тех, кто помогал британцам, и «без дальнейшей интервенции мы, возможно, не сможем вывести определенную часть наших войск» [\[25, р. 22; 26, с. 84\]](#).

С точки зрения Г. Вильсона, большевизм являлся культом, если не религия. В этой связи в одном случае он не смог бы надолго пережить восстановление нормальных условий в остальном мире, в другом, более благоприятном для него — он постепенно будет превращаться «в более высокоразвитый организм», и постоянно подавлять его военными методами представлялось неправильным.

Второй аргумент Г. Вильсона считал верным в части реальной цели британской политики вмешательства. Успешная борьба Германии с большевизмом привела бы к практическому поглощению пограничных государств, которые немцы создавали и укрепляли во время Первой мировой войны. Однако такое поглощение «продолжалось бы только до тех пор, пока Россия не стала бы достаточно сильной, чтобы оспорить его, и в этом случае эти государства стали бы “российской ирредентой”» [\[25, р. 22\]](#).

Британским принципам противоречило «бросать наших друзей», но нужно приложить усилия, чтобы они были способны к самозащите. Если большевики окажутся лучшими в своем деле, то британцы не смогут бесконечно защищать других. Что касается вывода войск Великобритании, то некоторые трудности могли бы возникнуть в Архангельске, но Г. Вильсон не сомневался в помощи большевиков при их выводе по суше, если бы это было желательно, пока Архангельск был скован льдом.

Если будет решено продолжить вмешательство или даже сделать его более эффективным, то будут два основных альтернативных варианта. Первый заключался в создании вокруг большевистской России кольца государств для предотвращения распространения большевизма; лишении его поставок и возможностей экспансии, чтобы таким образом привести к абсолютному истощению большевизма. «Это повлечет за собой в данном случае голод для большого числа людей и потребует оккупации союзными войсками пограничных государств на неопределенный срок до тех пор, пока не исчезнет большевистская Россия и не укрепится со всей очевидностью Россия небольшевистская», — отметил Г. Вильсон [\[25, р. 22; 26, с. 84\]](#).

Им было акцентировано внимание на обоснованной вероятности последствий вывода немецких войск с Западного фронта большевиков. В этом случае некоторые пограничные государства попали бы под большевистский контроль, — и немцы вернулись бы туда обратно, если их место тем временем не займут союзные войска. Что касается образования группы государств и размещения в них гарнизонов, то «период оккупации при такой схеме был бы неизвестной продолжительности. С чисто военной точки зрения такой план не оправдан, поскольку он предполагает пассивное сопротивление и полную передачу инициативы большевикам» [\[25, р. 22\]](#). В таком случае произошло бы рассредоточение сил небольшими группами по огромной территории, ни одна из которых не являлась бы достаточно сильной, чтобы что-либо предпринимать, а большевики исходя из центрального положения могут сконцентрироваться против любого. Тогда каждая группа стала бы источником беспокойства. Г. Вильсон заключил, что в конечном счете такая политика может повлечь за собой более масштабные операции «в то время, когда мы, возможно, будем менее готовы к их проведению, чем в настоящее время» [\[25, р. 22\]](#).

Второй вариант состоял в принятии активных военных мер для окончательного сокрушения большевизма в кратчайшие сроки. Он был более быстрым и надежным планом сдерживания возможной экспансии Германии, «поскольку приграничные государства снова попали бы в орбиту объединенной России, единственной державы, которая может постоянно сдерживать экспансию Германии на восток; но на пути таких действий стоят большие трудности» [\[25, р. 22\]](#).

Вместе с тем был еще один вариант выбора: заставить Германию передать оружие и снаряжение пограничным странам, репатриировать войска, которыми могут располагать дружественные Британии страны, и в целом оказать им такую поддержку, которая практически возможна при нехватке войск, а затем позволить им делать все, что в их силах.

Эти три варианта выбора были подробно проанализированы Имперским Генеральным штабом. Если взять курс на оккупацию кольца пограничных государств, у Британии должен быть определенный план по предоставлению необходимых гарнизонов после подписания мира и их усилению по мере необходимости. Вместе с тем возникали проблемы по реализации этого курса. Британская армия комплектовалась в основном по

принципу «на время войны». Это обстоятельство не могло бы стать основанием для бессрочной кампании в Восточной Европе и Азии против врага, к которому у общественности Соединенного Королевства не было особых претензий. Для такой цели сохранение нынешней системы набора рекрутов не вызвало бы одобрение в Британии. «Очень сомнительно, что французы и американцы находятся в лучшем положении с точки зрения войск, и представляется маловероятным, что последняя страна была бы готова оказать нам помочь; хотя, если бы это было так, проблема была бы значительно упрощена», — отметил Г. Вильсон [\[25, р. 23\]](#).

Принятие энергичных, военных мер против большевиков имело явные преимущества при условии достаточных сил и направления удара против крупных городов как центров большевизма. В этом случае британские силы из Архангельска были бы выведены, обязательства в Закаспийском регионе, Сибири и на Кольском полуострове были бы выполнены. По мнению Г. Вильсона, «этот план представляет собой единственный надежный метод нанесения смертельного удара по большевизму в течение определенного времени» [\[25, р. 23\]](#). Но есть проблемы по осуществлению этого плана. В первую очередь, следовало иметь поддержку британской общественности. Также большие затруднения представляли климат и обширная территория России, особенно в зимних условиях. «Ввиду этих трудностей мы не могли рассчитывать на завершение кампании до лета 1919 г. и, следовательно, могли столкнуться с трудностями содержания армии, сражающейся в России после объявления мира», — заключил начальник Имперского Генерального штаба [\[25, р. 23\]](#).

Следовательно, остался третий вариант действий — «сделать все, что в наших силах с материальной точки зрения, чтобы дать нашим друзьям достойное начало, а затем уйти» [\[25, р. 23\]](#). Г. Вильсон предложил принять следующие меры на Западном, Северном и Восточном фронтах в России, а также на Кавказе и в Закаспийском регионе.

На Западный фронт должен был быть отправлен из Франции состоящий из 30 тыс. корпус Ю. Галлера в Польшу, которая «будет самым важным государством и единственным, которое, вероятно, сможет без посторонней помощи выступить против большевизма» [\[25, р. 23\]](#). Также следовало произвести изменения в армии Ю. Довбор-Мусницкого численностью 70 тыс. Все эти воинские силы должны были быть снабжены в достаточном количестве оружием и боеприпасами либо со стороны немцев, либо со стороны союзников. Наряду с этим формируемые польские контингенты должны быть репатриированы. Украина после вывода немецких войск стала бы объектом внимания большевиков. Г. Вильсон предложил: «Наша политика должна заключаться в поддержке стабильных элементов деньгами, запасами и боеприпасами, как только будет открыто Черное море, в то время как Румыния должна оккупировать Бессарабию и таким образом создать барьер на западе» [\[25, р. 23\]](#). Относительно Литвы, Латвии и Эстонии требовалось ограничиться поставками оружия и оказанием моральной поддержки национальным правительствам.

В отношении Северного фронта цель Британии состояла в урегулировании карело-финских отношений, чтобы Карелия больше не зависела от штыков британских войск вдоль Мурманской железной дороги, хотя пока невозможно сказать о возможности их вывода оттуда. Требовалось удержать Архангельск зимой, но никоим образом не брать новых обязательств. Также предпринять усилия, чтобы дать возможность русским выстоять самостоятельно в случае принятия решения о выводе британских войск весной.

На Восточном фронте в условиях перемирия с Германией представлялась маловероятной

готовность чехов продолжить воевать, а в случае заключения мира она была бы еще меньше. Ввиду успешной мобилизации в Сибири российским правительством в Омске «в сотрудничестве с французами мы должны оказать всю возможную материальную помощь в формировании и обучении русских армий в Сибири. Чем скорее эти армии смогут без посторонней помощи удержать Сибирь и Восточный фронт от большевиков, тем скорее мы освободимся от наших обязательств в этом регионе» [\[25, р. 23\]](#). Также следовало бы, по мнению начальника Имперского Генштаба, рассмотреть вопрос о признании омского правительства, чтобы укрепить его позиции в мобилизации сил в Сибири и других местах.

Относительно Кавказа и Закаспийского региона силам А. И. Деникина и П. Н. Краснова благодаря открытию выхода к Черному морю должна быть оказана помощь в виде оружия, чтобы перейти в наступление против большевиков. В этом случае воинские силы Великобритании были бы отведены к востоку от Каспия. По мнению Г. Вильсона, были сомнения в возможности поддерживания северо-персидских линий связи с Каспием, как только Черное море будет открыто. Поскольку Турция как дружественная страна Великобритании стала бы эффективным барьером экспансии Центральных держав на восток, то цель британского продвижения по направлению к Каспию — защита путей в Индию — была бы достигнута без дополнительных усилий.

В заключение меморандума были сделаны следующие выводы. Необходимо окончательно выполнить внутренние обязательства перед британской армией, имея целью полный вывод войск из Европейской России к тому времени, когда будет подписан мирный договор и образовано сильное русское правительство в Сибири. Также было выражено намерение воспользоваться преимуществом открытия Балтики для обеспечения «наших друзей» военными поставками и Черного моря, «...чтобы оккупировать такие порты на восточном побережье, которые могут быть необходимы, чтобы протянуть руку помощи тем, кто тяготеет к созданию стабильного русского правительства» [\[25, р. 23; 26, с. 85\]](#).

Содержание документа стало предметом обсуждения на совещании в Форин Офисе 13 ноября 1918 г. По итогу были приняты важные решения: продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска; признать Омскую Директорию фактическим правительством; поддержать уже начатую сибирскую экспедицию и призвать канадцев придерживаться договоренностей, предусмотренных до перемирия; побудить чехов оставаться в Западной Сибири и отправить туда некоторых своих сотрудников; утвердить положение по вопросу о взаимоотношениях французского генерала М. Жанена и английского генерала А. Нокса; приступить к оккупации железной дороги Баку-Батум; установить контакт с А. И. Деникиным в Новороссийске и оказать всю возможную помощь военными материалами; предоставлять балтийским государствам военные материалы в случае, если и когда они имеют правительства, готовые получать и использовать такие материалы; разрешить генералу У. Маршаллу взять в управление Красноводск (современный Туркменбашы, Туркменистан); придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу влияния так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой [\[27, р. 78-79; 28, с. 355\]](#). Следовательно, предложения Г. Вильсона в целом были одобрены Форин Офисом с некоторыми дополнениями.

Через день, 14 ноября 1918 г., на заседании Военного Кабинета Великобритании решения совещания в Форин Офисе были одобрены, и с учетом этого была принята новая, модернизированная британская политика интервенции в России. Однако пункт о разрешении У. Маршаллу взять в управление Красноводск был оставлен на совместное

усмотрение государственного секретаря по военным делам и государственного секретаря по делам Индии [\[27, р. 77; 28, с. 355\]](#).

К декабрю 1918 г. в рамках реализации принятых решений Военного Кабинета вооруженные силы Британии значительно усилили влияние на территории бывшей Российской империи. 16 ноября 1918 г. британская эскадра вошла в Черное море. Через день в Баку прибыл из Персии пятитысячный контингент во главе с У. Томсоном. Железная дорога Баку-Батум была взята под контроль. В декабре 1918 г. британские корабли вошли в гавани стран Прибалтики: Мемель (современная Клайпеда, Литва), Либава (современная Лиепая, Латвия), Рига и Ревель (современный Таллин, Эстония). Российским антибольшевистским силам была оказана существенная финансовая и военно-материальная помощь, в первую очередь силам А. В. Колчака и А. И. Деникина, способным, по мнению британцев, сдерживать большевизм и изменить динамику Гражданской войны. Впоследствии в Сибирь была поставлена техника войскам А. В. Колчака на сумму 14,6 млн фунтов стерлингов. На Юг России А. И. Деникину были предоставлены материалы на сумму 26 млн фунтов стерлингов [\[29, р. 442\]](#).

Таким образом, меморандум начальника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. представляется значимым документом для истории британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г. Его автор перечислил цели вмешательства Британии во внутренние российские дела. Это вмешательство объяснялось тем, что Германия могла бы одержать победу в Первой мировой войне и в дальнейшем укрепить свои позиции в мире, используя ресурсы бывшей Российской империи и освободившиеся воинские силы с ликвидированного Восточного фронта для их отправки на другие театры военных действий, в первую очередь на Западный. Эти обстоятельства убеждали британских подданных поддерживать Военный Кабинет и продолжать воевать против немцев. В военное время политика британского вмешательства была оправданной с точки зрения населения страны.

Однако произошло важное событие, заставившее переосмыслить эту политику. 11 ноября 1918 г. было подписано Компьенское перемирие между странами Антанты и Германией. В этой связи вставала проблема целесообразности продолжения вмешательства Великобритании в России, когда для британских жителей и солдат больше не существовало убедительной аргументации за его продолжение. Наряду с этим Военному Кабинету необходимо было решать актуальные вопросы, связанные с ослаблением влияния Германии в России и сдерживанием большевизма в границах контролируемого им государства.

Г. Вильсон проанализировал возникшие проблемы и разные варианты дальнейшего осуществления интервенции. Он предложил вариант, который давал два преимущества: не вызывал сильного протеста со стороны общественности и солдат, а также обеспечивал национальные интересы в Европе и России. Суть его предложений заключалась в разносторонней поддержке новообразованным государствам на территории бывшей Российской империи и российским антибольшевистским силам.

Эти предложения были восприняты с одобрением совещанием в Форин Офисе и Военным Кабинетом. Они, однако, были детализированы и несколько переработаны с точки зрения решения таких задач, которые позволили бы усилить британское влияние в России. Например, придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу влияния так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой. Как показали последующие события, британская политика интервенции

в ее усовершенствованном виде стала реализовываться незамедлительно. Она стала значимым фактором усиления Гражданской войны в России, когда Белому движению была оказана существенная поддержка.

Меморандум Г. Вильсона является важным, по сути краеугольным камнем выстраивания политики интервенции в ноябре – декабре 1918 г., поскольку именно на его основе был принят документ сначала Форин Офиса 13 ноября, потом, 14 ноября 1918 г., на базе последнего было принято решение Военного Кабинета Великобритании. Некоторые идеи из этого документа: сдерживание России и оказание поддержки пограничным с ней государствам — впоследствии использовались для формирования российского направления как британской, так и европейской и американской политики в XX в. и первые десятилетия XXI в.

Библиография

1. Якушкин Е. Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М., Л.: Госиздат, 1928. 96 с.
2. Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М., Л.: Госиздат, 1931. 255 с.
3. Мымрин Г. Е. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром (1918–1920 гг.). Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1953. 227 с.
4. Соловьев О. Ф. Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38-53.
5. Лившиц С. Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический институт, 1979. 96 с.
6. Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
7. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 336 с.
8. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Культурная революция, 2013. 560 с.
9. Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
10. Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб: Наука, 2019. 831 с.
11. Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Язуа-Каталог, 2019. 1056 с.
12. Федюк В. П. Белое движение на юге России 1917–1920 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 1995. 572 с.
13. Гагкуев Р. Г. Белое движение и интервенция: к вопросу об оказании союзникам по Антанте помощи Восточному фронту. 1918–1919 гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 41. С. 70-84. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-41-70-84.
14. Гагкуев Р. Г. Вопрос участия Британской военной миссии в Сибири в перевороте 18 ноября 1918 г. и прихода к власти адмирала А. В. Колчака // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 44-97. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.002.
15. Голдин В. И. АнATOMия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М.: Издательство «Кучковополе», 2024. 336 с.
16. Coates W. P., Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
17. White J. The Siberian Intervention. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1950. 471 p.
18. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. Vol. 1: Intervention and the War. 360 p.

19. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1968. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 – February 1920. 395 p.
20. Bradley J. F. N. Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.
21. Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 280 p.
22. Keeble C. Britain and Soviet Union, 1917–89. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan, 1990. XIV, 387 p.
23. Hudson M. Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Rale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
24. Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
25. G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. 13 November, 1918 // The National Archives. CAB 24/70/11. P. 22-23.
26. Миронюк С. А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам Военного Кабинета министров Великобритании ноября – декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI: 10.17223/19988613/70/12.
27. War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 14 November 1918 // The National Archives. CAB 23/8/23. P. 75-79.
28. Миронюк С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.010.
29. G.T. 7947A. Policy towards Russia. Second Draft. Memorandum by Curzon of Kedleston. 16 August 1919 // The National Archives. CAB 24/86/50. P. 439-442

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г.» посвящен теме британского вмешательства в российскую гражданскую войну; конкретно же рассматривается Меморандум главы Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г как основополагающий по мнению автора документ при формировании британской политики в отношении Советской России и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Автор полагает, что рассмотрение данного документа ценно не только в контексте рассмотрения иностранной интервенции в годы Гражданской войны, но и в более широком контексте динамики взаимоотношений России с ведущими государствами Европы, Азии и Америки. Статья открывается историографическим обзором, по итогам которого указывается на необходимость введения в широкий научный документов Военного Кабинета Великобритании, поскольку в них отражены процессы, влиявшие на появление идеи, подготовку, реализацию и завершение политики вмешательства с ноября 1917 г. по декабрь 1922 г. К числу документов относится и анализируемый в данном исследовании Меморандум Генри Вильсона. Автор использует ретроспективный, системный и

нарративный методы исторических исследований. Автор указывает на взаимосвязь международной обстановки (а именно подписание подписанием Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. и прекращение Первой мировой войны) и содержания Меморандума, а именно на вынужденную коррекцию целей и средств интервенции в связи с поражением Германии. Меморандум Вильсона представляет собой развернутый военно-политический анализ задач Британской империи на территории бывшей Российской империи в условиях завершения Первой мировой войны и эскалации Гражданской войны в России. Автор подробно разбирает Меморандум в части новых задач Британии в трактовке Вильсона (сдержать распространение большевизма и предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны) и способов их реализации, включая аргументацию Вильсона в пользу каждого из трех вариантов развития событий. Автор указывает, что «14 ноября 1918 г., на заседании Военного Кабинета Великобритании решения совещания в Форин Офисе были одобрены, и с учетом этого была принята новая, модернизированная британская политика интервенции в России», то есть Меморандум Вильсона стал основой британской политики интервенции в ее усовершенствованном виде, которая в свою очередь... "стала значимым фактором усиления Гражданской войны в России, когда Белому движению была оказана существенная поддержка". В итоге автор приходит к обоснованным выводам о том что в связи с прекращением Первой мировой войны перед британским военно-политическим руководством вставала «проблема целесообразности продолжения вмешательства Великобритании в России, когда для британских жителей и солдат больше не существовало убедительной аргументации за его продолжение. Наряду с этим Военному Кабинету необходимо было решать актуальные вопросы, связанные с ослаблением влияния Германии в России и сдерживанием большевизма в границах контролируемого им государства... В Меморандуме Вильсона был предложен «вариант, который давал два преимущества: не вызывал сильного протеста со стороны общественности и солдат, а также обеспечивал национальные интересы в Европе и России. Суть его предложений заключалась в разносторонней поддержке новообразованным государствам на территории бывшей Российской империи и российским антибольшевистским силам». Автор также указывает, что «некоторые идеи из этого документа: сдерживание России и оказание поддержки пограничным с ней государствам — впоследствии использовались для формирования российского направления как британской, так и европейской и американской политики в XX в. и первые десятилетия XXI в.», что придает данному исследованию несомненную актуальность. К числу недочетов данного исследования можно отнести ограниченность обращения к англо-американской историографии (в основном это работы 1950—1970-ых гг.) В целом работа выполнена на должном научно-методическом уровне и рекомендуется к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Бучко Н.П. Накануне Токийского процесса. Суд над пособниками японских милитаристов как отголосок Гражданской войны в России // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.70546 EDN: JTUYGM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70546

Накануне Токийского процесса. Суд над пособниками японских милитаристов как отголосок Гражданской войны в России

Бучко Николай Петрович

ORCID: 0000-0002-3816-8672

кандидат исторических наук

доцент, кафедра исторических наук, Дальневосточный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Хабаровск)

680014, Россия, г. Хабаровск, шоссе Восточное, 49

✉ kosta.rika.00.00@bk.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.70546

EDN:

JTUYGM

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2024

Дата публикации:

21-02-2025

Аннотация: История Гражданской войны в России нашла свое отражение и в исторических событиях, выходящих за временные параметры самой войны. Разгром милитаристской Японии в сентябре 1945 г. положил конец ее агрессивным планам в Азии и на Дальнем Востоке. Эта деятельность Японии была осуждена Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, известным как Токийский процесс. В судебном процессе рассматривались преступные действия Японии против мира с начала 30-х гг. в Азии, когда она пошла по пути агрессии по отношению к соседним государствам. В материалах суда были представлены и документы, аффидевит –

протокол допроса другого судебного процесса, который состоялся в августе 1946 г. в Москве над руководителями антисоветских белогвардейских организаций атаманом Забайкальского казачьего войска Г.М. Семеновым и его соратниками. Основу московского процесса составили материалы, раскрывающие сотрудничество участников антибольшевистского лагеря с японскими властями в Маньчжурии, направленными на подрыв советского государства. Но наряду с ними суд в Москве стал еще одним подтверждением враждебных действий Японии по отношению в России в годы гражданской войны. Из вышеупомянутых фактов становится очевидно, что японские власти активно принимали участие в антисоветской деятельности на дальнем востоке в период военно-политического противостояния в России. Эти действия, подтвержденные в ходе московского процесса, являются серьезным вызовом для российско-японских отношений и создают тензии между двумя странами. Судебные процессы в Москве и Токио, которые стали результатом политики японских властей, напоминают о сложной истории взаимоотношений между Россией и Японией. Эти процессы также свидетельствуют о том, что даже в современном мире существуют претензии и противоречия, связанные с историей и влиянием настоящих событий на будущее. В целом, события, описанные в тексте, подчеркивают тот факт, что история и политика тесно переплетены, и что только через конструктивный диалог и сотрудничество можно достигнуть мирного разрешения конфликтов и обеспечить благополучие обеих стран и их народов

Ключевые слова:

Международный военный трибунал, Гражданская война, интервенция, милитаризм, антибольшевистские силы, История Гражданской войны, история и политика, военный трибунал, аффидевит, подрыв советского государства

История Второй мировой войны завершилась судебными процессами над немецким нацизмом и японским милитаризмом. Последний из них проходил в японской столице с 3 мая 1946 г. до 12 ноября 1948 г. и получил наименование Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Изучение материалов трибунала нашло отражение как в отечественной, так и в зарубежной историографии [Голунский, 1947; Рагинский, Розенблит, 1950; Николаев, 1990; Кузнецов Д.В., 2022; Minear, Richard H. 1971; Japanese War Criminals, 2017; Zhaoqi C., 2020; Ju-ao, Mei, 2021 и др.]. Однако не все исследования детально рассматривали содержание процесса в той его части, где представлялась позиция, отражающая вмешательство Японии во внутренние дела России в годы Гражданской войны. Выделение этого вопроса в статье позволяет актуализировать проблему вмешательства иностранных государств во внутренние дела стран.

Рассмотрение истории судебного процесса, где разбирались преступные действия Японии против мира с начала 30-х гг. в Азии, когда она пошла по пути агрессии по отношению к соседним государствам, дает возможность оценки и тех событий, которые формировались японской политикой на рубеже 20-х гг. XX в. на территории России. В ходе работы трибунала ему был представлен аффидевит – протокол допроса Г.М. Семенова от 11 апреля 1946 г. бывшего атамана Забайкальского казачьего войска, одного из руководителей антибольшевистского лагеря противников советской власти в годы Гражданской войны на Востоке России^[1]. В основе представленного документа были материалы судебного процесса над Семеновым и другими руководителями

антисоветских организаций, действовавших при поддержке Японии на Дальнем Востоке, хотя некоторыми участниками процесса делались заявления что они не имеют доказательной ценности [Рагинский, С. 61].

Представляется, что исследование содержания указанных материалов дает возможность, в качестве цели работы, проанализировать характер проводимой военными силами антибольшевистского лагеря политики, ее ориентиров и содержания.

Судебный процесс над Г.М. Семеновым и его соратниками проходил в Москве с 26 по 30 августа 1946 г. На скамье подсудимых оказались А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, И.А. Михайлов, Л.П. Охотин, К.В. Родзаевский, Г.М. Семенов, Н.А. Ухтомский, Б.Н. Шепунов названные тогда советским правосудием белогвардейцами, контрреволюционерами, шпионами и агентами японской разведки, деятельность которых выступает как основа проводимой военными политики в годы Гражданской войны в регионе^[2]. Анализ содержания допросов обвиняемых позволил выявить содержательную составляющую проводимой ими политики, характер реализуемых ими практических действий.

В официальной советской прессе сообщалось, что Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в указанные сроки рассмотрела дело по обвинению Г.М. Семенова и других участников антибольшевистских организаций в государственной измене и ведении вооруженной борьбы против СССР с целью свержения советского строя и восстановления капитализма^[3].

Рассмотрение материалов Токийского трибунала дает возможность выявить планы японских сил на Дальнем Востоке России в 20-е гг. В показаниях Семенова была информация и о том, что в ходе его встречи 20 ноября 1920 г. на ст. Маньчжурия в Забайкалье с прибывшим из Владивостока представителем японского генерального штаба полковником Исоме были заявления о том, что японские власти планировали создать в Приморье правительство во главе с атаманом. В этом заверя Г.М. Семенова и глава японской дипломатической миссии на Дальнем Востоке Ц. Мацуудайра, который впоследствии занимал в Японии пост министра императорского двора. В показаниях Семенова отмечалось, что Япония обещала ему необходимые денежные средства, оружие и военное имущество, а от него рассчитывала содействия в устраниении пограничных формальностей между российским регионом и оккупированной Японией частью Кореи, что фактически означало бы присоединение Приморья к Японии^[4].

Ярким свидетельством доказательства захватнических планов Японии стали и показания Г.М. Семенов о том, что с японскими военными представителями, полковником Исоме и начальником штаба японских оккупационных войск генерал-майором Танакой во Владивостоке он вел переговоры об отторжении от Советской России Приморья^[5]. Это подтверждает вывод о том, что в агрессивных планах Японии в период ее участия в интервенции в России, были и задачи направленные на отторжение части российской территории в своих интересах. Для их реализации использовались и создаваемые Семеновым вооруженные финансируемые Японией. Атаман отмечал, что сначала ему оказывал помочь представитель Японии майор Куроки, а затем представитель японской военной миссии полковник Курасава, который был прикомандирован к штабу Семенова японским правительством. По словам Семенова еще в 1919 г. особый дипломатический уполномоченный японского правительства при армии Верховного правителя Като, ставший впоследствии вице-министром в японском правительстве, проинформировал его о предложении японского генерального штаба о вводе на территорию Сибири восьми японских дивизий, для поддержки колчаковской армии^[6]. В качестве компенсации за

эти усилия по помощи антибольшевистским силам, Япония требовала передачи ей Россией Северного Сахалина и Приморья. Такое же предложение получил Семенов и в 1920 г., но уже от японского генерала К. Точибана, который стал в 1921 г. главнокомандующим японскими экспедиционными силами в Сибири^[7]. По мнению по мнению помощника государственного обвинителя полковника юстиции П.А. Кульчицкого, прозвучавшего на суде, еще в 1918 г. Семенов, стал японским шпионом^[8]. А в 1920 г. атаман, будучи командующим белой армии в Забайкалье, создал разветвленную агентурную шпионскую сеть, которая собирала информацию о частях Красной Армии^[9]. Анализ показаний Г.М. Семенова на суде, одного из руководителей антибольшевистских сил на Дальнем Востоке, дает возможность сделать вывод, что для реализации своей политики белые силы действовали и в интересах интервенционистских структур.

Наряду с Г.М. Семеновым в преступлениях против советской власти в годы Гражданской войны обвинялись и его соратники по вооруженной борьбе.

Генерал А.П. Бакшеев события 1917 г. встретил в должности командира 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. С этого же года он стал членом Казачьего войскового правления. Являясь сподвижником Семенова, Бакшеев с февраля 1919 г. занимал должность начальника 1-го военного района Забайкальской области, а 16 июня 1919 г. был избран заместителем атамана Семенова по должности войскового атамана Забайкальского казачьего войска. А.П. Бакшеев был председателем казачьего войскового правительства Забайкалья, а находясь в столице Белого Приморья в период установления власти генерала М.К. Дитерихса, он был старшим товарищем Председателя Земского Собора, 12 июля 1922 г. вступил в должность войскового атамана Забайкальского казачьего войска^[10]. Все это свидетельствовало о значительной роли А.П. Бакшеева в организации и работе антибольшевистских структур в годы Гражданской войны. На заседании 27 августа 1946 г. Бакшеев показал, что целью подавления в Забайкалье революционного движения им создавались белоказачьи дружины. Эти формирования оказывали всемерную поддержку частям атамана Семенова и действовали против партизанских формирований в Восточном Забайкалье которые вели вооруженную борьбу против японцев^[11].

Перед судом предстал Л.Ф. Власьевский, который участие в Гражданской войне начал в качестве старшего адъютанта штаба казачьей бригады, после чего командовал казачьей сотней. С января 1919 г. он руководил личной канцелярией генерала Г.М. Семенова, фактически находился в ближайшем кругу атамана. Когда Семенов получил полномочия от адмирала Колчака по руководству Российской Восточной окраиной, Власьевский был начальником персонального штаба Главнокомандующего, а в 1920 г. возглавил казачий отдел Дальневосточной армии^[12].

На скамье подсудимых в Москве оказались и « рядовые » участники просеменовских структур. Штабс-капитан Б.Н. Шепунов участвовал в Гражданской войне на юге России. В 1920 г. он прибыл на Дальний Восток, где служил в частях атамана Семенова и Временного Приамурского правительства, был командиром офицерского эскадрона, а до 1922 г. и в составе Дальневосточной армии^[13]. Н.А. Ухтомский свое участие в гражданской войне в составе антибольшевистских сил начал после чехословацкого мятежа в мае 1918 г.^[14] На начальном этапе Гражданской войны он был в составе Народной армии Комуча в должности личного адъютанта полковника А.П. Степанова, командовавшего Северной группой войск. Свое участие в войне Ухтомский продолжил как адъютант командира Ударного корпуса и до конца 1919 г. участвовал в боевых

действиях на Урале^[15].

Наряду с военными в составе обвиняемой группы был и представитель невоенных политических антибольшевистских сил Сибири, коим являлся И.А. Михайлов, занимавший с конца января 1918 г. должность министра финансов Временного Правительства Автономной Сибири. При большевиках находился в подполье и в мае 1918 г. участвовал в свержении советской власти большевиков в Новониколаевске. Он занимал должность и министра финансов Временного Сибирского правительства. [С Колчаком – против Колчака, С. 100-101]. Занимал должность министра финансов Михайлов и во Временном Всероссийском правительстве и Российском правительстве Колчака. Выступая на заседании 29 августа 1946 г., помощник государственного обвинителя полковник юстиции Кульчицкий дал Михайлову достаточно нелицеприятную характеристику, как министру колчаковского правительства, назвав его «проженным карьеристом, интриганов и пронырой». Вспомнил государственный обвинитель и прозвище Михайлова – «Ванька-каин», которым последнего наградили за его министерскую деятельность^[16].

В материалах обвинительного заключения отмечалось, что проведенным расследованием было установлено участие обвиняемых в активной вооруженной борьбе против советской власти, наличие планов по свержению в России советского строя и восстановлению капитализма. По мнению обвинения Власьевский, Бакшеев и Семенов были ответственны «...за злодейское убийство героя гражданской войны, руководителя партизанского движения на Дальнем Востоке – Сергея Лазо, который был заживо сожжен в топке паровоза японцами и белогвардейцами», а Семенов и Бакшеев обвинялись и в установлении на территории Забайкалья военной диктатуры^[17].

Некоторым участникам антисоветских сил на суде в Москве были предъявлены обвинения, связанные с их участием в Гражданской войне против советской власти. Генерал Семенов, как бывший главнокомандующий вооруженными силами Российской Восточной окраины обвинялся: в попытке организации заговора в 1917 г. в Петрограде против советской власти, намерении ареста Ленина и членов Петроградского совета; в ведении в 1918 г. под руководством японского оккупационного командования активной вооруженной борьбы против советской власти на Дальнем Востоке; получении от японцев крупных денежных средств, оружия и обмундирования, а также формирования воинских отрядов; активной борьбе против Красной Армии и партизанских формирований, руководимых Лазо; расправах над местным населением, поддерживавшим советскую власть; создании, по указанию японского командования, антисоветского правительства в Забайкалье; участии в формировании приамурского правительства в Приморье.

Советские обвинители в качестве преступлений Бакшеева в годы Гражданской войны отмечали его деятельность как заместителя Семенова председателя казачьего войскового правительства Забайкалья, где обвиняемый издавал приказы о насильственной мобилизации населения в белогвардейские отряды, занимался реквизицией продовольствия, фуражом и конского поголовья у мирного населения, создавал в станицах карательные дружины, активно боролся с партизанским движением. В вину Власьевскому обвинением ставилось формирование белоказачьих частей для вооруженной борьбы против Красной Армии. Михайлов обвинялся в участие и подготовке колчаковского переворота в ноябре 1918 г. и организации вооруженной борьбы против Красной Армии^[18].

Рассмотрение материалов обвинения Семенова и его соратников позволяет сделать

вывод о том, что содержание проводимой военными руководителями этих сил политики носило антисоветский, противоправный характер.

Газета «Правда» 31 августа 1946 г. сообщила в материалах хроники московского судебного процесса о том, что приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР в отношении руководителей антисоветских белогвардейских организаций на Дальнем Востоке и агентов японской разведки: атамана Г.М. Семенова, осужденного к смертной казни через повешение, К.В. Родзяевского возглавлявшего Всероссийскую фашистскую партию, членами которой были русские эмигранты в Маньчжурии, А.К. Бакшеева служившего Особом Маньчжурском отряде и на различных командных должностях под командованием Семенова, служившего у атамана Л.Ф. Власьевского, Б.Н. Шепуна, который в годы Гражданской войны служил в Закаспийской белой армии, а после ее окончания участвовал в деятельности антисоветских структур на Дальнем Востоке и И.А. Михайлова бывшего министра финансов в Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, осужденных к расстрелу, – приведен в исполнение [19].

Международный военный трибунал для Дальнего Востока отказался принимать текст приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 26-30 августа 1946 г. по делу Семенова и его соратников на основании того, что упоминаемые лица не были доставлены в Трибунал для допроса. [Николаев А.Н., С. 288.].

Результаты проведенного исследования наглядно показали, что процесс вмешательства Японии во внутренние дела в России, начавшийся в годы Гражданской войны, носил спланированный и последовательный характер, направленный на реализацию агрессивных внешнеполитических планов.

Ход Токийского процесса, как и процесс над Г.М. Семеновым и его окружением в августе 1946 г. в очередной раз наглядно показали, суть проводимой в то время по отношению в России внешней политики иностранными государствами, а руководимые атаманом антибольшевистские формирования, в своей военно-политической практике действовали при непосредственной поддержке Японии, которая рассчитывала на удовлетворении тогдашних своих геополитических устремлений, одним из разделов которых было овладение российской территорией, что лишь подчеркивало агрессивность и незаконность японских милитаристских планов. И только усилия Советской России, как в конце Гражданской войны, так и в 1945 г. сорвали их, а судебные процессы в Москве и Токио, и ряд других, стали итогом политики японских властей.

Библиография

1. Николаев, А.Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса. М.: Юрид. лит., 1990. 416 с.
2. Рагинский, М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юрид. лит., 1985. 360 с.
3. Рагинский, М.Ю., Розенблит, С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 264 с.
4. Светачев, М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Новосибирск: Наука. 1983. С. 334.
5. С Колчаком – против Колчака. М.: Аграф, 2007. 448 с.
6. Japanese War Criminals: The Politics of Justice After the Second World War / By Sandra Wilson, Robert Cribb, Beatrice Trefalt, Dean Aszkielowicz // Columbia University Press. 2017. Р. 440.
7. Ju-ao, Mei. The Tokyo Trial and War Crimes in Asia. // Palgrave Macmillan. 2021. Р. 304.

8. Minear, Richard H. Victor's Justice: The Tokyo War Crimes Trial. // Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1971. P. 254.
9. Zhaoqi C. A History of War Crimes Trials in Post 1945 Asia-Pacific. // Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2020. P. 358.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – суд над пособниками японских милитаристов в 1940-ые годы как отголосок Гражданской войны в России.

Методология исследования. Автор рецензируемой статьи вопросы методологии не затрагивает, но из контекста изложения текста можно сделать вывод, что в работе применен традиционный для таких работ метод научности, системности и историзма. В работе автор использовал историко-хронологический и историко-сравнительный методы.

Актуальность. Некоторые иностранные государства и в том числе Япония проводили политику, направленную на удовлетворение своих геополитических планов по захвату территории нашей страны. И в настоящее время есть страны, которые вынашивают планы по отторжению части территории нашей страны. Изучение материалов Международного военного трибунала для Дальнего Востока, в той его части, где представлялась позиция, отражающая вмешательство Японии во внутренние дела России в годы Гражданской войны, как отмечает автор рецензируемой статьи «актуализирует проблему вмешательства иностранных государств во внутренние дела стран».

Научная новизна определяется постановкой проблемы, задач исследования и тем, что исследуемая тема изучается на материалах судебного процесса Международного военного трибунала, протокола допроса Г.М. Семенова от 11 апреля 1946 г. бывшего атамана Забайкальского казачьего войска, одного из руководителей антибольшевистского лагеря противников советской власти в годы Гражданской войны на Востоке России. Автор статьи отмечает, что изучение материалов процесса и протоколов допроса 8 человек, которые советским правосудием были отнесены к контрреволюционерам, шпионам и агентам японской разведки, дает возможность «проанализировать характер проводимой военными силами антибольшевистского лагеря политики, ее ориентиров и содержания».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный, при этом он доступен для восприятия не только специалистами, но широкой читательской аудитории. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение поставленной цели и задач исследования. Текст статьи читается легко, текст последовательно изложен. В статье представлены интересные детали из показаний бывшего атамана Г.А. Семенова, что японцы в 1919 г. и делали предложения о помощи армии Колчака и в качестве платы хотели бы получить Северный Сахалин и Приморье, такое же предложение поступило от японцев и в 1920-м году. В тексте приведены показания и других подсудимых, которые свидетельствуют о том, что антибольшевистские формирования на Дальнем Востоке свою деятельность в военно-практической сфере проводили при поддержке Японии, которая преследовала свои цели, связанные с отторжением части территории нашей страны. Все 8 руководителей антисоветских белогвардейских организаций во главе с Г.А. Семеновым по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР в 1949 г. были осуждены и приговор в отношении их был приведен в исполнение. Но Международный военный трибунал для Дальнего Востока настал рассматривать текст приговора Военной

коллегии Верховного Суда СССР от 26-30 августа 1946 г. по делу Семенова и его соратников, и эти материалы не рассматривались военным трибуналом на основании того, что эти 8 человек не были доставлены в Международный военный трибунал для допроса. Попытки Японии на отчуждение территории нашей страны не увенчались успехом в 1918-1920 гг. и в 1945 г., но при этом прояснилась незаконность и агрессивность политики Японии и ее geopolитические планы. Библиография работы состоит из работ российских исследователей, а также работ на английском языке, опубликованных в США, в Великобритании по теме исследования и смежным темами свидетельствует о знании авторами статьи исследуемой проблемы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную и актуальную тему и будет интересна читателям журнала «Genesis: исторические исследования»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильичев А.В. Севастопольский гарнизон в первую половину XIX века: состав гарнизонных войск, военное управление, состояние оборонительных укреплений // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.70006 EDN: GGKNTT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70006

Севастопольский гарнизон в первую половину XIX века: состав гарнизонных войск, военное управление, состояние оборонительных укреплений

Ильичев Антон Владимирович

Младший научный сотрудник, Музей-заповедник Героической обороны и Освобождения Севастополя

299020, Россия, г. Севастополь, Пр. Генерала Острякова, 250-В, кв. 11

✉ ilichev-toni@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.70006

EDN:

GGKNTT

Дата направления статьи в редакцию:

29-02-2024

Аннотация: В статье рассматривается развитие севастопольского гарнизона на протяжении первой половины XIX в., затрагиваются частично события Крымской войны (1853–1856 гг.) и обороны Севастополя (1854–1855 гг.). Учитывая фрагментарный характер и слабую изученность тематики в отечественных исследованиях, основной акцент был сделан на период с 1830 по 1850 года. В этот исторический промежуток шли активные работы по преобразованию не только гражданской инфраструктуры города, но и военной. Предметом исследования выступает гарнизон крепости 1-го класса Севастополь. Объектом исследования является динамика изменения состава гарнизонных войск и конструирование органов военного управления в Севастополе, а также сухопутной оборонительной линии. Целью исследования является рассмотрение малоизученных страниц истории Севастополя первой половины XIX века. Методология исследования основывается на системном подходе. В работе были применены как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение), так и специализированные. К специализированным можно отнести качественный контент-

анализ. Выявлено, что в течение всего рассматриваемого периода в Севастополе присутствовал крупный гарнизон, в составе 1-й пехотной дивизии (13-я пехотная дивизия 5-го пехотного корпуса), что было обусловлено статусом Севастополя как крепости 1-го класса. Однако уровень организации военной инфраструктуры, слабое развитие логистической системы, а также отсутствие сухопутной линии обороны свидетельствовали о несоответствии крепости своему статусу накануне Крымской войны. 13-я пехотная дивизия в Севастополе, помимо несения караульной службы активно привлекалась к строительным работам, что приводило к регулярным спорам между гражданскими и военными властями. Комендантами севастопольской крепости становились опытные, боевые офицеры, часть из которых была ветеранами Отечественной войны 1812 года. Состав плац-майоров и плац-адъютантов в Севастополе подвергался постоянной ротации.

Ключевые слова:

Крым, Севастополь, Севастопольский гарнизон, 13-я пехотная дивизия, 5-й пехотный корпус, Крымская война, Первая Оборона Севастополя, Черноморский регион, Севастопольская крепость, Коменданты Севастопольской крепости

С древнейших времен Крым является важной стратегической, военной и экономической точкой в международной политике, местом столкновения различных региональных и глобальных проектов. Присоединение полуострова в состав России в 1783 г., позволило не только обеспечить Российской империи выход к Черному и Азовскому морям, но и сделать её одним из активных игроков в средиземноморском политическом противостоянии между ведущими европейскими державами. Географическое положение Крымского полуострова, а также его огромный стратегический потенциал, обусловили создание в регионе одной из крупнейших отечественных военно-морских баз, которой заслуженно стал Севастополь. В 1826 г. город был отнесен к категории крепости 1-го класса, а любая иностранная торговля практически прекратилась [\[44, с. XL\]](#). Долгие годы исследователи тщательно изучали вопросы, связанные с Черноморским флотом, однако, Севастопольский гарнизон, находившийся на постоянной страже города, остается малоизученной темой исследования.

В отличие от истории Черноморского флота, сведения о Севастопольском гарнизоне крайне скучны и обрывчаты. По 1801 г. гарнизон Севастополя был представлен 4-мя батальонами, гарнизонного Кошелева полка [\[25, с. 25\]](#), который с 17 апреля 1801 г. был переименован в «Гарнизонный генерал-майора князя Вяземского полк [\[5, с. 160\]](#).

Состав гарнизонных войск в Севастополе.

- Обеспечение безопасности городов в Российской империи в XIX в., поддерживалось тремя структурами:
 - 1. Корпусом жандармов;
 - 2. Внутренней стражей (куда входили гарнизонные батальоны/полубатальоны);
 - 3. Полками, расквартированными в регионе.

В Севастополе находилась жандармская команда, входившая в состав V-го жандармского округа. Она включала в себя: обер-офицера, являвшегося начальником команды, 4-х унтер-офицеров, 24 нижних чина и 4-х нестроевых чина (писарь, коновал, кузнец, денщик). В их обязанности входило обеспечение соблюдения законов, участие в рекрутских наборах, расследование преступлений, поиск преступников и беглых

крестьян.

«Корпус внутренней стражи» был сформирован еще в 1811 г., на основе гарнизонных полков. В его задачи входили полицейские функции, но при этом организация имела военную структуру и подчинялась Военному ведомству. Корпус состоял на протяжении всей своей истории из 8 – 13 округов. В них входили бригады из губернских батальонов и инвалидных команд. В 1816 г. «Корпус внутренней стражи» был переименован в «Отдельный корпус внутренней стражи», а губернские батальоны в гарнизонные. В обязанности этой структуры входило поддержание общественного порядка в городе. Защиту от нападения противников осуществляли расквартированные в регионе пехотные дивизии.

В Севастополе на протяжении всей первой половины XIX в. находился крупный гарнизон, что было обусловлено статусом города как главной военно-морской базы на Черном море. На начало событий, получивших название «Чумного Бунта», в Севастополе находилась 11-я пехотная дивизия 4-го пехотного корпуса. В 1833 г. по приказу военного ведомства 4-й пехотный корпус был переименован в 6-й, а входившие в него дивизии:

- 10-я пехотная дивизия в 16-ю пехотную дивизию;
- 11-я пехотная дивизия в 17-ю пехотную дивизию;
- 12-я пехотная дивизия в 18-ю пехотную дивизию;
- 10-я Пол. Артил. Бриг. в 16-ю Пол. арт. бриг.;
- 11-я Пол. Артил. Бриг. в 17-ю Пол. арт. бриг.;
- 12-я Пол. Артил. Бриг. в 18-ю Пол. арт. бриг.

О присутствии в городе 11-й пехотной дивизии нам известно из «Рапорта специально учрежденной Следственной комиссии о Севастопольском восстании 1830 г. новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М.С. Воронцову по делу о бунте в Севастополе от 12 августа 1830 г.» [36]. На момент начала карантина, объявленного 28 мая 1828 г., в городе находилось 5 тыс. человек воинских частей и вспомогательных отрядов. Такая концентрация войск в городе объясняется событиями Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Боевые действия велись на Балканском и Кавказском театрах, Севастополь играл роль перевалочного пункта, откуда боеспособные части перебрасывались в зону боевых действий, а раненые возвращались на родину. В работе А. Полканова «Севастопольское восстание», мы встречаем упоминания Севского и Орловского пехотных полков, принявших участие в событиях 1828–1830 гг. в Севастополе [33, с.87–88]. Они входили в состав бригад 11-й пехотной дивизии. Учитывая, что эти полки с 1820 г. были дислоцированы на постоянной основе в Могилевской губернии [9, с.254], в Севастополь они, вероятно, были переброшены в связи с началом новой войны с Османской империей. В это время 12-я пехотная дивизия под командованием генерала В.И. Тимофеева находилась в Румелии (Балканах). В 1831 г. она была задействована в подавлении восстания в Севастополе.

Нижним чинам, что были наказаны за участие в событиях 1830–1831 г., не воспрещалось получение знаков отличия, если они не были подвергнуты телесным наказаниям и отличились «хорошим поведением и усердием своих обязанностей». Те, кто был подвергнут телесным наказаниям, имели право на увольнение в отставку по «бесспорочном прослужении ими узаконенного к тому срока» [21, с.434].

24 февраля 1853 г. М.П. Лазарев доложил А.С. Меншикову рапортом о необходимости постройки в Севастополе нового адмиралтейства [24, с.14]. В личном письме к князю А.С. Меншикову от 9 декабря Михаил Петрович просит предоставить 5 тыс. солдат. Для

проведения строительных работ были выделены пехотные дивизии (13-я и 15-я) 5-го пехотного корпуса. До 1833 г. это был 6-й пехотный корпус и 16-я, 17-я пехотные дивизии, соответственно. В ходе подавления Польского восстания корпус заработал «ненадежную репутацию». Связано это было с симпатией к полякам у личного состава, а также со сдачей в плен без сопротивления, после того как корпус был окружён [31, с. 199]. Официальных обвинений выдвинуто не было, поскольку многие офицеры и солдаты храбро сражались, за что были награждены. Но при этом у императора Николая I сложилось негативное мнение о 6-м пехотном корпусе. В Севастополь отправлялась 15-я пехотная дивизия, впоследствии ее сменила 13-я. Работы велись с апреля по октябрь. Инфраструктуры для того, чтобы расположить личный состав на зиму не было, нижние чины и офицеры были вынуждены курсировать между местом своего расквартирования (Бессарабия, Новороссия) и местом работы [1, с. 257]. В 1840 г. Белостокский пехотный полк обустроил постоянные квартиры на территории Крымского полуострова [29, с. 133]. 14-я пехотная дивизия в 1837 г. выполняла задачи по охране границ и караульной службе на юге Российской империи [1, с. 258]. Весной 1840 г. батальоны 51-го пехотного его императорского высочества наследника цесаревича Литовского полка, вместе с строительных работ, несли гарнизонную службу в Севастополе.

На строительные работы из дивизии могли выделять от 2500 до 3300 человек в день. Такое небольшое число было обусловлено тем, что солдаты могли работать лишь один день из трех. Военнослужащих разделяли на три смены, те солдаты, что не были задействованы в строительных работах, занимались несением караульной службы. 15-я пехотная дивизия выставляла 800 человек в караулы ежедневно [2, с. 20]. В обязанности солдат входило и ведение полкового хозяйства, которое было очень обширно. Это и мастерские для пошива, и ремонта обмундирования, и снаряжения, цейхгаузы для хранения боеприпасов, и амуниции и т.д. [2, с. 20]. Для офицерского и командного состава строительные работы в Крыму представляли собой существенную проблему, поскольку дивизии корпуса не могли проводить полноценную подготовку личного состава.

Солдат из пехотных дивизий, в силу нехватки казарм на полуострове, размещали в домах местных жителей группами по 4–5 человек в доме [2, с. 20]. Подобная практика приводила к конфликтам между военнослужащими и местными жителями, командирами корпусов и дивизий с гражданскими властями. Командир 5-го пехотного корпуса Муравьев даже отмечал по этому поводу «что частные неудовольствия между жителями и войсками нельзя относить к общему враждебному взаимному расположению, но что местные власти, вместо того чтобы прекращать сии случаи и водворять согласие, старались поддержать сие и пустыми представлениями ему Воронцову, обозображивая самые незначительные происшествия, стараются возбудить в нем негодованием к войскам, и потому мы можем скорее полагать, что нас принимают как неприятельское войско; что сии самые войска, квартируя в других губерниях, не оставляли после нигде неудовольствий, оттого что и губернаторы там были порядочные люди, но что в Таврической губернии мы встретили другое» [28, с. 477].

Таврическая губерния, несмотря на свои размеры, могла разместить на своей территории лишь 5 полков пехоты, а в случае острой необходимости и на короткий срок еще два полка. На период военного времени, дома колонистов могли обеспечить место для расквартирования еще трех батальонов пехоты или двух полков кавалерии [7, с. 5]. Британский офицер Уильям Ленnox Ласселлс Фитцджеральд-де Рос во время своего визита в Севастополь в 1835 г., писал о том, что гарнизон Севастополя в летнее время

составлял около 12 тысяч человек [\[55.с.114\]](#).

С 1840 по 1845 г. части 5-го пехотного корпуса принимали участие в боевых действиях на Кавказе, в связи с обострением ситуации в регионе и успешной наступательной кампанией Шамиля [\[1.с.257-264\]](#). В 1846 г. все пехотные дивизии корпуса вернулись на места своей постоянной дислокации в Таврической и Херсонской губерниях. В 1848–1849 гг. часть сил 5-го пехотного корпуса отправили на подавление Венгерской революции. 13-й пехотной дивизии было поручено обеспечение безопасности в Молдавии и Валахии [\[1.с.264-265\]](#). В 1851 г. 5-й пехотный корпус вернулся в империю. О присутствии в Севастополе накануне Крымской войны 13-й пехотной дивизии мы можем узнать из «Росписания Армии и корпусов съ показанием квартирь и передвижения войскъ». В этом документе военного ведомства указано, что Брестский пехотный полк, Белостокский пехотный полк и Литовский егерский полк были расквартированы в Севастополе. Виленский егерский полк, хоть и входил в состав 13-й пехотной дивизии, но был расположен в Симферополе [\[37.с.136\]](#).

Сборным пунктом для установки лагеря считалось место вблизи города, в версте от него по направлению дороги в сторону Балаклавы. Занять это место дивизия должна лишь в случае необходимости, за неимением другого лучшего [\[7.с.25\]](#). Связано это было с каменистой почвой и малыми запасами воды.

В Севастополе насчитывалось 138 караульных постов от действующих войск, на которых выходило по 19 обер-офицеров, 69 унтер-офицеров, 12 музыкантов, 36 ефрейторов и 907 рядовых. Поверх этого числа в ночной обход выходило 3 унтер-офицера и 60 рядовых [\[7.с.46\]](#).

В приморские магазины Севастополя провиант поставлялся с торгов воронежской казенной палаты, а перевозка осуществлялась из Ростова по цене в 1 руб. 74 коп. серебром за доставку [\[7.с.47-48\]](#). Предметы Комиссарского департамента в Таврическую губернию поставляли: лацканые сукна – казенная павловская суконная фабрика, мундирная – тамбовская и кременчугская комиссариатские комиссии, прочее подрядчики из Болхова, Нижнего Новгорода и Москвы.

Во время визита в Севастополь в сентябре 1845 г. император Николай I провел смотр 4-х и 5-х батальонов 13-й пехотной дивизии, оставшихся в городе. За «примерный порядок и отличнейшее устройство» было выражено высочайшее благоволение командующему 5-го пехотного корпуса и командующему частями войск, оставшимися в городе, на время задействования сил корпуса на Кавказе: генерал-лейтенанту Данбергу, командиру 2-й бригады 13-й пехотной дивизии генерал-майору Румянцову, командующим сводных полков полковнику Приходькину и полковнику Житкову З-му, а также всем командирам батальонов, обер и штаб-офицерам [\[14.с.103\]](#). Императором были отмечены, также командиры 6-го пехотного корпуса, которые сумели в кратчайшие сроки перебросить в Севастополь 5-й батальоны 6-го пехотного корпуса с минимальным числом больных [\[14.с.103\]](#).

Состав местных/внутренних войск в Крыму на момент 1853 г. включал в себя: Балаклавский греческий батальон, Таврический батальон и Керченский полубатальон внутренней стражи, а также Кинбурнский и Севастопольский артиллерийские гарнизоны [\[3\]](#). Таврический гарнизонный батальон внутренней стражи был расквартирован на территории Симферополя в казармах VI округа военных поселений [\[7.с.31\]](#). В

Севастополе находился Севастопольский артиллерийский гарнизон, Южного артиллерийского округа. В его состав входили:

- 1) Управление начальника артиллерийских гарнизонов южного округа;
- 2) Севастопольский артиллерийский гарнизон, состоящий из крепостного штата рот № 3, 4, 5, 6 и полуэркеры № 7;
- 3) Лабораторная № 4 полуэркеры;
- 4) Окружная артиллерийская школа учреждения для преподавания наук рядовым нижним чинам, назначаемым к замещению фейерверских, цейхшрейберских и писарских вакансий;
- 5) Учебная команда, скомплектованная в городе Севастополе, при Южном округе из артиллерийских гарнизонов;
- 6) Севастопольские местные парки на 1 пехотный корпус, 1 кавалерийскую дивизию и 1 артиллерийскую бригаду [\[7,с.34-35\]](#).

Образцы вооружения для пополнения запасов Севастопольского арсенала поступали с Тульского оружейного завода [\[51,с.331\]](#). Командиром Севастопольского Артиллерийского гарнизона был в 1849 г., полковник Беккер. Его помощником являлся капитан Мызников [\[45,с.50\]](#). В документах М.П. Лазарева есть упоминание о Брекере (Бракере) Августе Богдановиче, генерал-лейтенанте, начальнике Южного артиллерийского округа [\[24,с.532\]](#). Рассматривая вопрос о численности офицерского состава в Севастополе, мы имеем следующие данные:

Генералов – 14;

Штаб-офицеров – 153;

Обер-офицеров – 782 [\[6,с.219-220\]](#).

Коменданты Севастопольской крепости.

Военное управление в крепостях и городах находилось в ведении комендантов и комендантских управлений, подчинявшихся Главнокомандующему армии и военному губернатору. В обязанности комендантов входило поддержание безопасности, проведение инспекторских смотров инженерных, артиллерийских и пожарных команд. В их прямом подчинении находились гарнизонные войска. При переводе крепости/города на осадное положение комендант получал права командиру отделённого корпуса на период военного времени. Документооборот происходил в комендантском управлении либо в случае с крупными крепостями и городами – Ордонансгаузе [\[22,с.64\]](#). На чины по крепостному управлению, как правило, назначаются офицеры из числа отставных раненых чинов [\[43,с.182\]](#). В зависимости от разряда крепости, чин коменданта могли занять:

1. Крепость 1-го класса – полный генерал или генерал-лейтенант;
2. Крепость 2-го класса – Генерал-лейтенант или генерал-майор;
3. Крепость 3-го класса – генерал-майор или полковник;

4. Крепость 4-го класса – полковник или подполковник [\[43,с.182\]](#);

5. Крепость 5-го класса – обязанности коменданта исполнял плац-майор.

В то же время, согласно Своду Военных постановлений, комендант мог быть назначен по Высочайшему приказу чином выше или ниже, но при этом не ниже майора [\[43,с.182\]](#). Комендант не имел права покинуть город на расстояние дальше, чем пушечный выстрел без разрешения со стороны Военного губернатора или Главнокомандующего [\[43,с.183\]](#). Помимо этого в их обязанности входило хранение ключей от всех ворот и потайных ходов крепости, а также они осуществляли надзор за крепостными работами [\[43,с.188-189\]](#). При осадном положении или военном времени комендант должен был иметь готовый план защиты, где были бы определены вероятные направления атаки, места постов и резервов и порядок взаимодействия всех подчиненных корпусов и команд, находящихся в городе [\[43,с.190\]](#). Для этого архив крепости, согласно документации, должен быть снабжен точным планом крепости и ее окрестностей, картой, отображающей местность около крепости, общей картой региона или империи, историческими записками о географических особенностях и обороне крепости [\[43,с.191\]](#).

Помощником коменданта являлся плац-майор, который при отсутствии коменданта, исполнял его обязанности. Плац-майору подчинялись гарнизонные арестантские роты [\[22,с.64\]](#). Делопроизводство (рапорты от гарнизона, рапорты о больных в госпиталях (при наличии), рапорты о приезжающих и уезжающих, ведение архива, заполнение подорожных) находилось в обязанностях плац-адъютантов [\[22,с.64\]](#) [\[43,с.197\]](#). В Севастополе располагался Ордонанс-гаус (комендантское управление) 2-го класса. К сожалению, установить место его расположения, на сегодняшний день не удалось.

Плац-майоры и Плац-Адъютанты Севастопольской крепости с 1843 г. по 1853 г. по данным Высочайших приказов по Военному Ведомству.		
ПЛАЦ-МАЙОРЫ		
Капитан по армии Станкевич, севастопольский плац- адъютант.	8 января 1843 г. за отличие по службе произведет в майоры и назначен плац-майором [11,с.19] ;	Северное укрепление Севастополь; 10 января 1844 г. переведен плац- майором в Севастополь, с оставлением по армии [12,с.13] . Приказом от 8 апреля был уволен со службы по болезни, в чине Подполковника, с мундирем и полным пенсионным жалованием [12,с.116] .
Майор по армии Жмурин, севастопольский плац- майор.	10 января 1844 г. переведен городничим в г. Землянск, Воронежская губерния [12,с.116] .	Севастополь, до января 1844 г.

ПЛАЦ-МАЙОРЫ

Капитан по армии
Станкевич,
севастопольский плац-
адъютант.

8 января 1843 г. за
отличие по службе
произведет в майоры и
назначен плац-майором
[\[11,с.19\]](#);

Северное укрепление
Севастополь;

10 января 1844 г.
переведен плац-
майором в Севастополь,
с оставлением по армии
[\[12,с.13\]](#).

Приказом от 8 апреля
был уволен со службы
по болезни, в чине
Подполковника, с
мундирем и полным
пенсионным
жалованием [\[12,с.116\]](#).

Майор по армии
Жмурин,
севастопольский плац-
майор.

10 января 1844 г.
переведен городничим в
г. Землянск,
Воронежская
губерния [\[12,с.116\]](#).

Севастополь, до января
1844 г.

Николаевский плац-адъютант, капитан Протасов	10 января 1844 г. за отличие по службе произведен в майоры и назначен плац-майором [12,с.116]. 10 мая 1847 г. был отправлен в отпуск по болезни на 8 месяцев в г. Смоленск в Ревельские морские воды [16,с.172]	Северное укрепление Севастополя; 8 апреля 1844 г. переведен плац-майором в Севастополь [12,с.115]
Майор фон-Левиз, севастопольский плац-майор	12 августа 1847 г. назначен плац-майором на место майора Протасова в Севастополь [17,с.61]	Севастополь
Штабс-капитан Козляников, лейб-гвардии Измайловского полка	12 августа 1847 г. назначен плац-майором и произведен в майоры [17,с.61]	Северное укрепление Севастополя

ПЛАЦ-АДЪЮТАНТЫ

Прaporщик Модлинского пехотного полка Эрасмус	17 июля 1844 г. назначен в должность плац-адъютанта [13,с.26].	г. Севастополь
Капитан фон-Левиз, севастопольский плац-адъютант	8 апреля 1844 г. произведен за отличие по службе в майоры и назначен плац-майором в Северное укрепление [12,с.115].	До апреля 1844 г.
Капитан Палевич, севастопольский плац-адъютант	17 марта 1846 г. переведен в Ряжский пехотный полк [15,с.119]	До марта 1846 г.
Штабс-Капитан Бертье-де-Лагард, севастопольский плац-адъютант	17 марта 1847 г. произведен в капитаны со старшинством, с оставлением в настоящей должности по армии [16,с.104]. 13 августа 1847 г. переведен плац-адъютантом в город Кутанс [17,с.62]	До августа 1847 г.
Штабс-Капитан Радкевич, Виленского егерского полка	7 мая 1853 г. назначен плац-адъютантом в Севастополь [19,с.291]	

Коменданты, плац-майоры и плац-адъютанты от армии и пешей артиллерии вместо шпаг были обязаны носить полусабли, а от тяжелой кавалерии – с шарфом палаши, без – конные шпаги [\[21,с.452\]](#).

С 1816 по 1826 г., комендантом Севастопольской крепости являлся генерал-майор Анастасий Антонович Юрковский. 3 сентября 1829 г. комендантом города Севастополя был назначен генерал-лейтенант Андрей Петрович Турчанинов, участник Наполеоновских войн. Со своей должности он был уволен за некомпетентность, проявленную в ходе Чумного бунта в Севастополе в 1830 году. Суд постановил лишить Андрей Петровича чинов и орденов, а также разжаловать в рядовые до выслуги [\[49\]](#). 20 сентября 1832 г. комендантом Севастополя был назначен еще один ветеран Наполеоновских войн, отмеченный медалью за «Взятие Парижа 1814 г.», представитель эстляндских дворян, барон, генерал-лейтенант Федор Федорович Розен. Талантливый военный деятель, он был также частью Литовского пехотного полка. С 1811 по 1814 г., Федор Федорович исполнял обязанности шефа полка. По состоянию здоровья он был вынужден написать прошение об освобождении его от должности коменданта Севастополя и от армии 9 сентября 1842 года [\[10,с.98\]](#). Его сменил князь Ливен 4-й генерал-майор и пробыл на этой должности он недолго и вскоре был переведен в Таганрог [\[12,с.2\]](#). В ноябре 1844 г. на пост коменданта был назначен начальник 20-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Аполлон Васильевич Галафеев [\[13,с.160\]](#). Апполон Васильевич – опытный боевой офицер, отличившийся в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. За участие в операции по взятию крепости Кюстенджи был награжден орденом Св.Владимира 4-й степени с бантом, орденом Св. Анны 2-й степени за «дело при Карагюасе», а также золотым оружием с подписью «за храбрость» за операцию при Гаджи-Гасан-Ларо. За оборону г. Проводы награжден орденом Св. Георгия 4-й степени [\[39,с.129\]](#). В 1830-1831 г. Галафеев А.В. принимал участие в подавлении Польского восстания. В 1839 г. был включен в экспедицию под командование генерал-адъютанта П.Х. Граббе против Шамиля. Ему было поручено командование всей пехотой отряда. За эту кампанию был награжден орденом Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени (за штурм аула Ахульго), а также произведен в генерал-лейтенанты. В 1840 г. отряд под командованием А.В. Галафеева был отправлен в Чечню [\[23,с.136\]](#). В состав отряда входил Тенгинский пехотный полк, где служил М.Ю. Лермонтов [\[47,с.236\]](#). За отличную службу поэт был включен в состав адъютантов командующего во время Второго похода в Чечню [\[47,с.250\]](#).

В ходе боев на Кавказе, генерал-лейтенант был серьезно ранен и оставался в регионе вплоть до 1846 г. Обязанности коменданта Севастопольской крепости в это время исполнял командующий южного артиллерийского округа генерал-лейтенант Бракер [\[14,с.103\]](#). Официальное вступление в должность произошло в 1850 году. В Историческом вестнике в воспоминаниях морского офицера В.П. Одинцова сохранилась характеристика Аполлон Васильевича: «Был в Севастополе комендантом генерал Аполлон Васильевич Галафеев, старый кавказец, вдовец, и у него была дочь (ныне умершая), которую он хотел веселить, поэтому жил открыто, задавал обеды и устраивал пикники; хотел быть строгим с молодежью, но это никогда ему не удавалось, потому что он по натуре был очень добрый человек» [\[8,с.498\]](#).

Приказом военного министерства от 1 октября 1852 г. «Оставляется от должности комендант г. Севастополя, состоящий по армии генерал-лейтенант Галафеев 1-й с преданием военному суду, арестованым за злоупотребления по Командантскому

управлению» [\[18.c.137\]](#). 20 октября 1852 г. на пост первого коменданта был назначен генерал-лейтенант по кавалерии Иван Иванович Кизмер [\[18.c.158\]](#). Его действия были высоко оценены правительством. За отличное выполнение своих служебных обязанностей, по приказу императора Александра II, Иван Иванович Кизмер был награжден Орденом Белого орла с грамотой (одна из высших наград в Российской империи) [\[27.c.37\]](#). 26 октября 1855 г. был назначен Московским комендантом [\[27.c.37\]](#). Из сборника приказов по гарнизону Севастополя за период с 1853 по 1856 г. можно узнать о наличии в Севастополе, в обозначенный период двух комендантов: первый севастопольский комендант генерал-лейтенант И.И. Кизмер, второй комендант контр-адмирал Рагуля [\[34.c.108\]](#). Свод военных постановлений гласит: «В крепости, состоящей на базисе военных действий и в пространстве, занимаемом Действующей Армией, Главнокомандующий, в случае нужды весьма не терпящей, может сам определять особых Комендантов» [\[43.c.183\]](#). Однако, в документах А.С. Меншикова, опубликованных исследователем А.В. Ефимовым, не удалось найти упоминаний о назначении особого коменданта в Севастополь. В указателе имен второго тома сборника документа П.С. Нахимова есть следующая запись: «Рогуля Григорий Иванович (ум. В 1871) – адмирал (1865), в 1852-1855 гг. вице-адмирал, комендант Севастопольской крепости, затем комендант г. Николаева» [\[35.c.394\]](#). В VIII т. общего морского списка указано, что Г.И. Рогуля был произведен в вице-адмиралы и назначен исполняющим обязанности севастопольского коменданта. А 22 октября назначен вторым севастопольским комендантом [\[30.c.129\]](#). В более поздней редакции Свода военных постановлений 1869 г. можно обнаружить запись о наличии городских комендантов, которые полагаются в некоторых городах и узловых конечных станциях железных дорог. В приморских городах они могли заниматься лицами не военного, а морского ведомства [\[41.c.91-92\]](#). Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что «первый комендант» — это комендант крепости, в то время как «второй» это комендант города или «особый комендант».

Квартирные деньги на год в Севастополе выделились в следующем количестве: плацмайору 150 р., плац-адъютанту 120 р., аудитору ордонанс-гауза 150 р.,смотрителю казарм 120 р., канцеляриям 150 р., отрядному дежурству 120 рублей [\[42.c.168\]](#). Полковым командирам квартирные деньги выдавались не по должностям, а по чинам: генерал-майору 1500 р., штаб-офицерам 500 р. ассигнациями [\[48.c.837-838\]](#).

С началом военного обострения Восточного вопроса в 1853 г., 13-я пехотная дивизия была переброшена на Кавказ. Вместо нее в Севастополь была введена 13-я резервная пехотная дивизия.

На 4 октября 1853 г., севастопольский гарнизон состоял из:

- 1) Резервной бригады 13-й пехотной дивизии;
- 2) Батарей №1 и 2, 13-й артиллерийской бригады;
- 3) № 15-й военно-рабочей роты Инженерного ведомства;
- 4) № 2 и № 4 артиллерийской гарнизонной роты;
- 5) Трех сотен казаков Донского казачьего № 39 полка;
- 6) Военно-временные №13 и 15 госпитали и Херсонский госпитальный кадр;
- 7) Оставшиеся командиры 13-й пехотной дивизии.

Команды низких чинов из 13-й пехотной дивизии, что остались в городе, приписывались к Брестскому, Волынскому, Белостокскому пехотным полкам и Литовскому и Виленскому егерским полкам [\[34.с.9\]](#).

В ноябре 1853 г. генерал-лейтенант Федор Федорович Моллер был назначен командующим войсками в Крыму [\[34.с.14\]](#). С марта 1854 г. он начинает исполнять обязанности начальника севастопольского гарнизона [\[34.с.20\]](#). Фигура Федора Федорович в отечественной литературе приобрела, исключительно отрицательную характеристику. В ее основу легли воспоминания князя Виктора Илларионовича Васильчикова, что сменил Ф.Ф. Моллера в 1854 году. В своих воспоминаниях он писал: «Немного мне нужно было наблюдать, чтобы убедиться, что в осажденном городе действительного начальника не было. Генерал Моллер никуда из своей квартиры не выходил, никому никакого приказания не отдавал и даже не получал извещение о важнейших на оборонительных линиях событиях» [\[4.с.209\]](#).

Мемуаристика является очень ненадежным источником информации. Любые воспоминания являются субъективными материалами, поскольку события описываются с точки зрения определенного человека, как правило, по прошествии значительного временного промежутка от происходящих событий. Большую часть информации о бытности Севастопольского гарнизона Виктор Илларионович узнал по рассказам офицеров уже по прибытие в Севастополь. Американский профессор Рииз Р. в своем исследовании «The Imperial Russian Army in Peace, War, and Revolution, 1856–1917» отмечал высокий уровень конфликтности в русском офицерском корпусе, вызванный проблемами классового характера [\[54.с.30\]](#). В этом контексте, сведения В.И. Васильчикова о Ф.Ф. Моллере вызывают сомнения.

В 2022 г. в Москве был опубликован сборник документов «Приказы по гарнизону г. Севастополя 1853–1855 гг.». Это издание представляет собой результат кропотливого труда с источниками из Российского государственного военно-исторического музея. В нем удалось обнаружить подлинные и полные комплекты приказов за период с 1853 по 1855 год. Исследование представляет собой ценнейший источник информации для изучения Крымской войны. Анализируя сборник приказов, мы можем сделать вывод, что генерал-лейтенант проявлял большое внимание к содержанию поверенных ему частей, отдавал приказы по назначению офицеров на оборонительные линии, регламентировал жизнь Севастопольского гарнизона, отмечал присущие недостатки и предлагал способы их преодоления. За 1853 г., генерал-лейтенантом Ф.Ф. Моллером было издано 18 приказов, а за 1854 г., 92 приказа. Столь активная деятельность абсолютно не коррелирует с тем образом «слабого, безвольного и бесхарактерного человека, абстрагировавшегося от проблем гарнизона», навязанного отечественной науке послевоенной мемуаристикой, искавшей виновных в Севастопольской трагедии. Приведем пример, а именно приказ генерал-лейтенанта Ф.Ф. Моллера от 13 октября 1854 г.: «Предлагаю гг. (господам) начальникам оборонительной линии доставить ко мне немедленно именной список офицерам убитым, раненым и контуженным с 5-го числа сего месяца и по сегодняшний день особо, и на будущее время представлять сведения эти ежедневно вместе с ведомостями об убитых, раненых и контуженных низких чинах. Объявляю о сем по командуемым мной войскам к точному исполнению» [\[34.с.46\]](#).

26 октября 1853 г. из города были выведены батареи № 1 и 2 13-й артиллерийской бригады, вместо них из Одессы прибыли батареи № 3 и 4 14-й артиллерийской бригады [\[34.с.12-13\]](#).

В конце ноября 1853 г. к войскам под командованием Ф.Ф. Моллера присоединилась 1-я бригада 14-й пехотной дивизии, 2-я и 3-я роты Балаклавского греческого батальона, Таврический гарнизонный батальон, расположенный батальонами и полубатальонами в Симферополе и Феодосии с подведомственными оному и уездными и Бахчисарайской этапной командой. Командиры Балаклавского греческого и Таврического гарнизонного батальонов, Донского казачьего № 39 полка и Резервной бригады 13-й пехотной дивизии должны были предоставлять рапорт о состоянии своих частей 1, 8, 15, 22 числа каждого месяца. Все прочие каждые 8 дней [\[34,с.15\]](#).

Городской магистрат вначале был перемещен в дом Бибикова на улице Б. Морской, затем был переведен в Екатерининский дворец, после чего в Николаевскую батарею [\[46,с.36\]](#). В августе 1855 г. городские власти были переброшены на Северную сторону. Еще до высадки неприятеля в Крыму прорабатывался вопрос о подготовке к вывозу из полуострова документации и казенного имущества. Так в предписании главнокомандующего Кн. Меншикова губернатору Таврической губернии Пестелю указывалось:

- 1) Что перевозку в безопасное место сумм, книг и дел, принадлежащих присутственных местам, вверенной Вам губернии, я признаю, при настоящих военных обстоятельствах, как не бесполезную меру осторожности, которую и должно привести тот час же в исполнении;
- 2) Что в настоящее время в казначействах должно оставлять только самые небольшие суммы, какие нужны для покрытия необходимых ближайших по времени расходов, и не в звонкой монете, а в депозитках [\[46,с.41\]](#).

К сожалению, севастопольский архив с описями и настольными реестрами был уничтожен в результате бомбардировки 25 августа 1855 г., а также после сожжения самого здания, в котором хранилась документация. В Николаев магистрату удалось вывезти денежные суммы с книгами и гербовую бумагу [\[46,с.36-37\]](#).

Начало подготовки города к военному положению можно отметить в приказе № 1 от 23 января 1854 г., и № 2 от 19 февраля 1854 г., генерал-лейтенанта Ф.Ф. Моллера Нижние чины были обязаны отточить штыки и тесаки, а солдаты, заступающие в караул, должны были иметь в патронных сумках по 60 боевых патронов [\[34,с.19\]](#).

Оборонительные укрепления Севастополя.

На протяжении многих лет Севастопольская крепость была защищена лишь со стороны моря, что отчасти объяснялось сложностями с получением должного финансового ассигнования для фортификационных работ [\[40,с.26-63\]](#). В специальной части военного статического обозрение Российской империи за 1849 г. была следующая запись: «Севастопольская крепость считается в 1-м классе, но в нынешнем положении, это не крепость, а военный порт, укрепленный чрезвычайно сильно с морской стороны, и не имеющий никакой почти защиты с сухого пути». Попытки решить проблему, связанную со слабой сухопутной линией обороны, предпринимались неоднократно. Под руководством и контролем военного губернатора Севастополя М.П. Лазарева был разработан единый план сухопутной обороны города, от Карантинной бухты до Ушаковой балки. Однако, из-за недостатка финансирования большая часть работ к началу Крымской войны выполнена не была [\[50,с.95-96\]](#). К 1850 г., удалось окончить работы по возведению: Константиновской батареи, Михайловской батареи, батареи № 4,5, Павловской батареи,

Николаевской батареи, батареи № 8, приморской части 7-го бастиона у батареи №8, Александровской батареи, а также три отдельные башни, т.е. приморской оборонительной линии [50,с.96]. Несмотря на то, что работы по возведению сухопутных укреплений так и не были завершены к войне, император Николай I был чрезмерно уверен в безопасности города: «Я так укрепил Севастополь, что с этой стороны не должно быть никаких опасений. Теперь никто, ни англичанин, никто, не решится идти к нам. К тому же я постоянно держу в Севастополе дивизию» [50,с.96].

В 1854 г., под руководством А.С. Меншикова, начальника главного морского штаба, члена комитета министров (1828-1855) и Главнокомандующего Крымской армии (с 4.04.1854 г. по 15.02.1855 г.), до высадки союзников в Крыму начались работы ускоренному созданию сухопутной оборонительной линии. Весной 1854 г., береговые команды и матросы с кораблей были отправлены на возведение 6-го и 5-го бастионов [52,с.130]. По приказу А.С. Меншикова на 4-м бастионе и прилагающих к нему батареях, в силу воздействования запасов артиллерийского гарнизона на укрепления на Северной стороне, были установлены 24-фунтовые пушки-карронады корвета Пилад, а также 24-фунтовые пушки с арсенала Морского ведомства [52,с.134]. Сухопутные войска, расквартированные в городе, были отправлены на возобновление Северного укрепления и укрепления северной стороны города [52,с.156]. В рапорте начальнику артиллерийских гарнизонов южного округа от 21 мая 1854 г. за номер 645 указывалось, что к началу мая 1854 г. близки к завершению были реперные точки оборонительной линии города с юга и востока [52,с.157]. 10 июля 1854 г. была освящена оборонительная башня на Малаховом кургане [52,с.168]. Решение о создании на Малаховом кургане было совместно принято императором Николаем I и А.С. Меншиковым. В 1854 г. в своем рескрипте к генерал-адъютанту А.С. Меншикову, отдельно остановился на необходимости интенсифицировать работы по возведению донжона на Малаховом кургане [26,с.80]. Расходы на постройку оборонительной башни на Малаховом кургане взяло на себя купечество, которое собрало сумму в 11,500 рублей [46,с.93]. К сентябрю 1854 г., несмотря на интенсификацию работ по возведению сухопутной оборонительной линии Севастополя, 3/4 оборонительной линии все еще была открытой [53,с.125]. 13 сентября 1854 г. приказом генерал-лейтенанта Моллера Ф.Ф., Севастополь был переведен на осадное положение [34,с.31].

ВООРУЖЕНИЕ КРЕПОСТИ 1-ГО КЛАССА СЕВАСТОПОЛЬ НА 1850 Г.			
Вооружение	Предполагалось	Имелось в наличии	Состояло на вооружении
ПУШКИ			
36-фунтовые	147	63	42
30-фунт.	17	17	10
24-фунт.	130	212	161
18-фунт.	44	50	18
12-фунт.	62	62	-
6-фунт.	4	6	2
Бомбические пушки 3-пудовые	48	24	-
ЕДИНОРОГИ			
1-пуд. длин.	137	148	115
1-пуд. корот.	14	14	-
1/2-пуд. длин.	80	80	-

72-пуд. длины	шт	шт	-
МОРТИРЫ			
5-пуд	30	26	-
2-пуд.	12	12	-
½-пуд.	10	10	-
Всего орудий	745	734	348
Крепостные ружья	30	30	- [24,с.145]

Приказом от 8 июня 1854 г. нижним чинам было запрещено кратковременное пребывание на улице без шапок в жаркие дни и разрешено не снимать головной убор при встрече с командиром. Вместо этого предлагалось становиться во фронт [34,с.25]. Уже 25 июня 1854 г. в Севастополе нижним чинам разрешили снять каски и сдать их на склад [34,с.25].

В день первой бомбардировки Севастополя 5-6 октября 1854 г., в городе находились следующие части:

1. Минский, Московский, Бутырский пехотные полки;
- 2 . Тарутинский егерский полк и Бородинский егерский его Высочества Наследника Цесаревича полк;
3. Резервная бригада 13-й пехотной дивизии;
4. 6-й Резервный батальон Волынского и Минского пехотных полков;
5. 6-й саперный батальон;
6. 2-й и 8-й пеший Черноморский казачий батальоны;
7. Легкая №4 батарея 14-й артиллерийской бригады и легкая №4 и №5 батареи 17-й Артиллерийской бригады;
8. 5-я сотня Донского казачьего №39 полка;
9. 1-я сотня Донского казачьего №67 полка [34,с.48-49].

В период с октября по ноябрь 1854 г. в Симферополь шла активна транспортировка раненых из Севастополя. Для размещения выделялись также частные дома. Часть семей военнослужащих и офицеров из осажденного Севастополя также была вывезена в Симферополь. Уже в ноябре месяце нижним чинам и офицерам вместо квартир выделялись денежные суммы [46,с.43-44]. Всего под медицинские нужды в Симферополе было отдано 45 домов [46,с.45]. Дома могли сдаваться как на безвозмездной основе, так и с выплатой по окончанию войны компенсации [46,с.46].

Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры в Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, а также Таврической губернии существенно усложнял доставку в Крым и Севастополь продовольствия, боеприпасов, топлива, одежды. Доставлять в Севастополь, те же полушубки, многие извозчики отказывались или же запрашивали еще по 1 рублю с пуда [46,с.119-120]. Поставки боеприпасов (ядра, порох, пули и т.д.) оплачивались по более высокой цене – 1 руб. 40 к. за пуд [46,с.120].

Мужество, героизм и стойкость защитников Севастополя в годы Крымской войны были отмечены императорской властью еще в октябре 1854 года. Дополнение к Высочайшему

приказу от 12 октября 1854 г. гласило:

«Государь Император, получил от Генерал-Адъютанта Князя Меншикова донесение о непоколебимом мужестве, примерной стойкости и достохвальном самоотвержении, оказанных всеми Сухопутными и Морскими войсками, составляющими гарнизон Севастополя во время бомбардирования этого города Англо-Французами 5-го и 6-го числа сего Октября, объявляет искреннюю душевную признательность всем чинам означенных войск, от Генерала до рядового, за блестательный их подвиг, коим они вполне оправдали Высочайшее доверие к ними ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. – ГОСУДАР ИМПЕРАТОР изволит оставаться в убеждении, что они и впредь не перестанут отличать себя доблестною храбростью и всеми достоинствами, одушевляющими истинных сынов России» [\[20.с.172\]](#).

На протяжении всей первой половины XIX в. на территории Севастополя был размещен крупный гарнизон, что было обусловлено как статусом крепости 1-класса, так и высоким стратегическим значением базы Черноморского флота. В 1830-е гг., после завершения подавления Польского восстания, в связи с необходимостью создания новых объектов военной инфраструктуры в город была переброшена 13-я пехотная дивизия 5-го пехотного корпуса. В Севастополе, помимо строительных работ, дивизия занималась несением караульной службы. Отсутствие ключевых объектов военной инфраструктуры (к примеру, казарм) вызвало серьезные сложности не только с защитой города и полуострова от внешних угроз, но и с размещением на полуострове военнослужащих. Последнее привело к тому, что 13-я и 15-я пехотные дивизии были вынуждены до 1840 г., по завершению периода строительных работ (апрель-октябрь) курсировать между местом своего постоянного расквартирования и непосредственным местом занятости. Основная часть сил 13-й пехотной дивизии активно задействовалась в военных операциях. С 1840 по 1845 г., большая часть дивизии была переброшена на Кавказ для противодействия новой кампании имама Шамиля, а в 1848-1849 гг., они были задействованы в подавлении Венгерской революции. На начало Крымской войны дивизия в полном составе находилась в Севастополе.

Военное управление в крепости 1-го класса Севастополь, осуществляли коменданты в чине генерал-лейтенанта или генерал-майора, многие из них являлись ветеранами Отечественной войны. Из 5 комендантов Севастопольской крепости, за период с 1816 по 1852 г., двое были преданы военному трибуналу – генерал-майор Анастасий Антонович Юрковский за проявленную некомпетентность в ходе подавления «Чумного бунта» и Апполон Васильевич Галафеев за злоупотребления по комендантскому управлению. С 1852 г. в Севастополе находилось два коменданта – первый по военному ведомству (генерал-лейтенант Иван Иванович Кизмер) и второй по-морскому (контр-адмирал Григорий Иванович Рагуля). С началом Крымской войны генерал-лейтенант Федор Федорович Моллер был назначен командующим севастопольским гарнизоном. В литературе личность Федора Федоровича была незаслуженно раскритикована из-за неоднозначных сообщений дореволюционной мемуаристики. Однако, при детальном изучении списка приказов по севастопольскому гарнизону, удалось выяснить, что Ф.Ф. Моллер принимал активное участие в подготовке города к обороне и улучшении условий нижних чинов в крепости.

Острой проблемой на протяжении всей первой половины XIX в. для Севастопольской крепости была доставка необходимого снаряжения и продовольствия. Недостаточный уровень развития транспортной и логистической инфраструктуры Таврической и близлежащих губерний приводил к удорожанию и увеличению времени поставок. Эта

проблема стала критической в период Крымской войны (1853-1856 гг.) и обороны Севастополя (1854-1855 гг.).

Несмотря на размещение в Севастополе крупного гарнизона, он по многим своим признакам не соответствовал статусу крепости 1-го класса. Основными недостатками были отсутствие необходимых объектов военной инфраструктуры, доступной транспортной и логистической инфраструктуры, а также недостаточная защищенность. Севастополь имел мощную оборонительную линию защищавшую город с моря, однако сухопутная оборонительная линия полностью отсутствовала. Обсуждение этой проблемы на высшем уровне и активное участие М.П. Лазарева не привело к должным результатам. К началу Крымской войны была сделана лишь малая часть из запланированного в 1834 г. проекта. Работы интенсифицировались в 1853-1854 гг., однако к моменту высадки союзников ¾ сухопутной оборонительной линии все еще были открыты. Накануне Крымской войны такой же точки зрения придерживался полковник Генерального штаба Н.Б. Герсанов в Военно-статистическом обозрении Таврической губернии, составленном по распоряжению Военного министерства.

Библиография

1. Андриайнен С.В. «Войска без знамен»: История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I // Научный диалог. № 8, 2021. С. 249-270.
2. Андриайнен С.В. Использование труда русских солдат в Крыму в 1830-е годы: правовой и хозяйственный аспекты // Право и государства: теория и практика. № 8(152), 2017. С. 19-22.
3. Богданович М.И. Восточная война. Глава XIX. [Электронный ресурс]. URL: <http://adjudant.ru/crimea/bogdan19.htm> (Дата обращения 19.02.2024).
4. Васильчиков В.И. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизон кн. В.И. Васильчикова // Русский архив. Кн. 2. № 6, 1891 г. С. 166-256.
5. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 9. СПб: Военная типография, 1851. 418 с.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. Т. XI. Часть 2: Таврическая Губерния. Сведения Общие. Спб: Типография Департамента Генерального штаба, 1849. 225 с.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. Т. XI. Часть 2: Таврическая Губерния. Сведения Специальные. Спб: Типография Департамента Генерального штаба, 1849. 50 с.
8. Воспоминания Одинцова В.П. // Исторический вестник. Т. LXXXII, 1900. С. 481-509.
9. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 января по 20 августа 1820. СПб.: Военное Министерство, 1821. 348 с.
10. Высочайшие приказы о чинах военных 2-я половина 1842 г. СПб: Военное Министерство, 1842. 244 с.
11. Высочайшие приказы 1-я половина 1843 г. с 1 января по 30 июня. СПб, 1843. 237 с.
12. Высочайшие приказы о чинах военных 1-я половина 1844 г. СПб: Военное Министерство, 1844. 214 с.
13. Высочайшие приказы о чинах военных 2-я половина 1844 г. СПб: Военное Министерство. 1844. 228 с.
14. Высочайшие приказы о чинах военных 2-я половина 1845 г. СПб.: Военное Министерство, 1845. 217 с.
15. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 января по 20 декабря 1846. СПб.: Военное Министерство, 1846. 490 с.
16. Высочайшие приказы о чинах военных 1-я половина 1847 г. с. 1 января по 30 июня. СПб: Военное Министерство, 1847. 249 с.

17. Высочайшие приказы о чинах военных 2-я половина 1847 г. с. 1 июля по 31 декабря. СПб: Военное Министерство, 1847. 210 с.
18. Высочайшие приказы о чинах военных 2-я половина 1852 г. СПб.: Военное Министерство, 1852. 217 с.
19. Высочайшие приказы 1-я половина 1853 г. С. 1 января по 30 июня. СПб, 1853. 445 с.
20. Высочайшие приказы о чинах военных 2-я половина 1854 г. СПб.: Военное Министерство, 1854. 287 с.
21. Девятое продолжение Свода Военных Постановлений с 1 января 1849 по 1 января 1851. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1852. 594 с.
22. Карманная справочная книжка для русских офицеров. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1856. 1005 с.
23. Клычников Ю.Ю. Военно-политические усилия российской власти по ликвидации северо-восточного «очага» так называемой Кавказской войны // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 132-142.
24. Лазарев М.П. Документы. Т. III. М.: Военное издательство Министерства обороны союза СССР, 1961. 580 с.
25. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. № 2, 1897. С. 20-30.
26. Меншиков А.С. в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания. Ч.1. Симферополь: ООО «Антиква», 2018. 288 с.
27. Московский некрополь. Т. 2. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 486 с.
28. Муравьев Н.Н. Из записок Н.Н. Муравьева-Карского // Русский архив. Т. 3. № 12, 1894. С. 465-538.
29. Николаев Е.П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807-1907 гг. Спб, 1907. 608 с.
30. Общий морской список. Часть VIII Царствование Александра I. СПб.: Типография Морского министерства, 1894. 646 с.
31. Павлюк К.К. История 51-го Пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка: 1809-1909 гг. Т. 1. Одесса: типо-лит Штаба Одес. Воен. Окр, 1909. 490 с.
32. Пасечников И.А. Деятельность органов политической полиции Таврической губернии в годы Крымской (Восточной) войны (1853-1856) // Пространство и время 1-2 (19-20), 2015. С. 267-272.
33. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 года. Крым АССР, 1936. 147 с.
34. Приказы по гарнизону г. Севастополя: 1853-1855 гг. Сборник документов. М.: Институт Наследия, 2022. 261 с.
35. П.С. Нахимов Документы и материалы. Т. 2. СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати, 2003. 461 с.
36. Рапорт специально учрежденной Следственной комиссии о Севастопольском восстании 1830 г. новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М.С. Воронцову по делу о бунте в Севастополе от 12 августа 1830 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/raport-specialno-uchrezhdennoy-sledstvennoy-komissii-o-sevastopolskom-vosstanii-1830-g> (Дата обращения 19.02.2024).
37. Росписание Армии и корпусов съ показаниемъ квартиръ и передвижения войскъ. СПб: Типография Департамента Генерального Штаба. 1852. 142 с.
38. Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель. Том 2. 2006. Раздел 13. Фонды управлений, соединений и частей пограничной и внутренней стражи, местных войск, воинских начальников, жандармских, карательных и дисциплинарных частей » Управления и части внутренней стражи [Электронный ресурс], URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/15729>

39. Русский библиографический словарь. Том IV. Гааг-Гербель. СПб.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. 494 с.
40. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат, 1997. 320 с.
41. Свод военных постановлений 1869 года. Книга III. СПб.: Государственная Типография, 1890. 157 с.
42. Свод Военных Постановлений. Часть Четвертая. Книга Третья. Приложения СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1839. 2865 с.
43. Свод Военных постановлений. Часть Первая. Книга Вторая. СПб.: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. 3123 с.
44. Список населенных мест по сведениям 1864 г. Таврическая губерния. СПб.: Центр. стат. ком. Мин.внутр. дел, 1865. 137 с.
45. Список по старшинству генералитету, штаб-офицерам и капитанам Гвардейской, Полевой и Гарнизонной артиллерии. Спб, 1847. 158 с.
46. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. Симферополь: Типог.Таврич.Губерн.Земства.1905. 260 с.
47. Тенгинский полк на Кавказе 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская Береговая Линия. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, Лорис-Меликовская улица, дом казенный. 1900. 494 с.
48. Третье продолжение Свода Военных Постановлений с 1 января 1841 по 1 января 1843. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. 1054 с.
49. Турчанинов Андрей Петрович // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. С. 581-582.
50. Черноусов А.А. Адмирал М.П. Лазарев. Роль личности в истории России. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2011. 344 с.
51. Четвертое продолжение Свода Военных Постановлений с 1 января 1843 по 1 января 1844. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1844. 710 с.
52. Жандр А. П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1859. 396 с.
53. Baumgart W. The Crimean War: 1853–1856. Bloomsbury Academic. 2020. 312 p.
54. Reese R. R. The imperial Russian army in peace, war, and revolution, 1856–1917. University Press of Kansas, 2019. 512 p.
55. Ros W.F. Journal of a Tour in the Principalities: Crimea, and Countries Adjacent to the Black Sea in the Years 1835–1836. Londod: John W Parker and son West Strand, 1855. 164 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Находящийся на перекрестке Европы и Азии Крымский полуостров с давних времен служит местом притяжения различных народов, в связи с чем привлекал внимание различных этнических групп. Вхождение Крыма в состав России обусловило быстрое развитие полуострова в военно-стратегическом плане, в конечном итоге обеспечив такие бессмертные эпopeи, как оборона Севастополя в годы Крымской и Великой Отечественной войн. Однако чаще всего исследователи обращают внимание при изучении военной истории города на Черноморский флот, оставляя без внимания Севастопольский гарнизон.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является севастопольский гарнизон в первой половине XIX века. Автор ставит своими задачами рассмотреть состав гарнизонных войск в Севастополе, показать его военное управление, а также проанализировать военные укрепления города.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать Севастопольский гарнизон в первой половине XIX века.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 50 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего различными нормативно-правовыми документами («Высочайшие приказы»), а также опубликованными воспоминаниями и военно-статистическими обозрениями. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды С.В. Андриайнена и А. Полканова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории русской армии в Крыму. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей русской армии, в целом, так и севастопольским гарнизоном, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в отличие от истории Черноморского флота, сведения о Севастопольском гарнизоне крайне скучны и обрывчаты». В работе показано, что «Севастополь имел мощную оборонительную линию защищавшую город с моря, однако сухопутная оборонительная линия полностью отсутствовала». При этом как отмечает автор рецензируемой статьи «отсутствие ключевых объектов военной инфраструктуры (к примеру, казарм) вызвало серьезные сложности не только с защитой города и полуострова от внешних угроз, но и с размещением на полуострове военнослужащих»: это особенно стало очевидным в период Крымской войны и обороны Севастополя. Автор обращает внимание на то, что «острой проблемой на протяжении всей первой половины XIX в. для Севастопольской крепости была доставка необходимого снаряжения и продовольствия». В работе также приводятся интересные факты о комендантах гарнизона.

Главным выводом статьи является то, что «несмотря на размещение в Севастополе крупного гарнизона, он по многим своим признакам не соответствовал статусу крепости 1-го класса».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Мезит Л.Э., Филиппова К.Р. Повседневная жизнь учителей Красноярского края в военный период // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.72785 EDN: GGSDCO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72785

Повседневная жизнь учителей Красноярского края в военный период

Мезит Людмила Эдгаровна

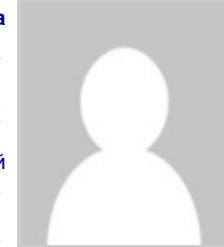
ORCID: 0000-0003-3341-4237

кандидат исторических наук

доцент, кафедра отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Курчатова, 1а

✉ mezit@yandex.ru

Филиппова Карина Ренатовна

ORCID: 0009-0008-4001-3486

независимый исследователь

660049, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Лебедевой, 89, оф. 230

✉ filipp0va.kar@yandex.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.72785

EDN:

GGSDCO

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2024

Аннотация: Предмет исследования – выявление изменений, произошедшие в системе снабжения, производственной деятельности учителей в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны. Данная профессиональная группа была одной из массовых, работавшей в городе, и в селе. Однако повседневность учительских кадров до сих пор не стала предметом специального исследования. Основное внимание в статье уделено региональным особенностям, позволяющим оценить эффективность

государственной политики исследуемого периода. Внимание партийно-государственных органов к системе образования не ослабевало в годы войны, что нельзя сказать о заботе о педагогических кадрах, в силу объективных и субъективных условий исследуемого периода. Выявление в Государственном архиве Красноярского края, массива разнообразных по типологии исторических источников, впервые введенных в научный оборот, дает возможность получить ответы на целый ряд ключевых вопросов повседневной практики учителей. Методология исследования базируется на принципах критического осмыслиения деятельности партийно-государственных органов по социальной защите учителей региона. Историко-антропологический метод позволил реконструировать условия труда и быта массовой профессиональной группы, их влияние на результаты деятельности по решению государственных задач, стоящих перед системой образования в исследуемый период. Из-за ограниченности материальных ресурсов, в крае не в полном объеме выполнялись постановления вышестоящих органов, однако контроль за выполнением Закона о всеобуче, патриотическом воспитании учащихся был системным. В условиях массового призыва в РККА населения региона, оставшиеся в тылу учителя были перегружены не только учебной нагрузкой, но и общественно-политической, культурно-просветительской работой с населением, участием в сельскохозяйственных работах и т.п. Все это негативным образом отражалось на качестве обучения, морально-психологическом состоянии педагогов. Материально бытовые проблемы утельство мужественно преодолевало наряду со всем населением региона, при этом сохраняя достоинство, статус профессиональной принадлежности. Поэтому в годы войны значительное число учителей были удостоены высоких государственных наград.

Ключевые слова:

производственная повседневность, система снабжения, дефицит, карточки, талоны, награды, всеобуч, поручения, спецпоселенцы, цены

Военно-антропологические исследования позволяют расширить исследовательское поле хорошо изученного периода истории за счет осмыслиения жизненных проблем с позиций его участников, проследить логику поступков людей в экстремальных условиях. С другой стороны, региональные особенности повседневной жизни в годы войны имеет большое потенциал для исследования человеческого измерения войны.

Анализируя степень изученности темы следует отметить, что в работах предшественников основное внимание уделялось реализации закона о всеобщем обучении и роли педагогов в воспитании патриотизма у ребят и подростков, как главных задач системы образования в годы Великой Отечественной войны [\[1- 3\]](#).

Трудности материально-бытового характера учителей лишь упоминались в работах, посвященных социальной политике страны военного времени [\[4 - 10\]](#).

В публикациях и диссертационном исследовании Беловой Н.А., выполненном на материалах Костромской области, посвященном повседневности учителей исследуемого периода, комплексно анализируются проблемы производственной повседневности и решение жилищных вопросов, и проблемы снабжения одной из массовых профессиональных групп в данном регионе [\[11\]](#).

Вместе с тем малоисследованными являются проблемы производственной деятельности,

возникшие в связи с перестройкой системы образования в военный период; проблемы материального положения учителей Красноярского края в военный период.

Источниковую базу работы составили материалы Государственного архива Красноярского края, личные воспоминания учителей, работавших в школах края в военный период, материалы периодики.

Методология и методы. Антропологический подход позволил увидеть советскую повседневность глазами самих учителей, он помогает восполнить пробел в изучении образа жизни работников образовательной сферы в военный период. Принцип историзма, позволил рассматривать исторические явления и процессы в их становлении и развитии, принцип научной объективности, способствовал анализу всей совокупности фактов в их взаимосвязи. Методы исследования включают сравнительно-исторические построения, на основании которых было прослежено функционирование советского учительства в хронологическом и региональном сопоставлении. Идеографический метод предоставил возможность описать события повседневной жизни учителей.

Война затронула все сферы жизни советского общества в т.ч. систему народного образования, кардинально изменила жизнь и деятельность учителей. С началом Великой Отечественной войны педагогические работники, как и все жители страны откликнулись на необходимость оказания помощи Отечеству, часть учителей была мобилизована, другая группа ушла на фронт добровольцами. В первые месяцы войны прошло сокращение педагогических кадров, однако вскоре в край прибыли 716 учителей, эвакуированных из западных областей страны, 348 из них устроились работать в школы края. Так в Идринском районе, трудоустроились 11 человек, в Манском районе – 7 [2: с. 257]. В условиях дефицита учителей, во многих районах края к педагогической деятельности привлекали даже спецпоселенцев из числа депортированных в Красноярский край. В 1943-44 уч. году в Манском районе края 39 спецпоселенцев (из числа калмыков, немцев, финнов) были привлечены к педагогической деятельности, в т.ч. трое из них работали директорами школ, 4 – заведующими учебной частью [12; Д. 336. л. 173]. Вместе с тем, из-за систематического увеличения числа школ, проблема дефицита педагогических кадров не была решена в исследуемый период, что способствовало перегрузке работавших учителей.

Таблица 1 Динамика численности педагогических кадров края [3; с.216]

Учебный год	Численность учительских кадров
1941-1942	12 433
1942-1943	13 340
1943-1944	14 953
1944-1945	13 230

Условия труда. С началом войны школьные помещения в городах края были переданы под госпитали, эвакуированные предприятия, детские дома и поэтому подавляющее большинство школ работали в две-три смены. Обычной практикой была работа одного учителя в нескольких классах, поэтому работа над исправлением почерка, индивидуальная работа со слабыми учащимися, переростками, организация экскурсий были свернуты [3; с.216]. Подобная тенденция отмечалась в других регионах страны [6: с.11; 8; с.151-152; 11; с.22].

Серьезным вызовом учителям был разрыв связи родителей и детей в этот период, обусловленный массовым вовлечением женщин в реальный сектор экономики. Поэтому уделять должное внимание детям не могли, а значит к учителям предъявлялись повышенные требования за результаты работы со школьниками.

В условиях военного времени приходилось менять методы работы, т.к. у учащихся не было условий для самостоятельной работы дома (дефицит учебников, отсутствие света, и пр.). Преобладающим методом был рассказ, но учителя максимально стремились активизировать познавательную деятельность ребят, чтобы сохранить мотивацию к учебе, добиваться усвоения новых знаний. Так учитель русского языка Е.И. Окладников из Абанской школы в целях экономии бумаги проводил выборочные диктанты, для текстов изложений использовал материал газет [\[2; с. 306\]](#).

Инспекторы краевого отдела образования, сотрудники института усовершенствования учителей обращали особое внимание на практическую направленность образовательного процесса. Учительница Абанской начальной школы при прохождении темы «Растения» использовала личный гербарий ядовитых и лекарственных растений, весной с учащимися проводила яровизацию картофеля. Для развития словарного запаса учеников заучивали с ними патриотические стихи и т.п. В результате успеваемость в ее классах была высокой. В Дзержинском районе учителя истории, литературы при изучении нового материала увязывали его с современностью. [\[2; с.305\]](#). Крайона стремился распространять опыт учителей, изготавливавших из подручных средств наглядные пособия, нестандартные методы работы и добивавшиеся хороших результатов.

Молодые учителя не обладали достаточным опытом по обучению ребят без домашних заданий, формированию прочных знаний, допускали ошибки в своей работе: не умели системно формировать технику чтения у ребят, осуществляли отрыв изучения грамматики и литературного чтения, пр. Краевой отдел образования совместно и институтом усовершенствования учителей систематически проводили методические совещания, краткосрочные курсы по повышению профессионального уровня педагогов, но в силу их чрезмерной перегруженности, изменить ситуацию в годы войны не удалось, средств у учителей на приобретение методической литературы не было. Качество знаний по математике, русскому языку оставалось в крае низким весь исследуемый период.

В военный период отпуска учителям не предоставлялись, составлялись планы привлечения их для работы в колхозах, промышленных предприятиях края в свободное от основной работы время. Педагоги участвовали в заготовке дров, обработке пришкольных участков, дежурили в местах массового скопления людей (базары, вокзалы) с целью выявления беспризорных и безнадзорных ребят, т.п.

Весной 1942 г. все школы края включились во Всесоюзное соревнование по выполнению сельскохозяйственных работ. Совместно с учениками учителя выращивали овощи, зерновые культуры на пришкольных участках, помогали колхозам с уборкой урожая, начиная с 1941 г. учебный год в 5-8 классах начинался с 1 октября, 9-10 классах – с 15 октября. Только летом 1943 г. 2138 городских учителей края совместно с учащимися трудились в хозяйствах края [\[3; с.225\]](#). Учителя несли полную ответственность за организацию сельскохозяйственных бригад учащихся, одновременно проводили агитационную работу среди колхозников. Работа ребят и учителей, как и труд колхозников оплачивался в трудоднях. Каждый городской школьник 6 класса должен

был за лето выработать 45 трудодней, учащиеся 7-8 классов – 60 трудодней, 9-10 классов -85 трудодней. Для сельских школьников нормы были выше [\[13; с. 98\]](#).

Из воспоминаний Ольги Лавровой, работавшей учительницей в г. Иланском в годы войны: «Учителя давали по 8-10 уроков. Новый материал нужно было давать так, чтобы ребята его не просто поняли, но и запомнили, т.к. домашние задания делать ребятам было некогда, масса домашней работы и общественных поручений, которые они выполняли. С первой военной зимы во всех школах города для учеников организовали бесплатное питание. Был установлен титан, где кипятился морковный чай, к нему ребятам выдавали кусочек хлеба и вареную картофелину» [\[13; с. 115\]](#).

Учитель Дзержинского района А.П. Семенов вспоминал, что, тетрадей и карандашей не хватало, писали на уроках соком свеклы, черники в самосшитых тетрадях, изготовленных, из старых книг и использовали их в работе. Одни учебник был на несколько учеников [\[14; с.271\]](#).

На ежегодных краевых педагогических совещаниях, как свидетельствуют архивные материалы, руководители края констатировали, что многие постановления Министерства просвещения РСФСР в крае не реализовывались должным образом. Край не смог стабилизировать школьную сеть и обеспечить выполнение закона о всеобуче, переростки, поступавшие в первый класс, как правило, уходили из школы, не завершив обучения, не был выполнен закон о раздельном обучении мальчиков и девочек в большинстве районов края и т.п. В военное время руководство учителями со стороны партии было усилено. Педагогам постоянно приходило работать сверх нормы, за счет сна и отдыха [\[2; с.257\]](#). Несмотря на все трудности, учителя стремились добросовестно выполнять свои обязанности, обучая и воспитывая ребят патриотами своей страны. Можно согласиться с Н.А. Беловой, что учителя стремились быть примером для семей своих учащихся в отношении к делу, считая это своим вкладом в общее дело Победы [\[11;с.26\]](#).

Материальное положение. Непростые условия труда учителей, сопровождались тяжелыми бытовыми условиями. В январе 1942 г. на краевом совещании заведующий крайоном отмечал, что многие учителя края не обеспечены топливом, керосином, поэтому вынуждены были проверять тетради на печи с лучной (Курагинский, Аскизские районы). В Аскизском районе учителя не получали положенных по норме 400 г хлеба, а членам их семей паек был вообще сокращен в два раза. В Манском районе сельпо задерживали выдачу хлеба по карточкам на 10-15 дней [\[12; Д.336. Л. 173\]](#). В Курагинском районе хлеб не выдавался по 1-2 месяца, в Бирюлюсском районе – по 2-3 дня. Скудный паек получали городские учителя по карточкам, в результате чего из-за недоедания случались голодные обмороки, плохо обстояло с медицинским обслуживанием [\[15; Д. 502. Л. 45\]](#).

По воспоминаниям И.Н. Попова, проживавшего в военный период в Енисейском районе края: «Питались мы плохо. Основным блюдом была картошка, овощи, речная рыба, мясо было редко, часто голодали. По три дня бывало ели соль и пили воду. Трудно было» [\[16; с.353-354\]](#).

В 1943-1944 уч. году в крае была проведена разовая акция выдачи учителям дополнительного пайка, в который входил сахар, мыло, соль, спички, керосин. В ряде районов нашли возможность выделить теплую обувь, промышленные товары. Для

городских учителей были открыты специальные столовые. По направлению медицинского учреждения, ослабленные учителя получали возможность получать дополнительное питание в данных столовых, талоны на питание в данных столовых использовались и как стимулирование особенно отличившихся работников [18; Д.475. л.6].

Вопросы бытового и материального обеспечения учителей были постоянно в центре внимания партийно-советских органов. Особенно в трудном положении находились молодые учителя, приехавшие работать в сельские районы края. Учителя края в городах, сельской местности с конца апреля 1942 г. были на карточном снабжении продуктами питания и промышленными товарами. Однако централизованных фондов, выделенных региону, продукции местной кооперации не хватало для бесперебойного снабжения населения, по нормативам, определенным органами государственной власти, поэтому заготовка дикоросов, огородничество существенно облегчало выживаемость учителей в этот период [15; Д. 840. л. 33]. Местные органы образования, изыскивали дополнительные резервы для решения их насущных задач, для закрепления учителей в своих районах. Заведующий Богучанским районным управлением образования Третьяков Н.И. в 1942 г. обратился к председателю кооперации с просьбой выделить 50 пар чулок для учительниц, которые ходят в туфлях и нельзя, чтобы чулки были штопанные [17; с.145].

В годы войны сократились доходы учительства, хотя с 1 августа 1943-1944 уч. года повысилась заработка плана на 30-40% [2; с.265]. В годы войны увеличилось количество налогов, отчислений, которые выплачивали учителя. Военный налог, которым облагалось все трудоспособное население в тылу; отчисления в Фонд обороны; распространение государственного займа, объем которого вырос в годы войны; выплата подоходного налога, приводили к тому, что сумма взносов в пользу государства доходила до 50 рублей при ставке учителя первого разряда 240 рублей и второго разряда 300 рублей. Нам не удалось обнаружить в краевом архиве ведомостей оплаты труда учителей на сельскохозяйственных, лесных работах, лишь упоминание о том, что выплаты были произведены.

Того количества продуктов, которое получали по карточкам не хватало для нормального питания, поэтому учителя прибегали к услугам рынка. Цены на товары повседневного спроса на рынках краевого центра приведены в нижеприведенной таблице.

Таблица 2 Стоимость товаров в г. Красноярске [18; Д. 537. Лл. 20, 64; Д. 14, л.71-72; Д.457, л.19]

годы	Стоимость 1 кг мяса	Стоимость 1 л молока	Стоимость 1 ведра картофеля
1942	60 рублей	10 рублей	30 рублей
1943	180-350 рублей	40-60 рублей	240-280 рублей

Внешне учителя старались выглядеть аккуратно, при этом изношенность вещей скрыть было невозможно, т.к. средств и возможности на обновление гардероба у учителей практически не было. Фотографии учителей военной поры позволяют реконструировать внешний их облик: волосы хорошо уложены, одеты скромно, как правило, темная юбка, светлая блузка с плотным вязанным жакетом, жилетом. Обувь, как правило изношенная, после починки. Большинство учителей stoически переносили лишения, не часто обращались к вышестоящим органам за помощью.

Однако, как свидетельствуют архивные материалы, материальное положение многих

учителей было близко к катастрофическому. В 1943 г. краевой комитет ВКП(б) заслушал результаты комиссии, обследовавшей материальное положение учителей города Красноярска. В докладе приводились вопиющие примеры. Так молодая учительницы школы №3 г. Красноярска, студентка пединститута ходит на уроки в пальто, т.к. у нее нет платья, а у многодетной учительницы Подпориной школы №21, у которой недавно погиб муж на фронте совершенно нет обуви, поэтому она ходит на работу в рванье. Члены комиссии обратили внимание, что у всех образовательных учреждений города есть шефы и те организации, которые живут интересами школы, помогают учителям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, так учительницы женской школы №47 от ОСМЧ получили жировые карточки, 50 метров полотна, а к 8 Марта даже небольшие премии. Ряд учителей женской школы № 40 (шефы Норилькомбинат) прикрепили ослабленных учителей к собственной столовой, некоторым выделили жировые карточки [\[12; Д.336. Л. 126\]](#).

В июле 1943 г. в край поступило 46 вагонов верхнего готового платья, обуви белья – нового и подержанного по ленд-лизу, присланного союзниками. Его распределение по специальным ордерам было проведено среди преподавателей вуза, учителей, семей военнослужащих, детских домов [\[19; с. 361\]](#).

Несмотря на громадные лишения, трудности в крае было немало учителей, которые в непростых условиях, проявляли творческий подход в работе, добивались хороших результатов, их, как правило, отмечали правительственные наградами. В газете «Красноярский рабочий» №33 за 1945 г. помещено фото 7 учителей, получивших высшие государственные награды за свой труд (орден Ленина, орден «Знак Почета», орден «Трудового Красного Знамени») [\[21; с.1\]](#).

Школьные коллективы в условиях войны выступали как единое целое, дистанция между учителями и учениками, характерная для учебного процесса, сокращалась в ходе совместных мобилизационных кампаний, направленных на помочь фронту. Из-за дефицита родительского внимания дети тянулись к учителям, которые о них заботились. Среди учительства этой поры преобладали женщины, которые сохраняли свое достоинство, стремились соответствовать статусу учителя, адаптируясь к ограничениям военного времени, самоотверженно выполняли свой гражданский долг и вносили посильный вклад в общее дело победы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в годы войны учеба для многих ребят отошла на второй план, т.к. резко упал жизненный уровень семей, государство было заинтересовано в более раннем вовлечении подростков в реальный сектор экономики вместо мобилизованных мужчин и женщин. Все это повышало роль и ответственность педагогов за всеобуч, за воспитание достойных граждан своей страны. Однако в крае, из-за ограниченности финансовых и материальных ресурсов местные руководители в отличии от других регионов страны, не смогли в полном объеме выполнить решения Министерства просвещения РСФСР о перестройке учебно-воспитательного процесса в годы войны, обеспечить по утвержденным нормативам снабжение школ и работавших в них учителей всем необходимым. Дефицит педагогических кадров привел к перегруженности учителей помимо основной работы в две смены, общественными поручениями. Такая практика сложилась в большинстве тыловых регионах страны. Однако в крае из-за его обширной территории крайоне не организовал регулярную методическую работу с молодыми учителями; привлеченными специалистами, без педагогического опыта, что сказывалось на слабой подготовке таких учителей к урокам, а это, в свою очередь, привело к снижению качества знаний у

учащихся и большому отсеву ребят из школы.

Материально-бытовые проблемы учителя решали преимущественно самостоятельно, т.к. ресурсов у местных органов на это недоставало. Учителям приходилось экономить практически на всем. Скромный учительский доход не позволял иметь даже один хороший костюм. Несмотря на сложное материальное положение педагогов, они активно участвовали в сборе средств в Фонд обороны, других патриотических акциях. Можно утверждать, что вопреки всем трудностям повседневной жизни в условиях войны, учителя, как все советские люди, вносили большой вклад в дело общей победы над фашистской Германией.

Библиография

1. Народное образование Красноярского края за годы советской власти: сб. научных трудов. Красноярск, КГПИ, 1970.
2. Бибикова В.В. Выполнение закона о всеобуче в годы Великой Отечественной войны в Красноярском крае. – Красноярск, ЗАО «Луна-Река», 2016.
3. Очерки истории народного образования Красноярского края XVII – начало XXI вв. – Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014.
4. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири в 1940–1950-е гг. – Иркутск, Издательство ИГЭА, 2000.
5. Твердюкова Е.Д. Депутатский корпус районных Советов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 72-81. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.36836 URL: https://e-notabene.ru/hr/article_36836.html
6. Овчинников А. В. Власть и учительство России в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020.Т. 1, № 2 (66). С. 7-17.
7. Жукова О.Г. Социокультурная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2011, № 8. С. 142-144.
8. Лаптева Ю. В. Всеобуч как система сохранения детских контингентов в 1941–1945 гг.: на материалах Молотовской и Свердловской областей / Ю. В. Лаптева // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей в 2-х томах. – Т. I. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – С. 146-158. – DOI: 10.17059/udf-2022-1-13.
9. Эмирханов И.А. Повседневная жизнь населения тылового региона в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг.(на материалах Дагестанской автономной республики// История: факты и символы. 2017. – № 4 (13). С. 128-136. (DOI: 10.24888/2410-4205-2017-13-4-128-136).
10. Вычевов Д.А., Прищепа А.С. Школьный коллектив в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени) // Вопросы истории 2021. № 2. С. 94-103. DOI: 10.31166/VoprosyIstoriyi202102Statyi11
11. Белов А.М., Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей Костромского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4, 2015. С. 21-26.
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.П-26, Оп.15.
13. Трудовой фронт Красноярья. 1941–1945. – Красноярск, Поликор, 2018.
14. Ветераны войны и трудящиеся тыла. Дзержинского района. – Красноярск, Амальгема, 2020.
15. ГАКК. Ф.Р- 1383. Оп. 1.
16. Мы помним... Красноярск, Амальгема, 2005.
17. Красноярцы в Великой Отечественной войне. Материалы региональной межвузовской конференции. Красноярск, Изд-во КрИСЭП, 2005.
18. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3.

19. Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по документам архивного агентства Красноярского края). Сборник документов. – Красноярск, изд-во КАСС, 2010.
20. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а.
21. Вручение орденов и медалей СССР учителям Красноярского края // Красноярский рабочий. № 33(7903) от 17 февраля 1945 г.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья представлена как «военно-антропологическое исследование», посвященное малоизученной теме жизни и быта учителей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автор приводит примеры трудностей, с которыми сталкивались учителя в военное время: перегрузки, материальные лишения, нехватка ресурсов.

Если рассматривать статью как результат антропологического исследования, то к ее положительным сторонам можно отнести фокус на повседневности, описание жизни учителей, что позволяет увидеть социальную реальность военного времени. Описания сделаны на основе источников "снизу" – использованы личные воспоминания, дневники и другие источники, созданные самими участниками событий, что придает исследованию дополнительную глубину и аутентичность. Это характерный признак антропологического подхода. Статья косвенно затрагивает вопросы культурных практик, например, способы адаптации к новым условиям жизни, изменения в системе ценностей. Исследование рассматривает учителей не изолированно, а в контексте более широких социальных процессов, происходивших в стране в годы войны.

Вместе с тем автор не сформулировал обоснование актуальности исследования, в том числе «повышенной актуальности» тематики статьи в контексте антропологического направления.

Научная новизна исследования не выражена.

В статье недостаточно четко прослеживается теоретическая и методологическая основа исследования. Непонятно, какие конкретно антропологические концепции и методики использовались автором, насколько они были важны для интерпретации данных, выявленных из источников. Автор мог бы обосновать междисциплинарный подход к теме статьи, поскольку в антропологических исследованиях применяются методы истории, социологии, психологии – интеграция этих дисциплин могла бы обогатить исследование. Географически статья не выходит за рамки Красноярского края, вместе с тем, целесообразно было применить метод сопоставления и сравнить опыт учителей в Красноярском крае с опытом учителей в других регионах, выявить общие и специфические черты.

Статья не имеет четкой структуры. Основная часть текста явно нуждается в выделении логических разделов, посвященных различным аспектам жизни учителей: трудовые нагрузки, материальное положение, бытовые условия, социальная поддержка, моральный климат, взаимоотношения с учениками и т.д. Структурировать текст можно было бы с помощью подзаголовков, чтобы облегчить восприятие читателю. Отсутствие четкой структуры можно объяснить тем, что данные в статье носят фрагментарный, случайный характер, автор неставил четких задач последовательного исследования различных сторон профессиональной и бытовой жизни учителей и создания информационной базы, а просто вставил в статью то, что ему попадалось в архивных документах и литературе.

Представленные в единственной таблице статистические данные можно визуализировать для более наглядного представления информации о численности педагогических кадров. Данные о стоимости мяса, сахара и других продуктов питания также можно было представить в табличном и графическом форматах.

В данной статье о повседневной жизни учителей отсутствуют сами учителя – их реакция на бытовые проблемы, переживания, поведение, проявления личных качеств, взаимоотношения с коллегами, учениками, близкими и т.п.

Библиография нуждается в обновлении – новейшие публикации за последние 5 лет составляют менее 15% списка. Целесообразно расширить библиографию за счет привлечения исследований по другим регионам и всей страны в целом.

Безусловно, учителя в годы Великой Отечественной войны столкнулись с множеством трудностей – перегрузками, материальными лишениями, нехваткой ресурсов, изменениями в учебном процессе; социальное положение учителей в военное время значительно ухудшилось; несмотря на трудности, учителя продолжали выполнять свою работу, обеспечивали образование детей в сложных условиях, вносили свой вклад в победу - все это общеизвестно. Вместе с тем в статье недостаточно репрезентативных данных для убедительных выводов в отношении учителей Красноярского края в годы войны, она содержит фрагментарные примеры трудностей, с которыми сталкивались учителя в военное время. Выводы автора в целом соответствуют исторической реальности, но нуждаются в подтверждении систематизированными данными и другими исследованиями о положении учителей в годы войны.

Статья нуждается в качественной переработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемый текст «Повседневная жизнь учителей Красноярского края в военный период» касается, по определению автора, региональных особенностей повседневной жизни в годы войны, с упором на преодоление трудностей материально-бытового характера, что собственно и составляет новизну данного исследования относительно предыдущих обращений к данной тематике. Работа выполнена на обширной источниковской базе, включающей в себя материалы Государственного архива Красноярского края, личные воспоминания учителей, материалы периодической печати военного времени. Методологической основой являются общехistorические методы : историзм, сравнительно-исторический метод, в более широкой трактовке рассматриваемой темы перед нами военно-антропологическое исследование, где предпринимается попытка осмыслиения проблем военной повседневности с точки зрения непосредственных участников, проследить логику поступков людей в экстремальных условиях (что придает теме исследования актуальность). В своей работе автор выделяет системные проблемы, с которыми сталкивались работники образования Красноярского края в годы войны: нехватка кадров, отвлечение учителей и учащихся на общественные работы, отсутствие элементарной материально-технической базы для проведения занятий в школе и дома. Автор отслеживает динамику материального благосостояния учителей Красноярского края, сопоставляя уровень доходов и цен в описываемый период. В заключение автор обоснованно констатирует, что «ограниченность финансовых и материальных ресурсов не позволили местным руководителям обеспечить нормативы снабжения школ и работавших в них учителей всем необходимым. Перегруженность учителей помимо основной работы общественными

поручениями сказывалась на слабой подготовке ряда учителей к урокам, а это, в свою очередь привело к снижению качества знаний у учащихся и большому отсеву ребят из школы». Представляется, что выводы данного исследования должны быть расширены и приведены в соответствие с задачами, поставленными в начале статьи, где в частности автор указывал, что изучение региональных особенностей повседневной жизни в годы войны имеет большое потенциал для исследования человеческого измерения войны; также автор декларировал применение сравнительно-исторические построений для отслеживания функционирования советского учительства в хронологическом и региональном сопоставлении. Между тем в заключении автор не указывает, что же из перечисленного является именно региональной особенностью военной повседневности, не проводится в заключении хронологического и регионального сопоставления, хотя проходу работы такие попытки делаются. Возможно следует уточнить структуру статьи, в настоящем виде мы видим два раздела, Материалы и методы, Материальное положение, переход от вводной части к основной и от основной к заключению не обозначены. В целом перед нами работа, выполненная на должном научно-методической уровне. обладающая научной новизной и актуальностью. С исправлением указанного недочета статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является повседневная жизнь учителей Красноярского края в период Великой Отечественной войны, что позволяет посмотреть на изучаемый период через призму повседневной жизни военного времени. Суть исследования заключается в анализе условий жизни и труда учителей в одном из крупнейших регионов Советского Союза в контексте сложностей глобального конфликта. Автор статьи проводит тщательное изучение различных аспектов повседневной жизни педагогов, включая их материальное положение, производственные условия, социальную политику и участие в общественной жизни.

Методология исследования включает антропологический подход, который позволяет рассмотреть советскую повседневность глазами самих учителей, а также принципы историзма и научной объективности. Такой подход способствуют глубокому пониманию исторического контекста и позволяет сделать выводы более обоснованными. Использование сравнительно-исторических построений и идеографического метода позволило авторам провести обстоятельный анализ и представить целостную картину жизни учителей в военные годы. Библиография статьи охватывает достаточный спектр научных исследований, но удивляет отсутствие в списке литературы работ Е.С. Сенявской (например, «Человек на войне. Историко-психологические очерки» М.: ИРИ РАН, 1997), а также материалов из ежегодника «Военно-историческая антропология».

Актуальность данного исследования не вызывает сомнений. Война радикально изменила жизнь всего советского общества, и изучение опыта конкретных социальных групп, таких как учителя, дает ценные знания о том, как война повлияла на различные аспекты общественного устройства и какие последствия имела для последующего развития страны.

Научная новизна исследования заключается в использовании ранее неопубликованных архивных материалов, отложившихся в фондах Государственного архива Красноярского края, личных воспоминаний и документов, что позволяет предложить новый взгляд на проблему. Статья обогащает существующую литературу новыми данными и

интерпретациями, делая значимый вклад в развитие исторической науки.

Стиль и структура статьи выдержаны в академическом стиле. Исследование организовано логично и последовательно, создавая целостное представление о предмете. Содержание статьи насыщено фактами и статистическими данными, что делает её интересной и информативной для специалистов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей. К сожалению, табличные данные, представленные в статье, достаточно скучные, было бы уместно обогатить таблицу 1 с динамикой численности педагогических кадров края данными о распределении этих кадров по региону (хотя с разделением на городские и сельские школы), а таблицу 2, показывающую существенный рост стоимости потребительских товаров в Красноярске, дополнить сравнительными данными о других городах.

Выводы статьи убедительны и обоснованы представленными данными. Авторы справедливо отмечают, что несмотря на все сложности и трудности военных лет, учителя проявили стойкость и преданность своему делу, что внесло значительный вклад в победу и восстановление страны после войны.

В целом, данная научная статья является вкладом в историографию Великой Отечественной войны и повседневной жизни советских людей в этот период. Несмотря на высказанные замечания, можно рекомендовать статью к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Мадатов О.Я. Эволюция органов государственной безопасности России: исторический анализ от ВЧК до ФСБ // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.73345 EDN: GJMEQJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73345

Эволюция органов государственной безопасности России: исторический анализ от ВЧК до ФСБ

Мадатов Олег Яковлевич

генеральный советник, Межрегиональное общественное движение по защите прав военнослужащих и членов их семей «Совесть Закона»

350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Московская, 61, к. 32

✉ oleg_madatov@rambler.ru

[Статья из рубрики "История государственных учреждений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.73345

EDN:

GJMEQJ

Дата направления статьи в редакцию:

13-02-2025

Аннотация: Работа посвящена анализу исторического развития органов государственной безопасности России, начиная с момента их создания в 1917 году и до современности. Актуальность исследования обусловлена высокой исторической и институциональной значимостью органов безопасности для российского государства, их влиянием на политические процессы, экономическое развитие и культурную жизнь страны. Особую значимость представляет анализ адаптации служб к современным вызовам и угрозам в условиях политической нестабильности и реорганизаций. Целью статьи является комплексный анализ эволюции органов государственной безопасности России на протяжении более ста лет их существования, выявление закономерностей и преемственности в их деятельности, оценка эффективности служб в критические периоды истории. Предметом исследования выступают этапы становления, развития и реформирования органов государственной безопасности России, их структура, функции, методы работы, роль в обеспечении национальной безопасности и влияние на политические и социально-экономические процессы в стране. Методология исследования представляет собой историко-правовой анализ нормативных актов,

архивных материалов и научных публикаций, сравнительный анализ различных периодов развития органов безопасности, изучение биографий ключевых фигур, принимавших участие в развитии служб. Новизна исследования заключается в комплексном и многоплановом анализе эволюции органов государственной безопасности России на протяжении более ста лет их существования, охватывающий периоды: довоенный (1917–1941 гг.), военный (1941–1945 гг.), послевоенный до распада СССР (1946–1991 гг.) и современный (с 1991 г. по настоящее время). Особое внимание уделено анализу влияния политических лидеров, исторических событий и социально-экономических факторов на формирование и развитие органов безопасности. Современная структура и функции Федеральной службы безопасности являются продуктом длительного исторического развития, отражающим специфику государственного строительства и эволюцию системы национальной безопасности Российской Федерации. На протяжении всей истории органы государственной безопасности, несмотря на многочисленные реорганизации, сохраняли свою преемственность и играли важную роль в обеспечении безопасности страны. Принципы деятельности ФСБ основаны на традициях, заложенных ее основателями и руководителями, включая единство системы органов, централизацию управления, законность и гуманизм. Отмечается гибкость и адаптивность системы, а также высокий профессионализм и преданность сотрудников.

Ключевые слова:

органы государственной безопасности, российское государство, обеспечение безопасности, довоенный период, военный период, послевоенный период, современный период, реформирование служб, исторические личности, становление службы

Введение

В соответствии с конституционно-правовыми нормами, закрепленными в пункте «ж» статьи 83 Основного закона Российской Федерации, приоритетными функциями главы государства являются: имплементация комплекса мер по обеспечению территориальной целостности, поддержанию суверенных прав и независимости государства, а также превентивные действия в отношении потенциальных угроз как внутреннего, так и внешнего характера. Более того, в компетенцию Президента РФ входит реализация механизмов защиты национальных интересов, обеспечение безопасности социума и государственных институтов, равно как и поддержание стабильности гражданского общества и социальной консолидации [1].

Согласно положениям статьи 8 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности», приоритетными векторами функционирования данного органа государственной власти являются: осуществление контрразведывательных операций, антитеррористическая деятельность, противодействие криминальным структурам, реализация разведывательных мероприятий, охрана государственных границ и поддержание информационного суверенитета. Следует отметить, что именно ФСБ выступает ключевым субъектом в системе обеспечения национальной безопасности, осуществляя комплексное решение стратегических задач по защите государственных интересов [2].

В результате проведенного исследования установлено, что формирование законодательной базы, определяющей ключевые направления функционирования

Федеральной службы безопасности, представляло собой длительный процесс, обусловленный эволюцией государственного устройства и необходимостью адекватного реагирования на возникающие вызовы и угрозы.

Историческая и институциональная значимость органов государственной безопасности для российского государства обуславливает высокую научную актуальность данного исследования. В рамках работы проведен анализ исторического развития органов безопасности [3], охватывающий четыре ключевых периода: довоенный (1917-1941 гг.), военный (1941-1945 гг.), послевоенный до распада СССР (1946-1991 гг.), а также современный этап (с 1991 г. по настоящее время).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что современная структура и функции Федеральной службы безопасности являются продуктом длительного исторического развития, отражающим специфику государственного строительства и эволюцию системы национальной безопасности Российской Федерации.

При этом научная актуальность проведенного исследования связана с глубокой исторической и институциональной значимостью органов государственной безопасности для российского государства. Когда как новизна заключается в комплексном и многоплановом анализе эволюции органов государственной безопасности России на протяжении более ста лет их существования.

Более того, актуальность проведенного исследования заключается в нескольких ключевых аспектах:

1) историческая ретроспектива и преемственность: исследование охватывает более века истории становления и развития органов государственной безопасности, что позволяет проследить эволюцию этих структур от ВЧК до современной ФСБ, выявить закономерности и преемственность в их деятельности. Анализируя роль таких знаковых фигур, как Ф. Э. Дзержинский, Л. П. Берия и Ю. В. Андропов, можно лучше понять, как личностные качества лидеров влияли на развитие служб.

2) анализ эффективности служб в критические периоды истории: исследование охватывает ключевые периоды истории (довоенный, военный, послевоенный и современный), выделяя их особенности. Это позволяет оценить, как адаптация и реформирование служб в конкретные исторические моменты способствовали их эффективности в выполнении комплексных задач по обеспечению безопасности государства.

3) вклад в национальную безопасность и международное влияние: В изучении подчеркивается роль органов безопасности в обеспечении нацбезопасности, начиная с предотвращения военных угроз в годы войны, заканчивая стратегической разведывательной деятельностью и борьбой с ядерной угрозой в послевоенный период. Это подчеркивает их важность не только в национальном контексте, но и на международной арене.

4) социокультурные и политические аспекты: исследование раскрывает, как службы безопасности воздействовали на политические процессы, экономическое развитие и культурную жизнь страны, интегрируясь во все этапы государственной структуры. Особое внимание уделяется периодам реформ, как и их последствиям для российского общества.

5) современные вызовы и адаптация: в разделе о современном периоде анализируется,

как в условиях политической нестабильности и реорганизаций, службы смогли сохранить свои функции и адаптироваться к новым угрозам. Это аспект особенно важен сейчас, когда безопасность государства вновь под пристальным вниманием из-за глобальных вызовов.

6) научное и образовательное значение: исследование помогает глубже понять специфику работы спецслужб, методики их подготовки и подходы к решению сложных задач. Указанное может быть полезно для образовательных программ по истории и политологии, а также для формирования будущих специалистов в области госбезопасности.

Таким образом, результаты исследования не только обогащают историческую науку и обеспечивают понимание эволюции государственных институтов безопасности, но также дают ценные уроки для современных и будущих структур, отвечающих за защиту государства и его граждан.

Методология исследования: Историко-правовой анализ нормативных актов, архивных материалов и научных публикаций, сравнительный анализ различных периодов развития органов безопасности, изучение биографий ключевых фигур, принимавших участие в формировании и развитии служб.

На рисунке 1 представлена схема истории создания органов государственной безопасности.

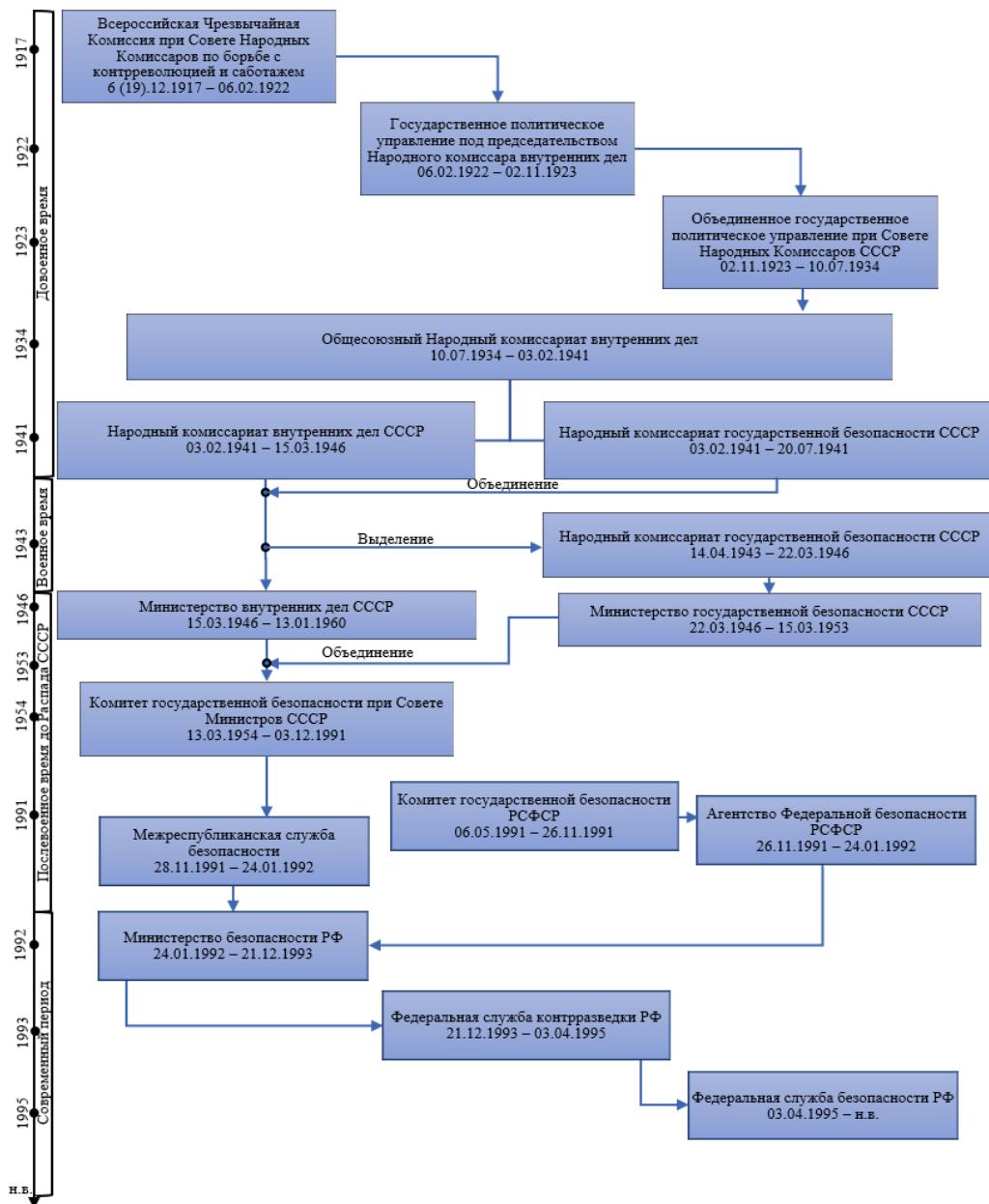

Рисунок 1 – Схема истории создания органов государственной безопасности

1. Довоенный период (1917 – 1941 гг.)

В данном разделе будут рассмотрены:

- Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем;
- Государственное политическое управление под председательством Народного комиссара внутренних дел;
- Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР;
- Общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел;
- Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

Вопросами формирования органов государственной безопасности в довоенный период занимались такие ученые, как А. А. Семенов [4], А. С. Соколов [5], Н. И. Каргапольцева

[\[6\]](#), А. Л. Кубасов [\[7\]](#), R. W. Thurston [\[8\]](#), E. Mettini, A. Tkachenko [\[9\]](#) и другие.

Вместе с тем, в проводимых ими исследованиях органы государственной безопасности рассматриваются отдельно друг от друга, что не позволяет объективно и всесторонне рассмотреть вопрос их становления в совокупности.

В настоящем разделе рассматривается история становления и развития советских органов государственной безопасности в период с 1917 по 1941 гг. Описывается создание и деятельность ВЧК, его преобразование в ГПУ, затем в ОГПУ, его интеграция в НКВД и разделение НКВД на НКВД и НКГБ. Особое внимание уделяется задачам функциям и реорганизациям этих структур, а также их роли в политической и экономической жизни страны.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия

В процессе становления советского государственного аппарата возникла острая необходимость противодействия антиправительственным элементам. Данное обстоятельство было освещено в докладе Ф. Э. Дзержинского перед Советом Народных Комиссаров РСФСР (6) 19 декабря 1917 года. В качестве ответной меры на саботаж государственных служащих и контрреволюционную деятельность, СНК РСФСР инициировал создание специального органа - Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (далее – ВЧК). Учреждение данной структуры состоялось (7) 20 декабря 1917 года согласно постановлению Совнаркома, а руководство комиссией было возложено на Ф.Э. Дзержинского. Основными задачами ВЧК являлись противодействие контрреволюционным силам и пресечение саботажа в системе государственного управления [\[10, с. 29\]](#).

На этапе структурного формирования ВЧК произошла существенная реорганизация её подразделений. Изначально функционировали информационный, организационный, филиальный отделы и отдел борьбы [\[11\]](#). Впоследствии, к началу 1918 года, была проведена реструктуризация, в результате которой сформировались специализированные подразделения: отдел противодействия контрреволюционным элементам, включая иностранный шпионаж; отдел политического следствия (впоследствии трансформированный в следственную часть); подразделения по борьбе с бандитизмом, саботажем и спекуляцией; пограничная охрана. Приоритетной задачей данного органа государственной безопасности являлось выявление, предотвращение и нейтрализация любых контрреволюционных действий и саботажа, независимо от их источника происхождения.

В ходе исторического становления органов государственной безопасности России фундаментальную роль сыграла Всероссийская чрезвычайная комиссия. В рамках её компетенции осуществлялось проведение комплексного предварительного следствия, направленного на противодействие контрреволюционным элементам и актам саботажа [\[12\]](#). Параллельно с этим разрабатывался и внедрялся системный инструментарий по нейтрализации террористических угроз. Заложенные ВЧК методологические и организационные принципы впоследствии легли в основу современной архитектуры национальной безопасности Российской Федерации [\[13\]](#).

Сам основатель структуры Ф. Э. Дзержинский сформулировал качества сотрудника следующим образом: «... человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» [\[14\]](#), другими словами, сотрудник данной структуры должен быть честным человеком, который ставит превыше всего безопасность своей страны и искренне

стремится ее защищать.

В рассматриваемый исторический период Ф. Э. Дзержинский проявил себя как исключительно эффективный государственный администратор, в полной мере соответствующий потребностям страны [15]. Его организаторский талант особенно ярко проявился в процессе модернизации транспортной инфраструктуры после завершения военных действий, а также в развитии базовых отраслей промышленности, включая угледобывающий и металлургический секторы. Примечательно, что под его руководством происходила своевременная реализация плановых показателей различными ведомствами. Существенным достижением являлась его способность к формированию эффективного управленческого аппарата: в каждой курируемой им организации создавался кадровый резерв высококвалифицированных руководителей, демонстрировавших исключительную результативность в решении разноплановых задач. Следует особо отметить его прогрессивную позицию относительно сохранения элементов рыночной экономики, в частности, мелкой частной торговли.

Именно в ВЧК при Ф. Э. Дзержинском начались подготовительные этапы внешних операций, которые не только принесли службе заслуженный авторитет, но и заложили фундамент для дальнейшей деятельности в данном направлении (операция «Трест» [16], арест «вождя» эсеровского движения Савинкова [17] и др.).

О масштабах деятельности ВЧК можно оценить по количеству её сотрудников и отделов. Так, в конце февраля 1918 г. их количество не превышало 120 человек, а к 1921 г. уже составляло 31 тыс. [18, с. 28]. При этом, отметим, что только к концу 1918 г. в системе ВЧК уже действовали 40 губернских и 356 уездных чрезвычайных комиссий [19]. Кроме того, органы государственной безопасности в советских республиках находились под централизованным руководством ВЧК, осуществлявшей координационные функции [20]. Примечательным историческим фактом является пролонгированное существование чрезвычайных комиссий в отдельных регионах после упразднения центрального органа. В частности, на территории Закавказья данные структуры продолжали функционировать вплоть до 1926 года, что свидетельствует о региональных особенностях трансформации органов безопасности в постреволюционный период.

В ходе исторического анализа деятельности органов государственной безопасности периода гражданской войны особое внимание следует уделить процессу формирования специальных подразделений в военной сфере. Ключевым этапом институционализации данных структур стало принятие II Всероссийской конференцией чрезвычайных комиссий в конце ноября постановления, санкционировавшего создание фронтовых и армейских ЧК с расширенными полномочиями, включая право делегирования комиссаров в войсковые соединения [21]. Этому предшествовало последовательное учреждение специализированных органов: сначала ЧК на Чехословацком (Восточном) фронте (16 июля 1918 г.), затем - на Южном фронте (осень 1918 г.). Данные организационные мероприятия были направлены на реализацию стратегической задачи по противодействию контрреволюционным элементам и иностранным разведывательным структурам в вооруженных формированиях.

Государственное политическое управление

В марте 1921 года произошло знаковое событие в истории советского государства: на десятом партийном съезде РКП(б) была инициирована фундаментальная трансформация экономического курса страны. Данное решение, получившее впоследствии

наименование «новой экономической политики», предусматривало существенную модернизацию репрессивно-правового механизма государственного управления, включая кардинальный пересмотр методологических основ и инструментария карательной системы [\[22\]](#).

В контексте исторических преобразований начала 1920-х годов высшее партийное руководство РКП(б) инициировало существенную реорганизацию органов государственной безопасности. Данный процесс был обусловлен переходом к новой экономической политике и необходимостью модернизации карательного аппарата. На IX Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин выступил с программной инициативой о трансформации ВЧК, предполагавшей концентрацию её деятельности исключительно на политической сфере. Последующее постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1921 года предусматривало разработку нормативной базы, направленной на существенное ограничение полномочий ВЧК, включая либерализацию процедуры ареста, установление регламентированных сроков следствия и укрепление судебной системы. Данные меры свидетельствовали о планомерном смягчении репрессивной политики государства [\[23, с. 37\]](#).

6 февраля 1922 г. ВЦИК выпустил постановление об упразднении ВЧК и ее местных органов. Задачи, которые ранее возлагались на ВЧК, были возложены на Народный комиссариат внутренних дел, для чего в его составе было создано «Государственное Политическое Управление под личным председательством Народного Комиссара Внутренних Дел или назначаемого Советом Народных Комиссаров его заместителя» (далее – ГПУ) (пункт 3 постановления ВЦИК от 06.02.1922 г.) [\[24\]](#).

В рамках научного анализа функциональных обязанностей Государственного политического управления (ГПУ) необходимо отметить, что его основополагающий документ содержал конкретизацию задач в сфере разведки и контрразведки. Данные задачи, изложенные в пункте 10 указанного положения, охватывали широкий спектр деятельности по обеспечению государственной безопасности.

Приоритетными направлениями работы ГПУ являлись: противодействие антиправительственным выступлениям, нейтрализация вооруженных мятежей, выявление подпольных организаций и защита государственных секретов. Кроме того, в компетенцию управления входили такие аспекты, как обеспечение безопасности транспортной инфраструктуры, охрана государственных границ РСФСР, а также выполнение особых поручений высших органов государственной власти в контексте поддержания революционного порядка [\[25\]](#).

Таким образом, функционал ГПУ был ориентирован на комплексное противодействие внутренним и внешним угрозам безопасности молодого советского государства, что отражало специфику политической обстановки того исторического периода.

Объединенное государственное политическое управление

После учреждения Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1922 г., государственное устройство претерпело соответствующие времени изменения, в связи с чем требовалось изменить и положение о спецоргане госбезопасности. Так, 2 ноября 1923 г. Президиумом ЦИК СССР было создано Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (далее – ОГПУ).

При этом основная задача образования ОГПУ была сформулирована в основном законе

СССР, а именно в ст. 61 Конституции СССР 1924 г., согласно которой ОГПУ учреждается «в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом» [\[26, с. 8\]](#).

В период руководства органами государственной безопасности СССР, осуществляемого первоначально Ф. Э. Дзержинским (до его кончины 20.07.1926), а впоследствии В. Р. Менжинским (1926-1934), произошли фундаментальные трансформации в социально-экономической структуре государства. Данный исторический этап характеризовался существенной реорганизацией карательно-исправительной системы, включая создание сети исправительно-трудовых учреждений и инициацию масштабных инфраструктурных проектов, таких как строительство Беломорско-Балтийского канала и водного пути «Москва-Волга» [\[27\]](#).

Период председательства В. Р. Менжинского в ОГПУ совпал с радикальными изменениями государственного курса: свертыванием новой экономической политики, форсированной индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства. В контексте внутриполитической борьбы органы государственной безопасности интенсифицировали деятельность по нейтрализации оппозиционных элементов, включая троцкистские, зиновьевские и каменевские группировки, а также активизировали противодействие контрреволюционным формированиям и националистическим движениям в союзных республиках [\[28\]](#).

В результате кончины главы ОГПУ В. Р. Менжинского, последовавшей 10 мая 1934 года, исполнение обязанностей руководителя данного ведомства было возложено на Г. Г. Ягоду, занимавшего до этого момента должность второго заместителя председателя Объединенного государственного политического управления.

В рамках обеспечения государственной безопасности и выполнения ряда сопутствующих функций, ОГПУ осуществляло комплексную деятельность по нескольким направлениям. Основными задачами данного органа являлись противодействие контрреволюционным элементам, пресечение шпионской деятельности и «чуждыми советской власти элементами» [\[29, с. 63\]](#), признанных несовместимыми с советским государственным строем. Кроме того, ОГПУ принимало участие в работе специализированных комиссий, в частности, по аттестации сотрудников милиции и утверждению уставов различных общественных организаций и союзов.

В соответствии с нормативно-правовым актом, принятым высшими органами государственной власти СССР (ЦИК и СНК) в декабре 1930 года, произошло существенное расширение административных полномочий Объединенного государственного политического управления. Данная реорганизация предоставила ОГПУ значительные кадровые прерогативы в отношении личного состава правоохранительных органов, включая механизмы назначения, ротации и освобождения от должности сотрудников милиции и уголовного розыска [\[30\]](#). Более того, в распоряжение ОГПУ были переданы как штатные подразделения, так и конфиденциальные агентурные ресурсы указанных структур. Впоследствии, в результате административной реформы 10.07.1934 г., ОГПУ подверглось реорганизации и было интегрировано в структуру НКВД в качестве специализированного подразделения – Главного управления государственной безопасности, что ознаменовало завершение его автономного существования.

Общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел

В результате анализа исторических документов установлено, что принципиальная

реорганизация карательно-следственных органов СССР была инициирована И. В. Сталиным на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 20.02.1934 г.[\[31\]](#). Ключевой институциональной новацией данной реформы явилась ликвидация судебных полномочий ОГПУ при его интеграции в новообразованный союзный НКВД. Данная структурная трансформация, согласно архивным материалам, демонстрировала намерение советского руководства осуществить либерализацию репрессивной политики государства через исключение судебных функций из компетенции нового наркомата внутренних дел СССР.

В результате реорганизации силовых структур СССР, осуществленной на основании постановления ЦИК от 10.07.1934 «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел», была сформирована централизованная система органов внутренних дел [\[32\]](#). Руководство новообразованным ведомством, включавшим в свою структуру различные подразделения (Главные управления государственной безопасности, пожарной охраны, пограничной и внутренней охраны, рабоче-крестьянской милиции, а также исправительно-трудовых учреждений), было возложено на Г. Г. Ягоду, осуществлявшего полномочия наркома вплоть до сентября 1936 года. Данная административная реформа существенно модифицировала архитектуру правоохранительных органов государства.

В период с 1936 по 1938 годы Народный комиссариат внутренних дел находился под руководством Н. И. Ежова, чья деятельность ознаменовалась созданием специальной комиссии по противодействию шпионажу и государственной измене, включая выявление неблагонадежных элементов в правительственные структурах [\[33\]](#). Последующий период (1938-1945 гг.) характеризовался существенной трансформацией в работе НКВД под руководством Л. П. Берии, результатом которой стало значительное совершенствование системы внешней разведки и укрепление пограничных формирований, впоследствии принявших на себя первый удар фашистских войск [\[34\]](#). Примечательно, что в данный исторический период произошло расширение системы исправительно-трудовых учреждений, интегрированных в экономическую структуру СССР в качестве значимого производственного ресурса, при одновременном снижении масштабов репрессивной политики [\[35\]](#).

В процессе функционирования Народного комиссариата внутренних дел СССР осуществлялась масштабная деятельность по различным направлениям государственного управления. Существенное снижение криминогенной обстановки в стране было достигнуто благодаря эффективному руководству органами милиции со стороны НКВД [\[36\]](#). В сферу компетенции данного ведомства входили разнообразные административные функции: метрология, картографическая деятельность, регистрация гражданских актов, а также контроль дорожной инфраструктуры.

Особое значение приобрела деятельность НКВД после формирования системы ГУЛАГа, что позволило организовать масштабное использование принудительного труда как заключенных пенитенциарных учреждений, так и специально переселенных лиц [\[37\]](#). Обеспечение государственной безопасности, охрана границ и защита общественной собственности также входили в число приоритетных задач данного органа государственной власти.

В результате исследования предвоенного этапа формирования структур государственной безопасности установлено, что профессиональная компетентность сотрудников позволила эффективно реализовать весь спектр поставленных задач. Данное обстоятельство способствовало тому, что к моменту начала Великой Отечественной

войны была сформирована целостная централизованная система, характеризующаяся высоким уровнем боевой подготовки. Указанные факторы обеспечили возможность комплексного и оперативного решения стратегических задач в условиях военного времени.

Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР

В соответствии с законодательным актом № 150, изданным Президиумом Верховного Совета СССР 3 февраля 1941 г., произошла значительная реорганизация в структуре органов государственной власти [\[38\]](#). В результате проведенной реформы единый Народный комиссариат внутренних дел подвергся разделению на две автономные структуры. Руководящие посты в новообразованных ведомствах заняли видные государственные деятели того периода: В. Н. Меркулов возглавил Народный комиссариат государственной безопасности СССР, в то время как НКВД СССР перешел под руководство Л. П. Берии. Данное административное преобразование существенно повлияло на дальнейшее функционирование системы государственного управления.

Согласно выписке из протокола № 26 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 03.02.1941 г. разделение произошло: «*В связи с необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы, проводимой Народным Комиссариатом Внутренних Дел СССР, ее многообразием...*» [\[39, с. 553\]](#).

Анализ исторических источников свидетельствует, что реорганизация силовых структур, проведенная И.В. Сталиным, преследовала стратегическую цель предотвращения чрезмерной консолидации репрессивного аппарата под единоличным началом Л.П. Берии [\[40\]](#). Руководствуясь классическим принципом управления «divide et impera» (рус. перевод: разделяй и властвуй), высшее руководство государства инициировало создание двух параллельных силовых ведомств – НКВД и НКГБ, стимулируя тем самым институциональное соперничество между данными структурами в целях усиления контроля над карательной системой.

В соответствии с пунктом 2 протокола № 26, Народному комиссариату внутренних дел СССР были делегированы многочисленные государственные функции стратегического значения. Основополагающими направлениями деятельности являлись: обеспечение безопасности общественного имущества, защита личных прав и собственности граждан, а также поддержание общественного правопорядка. В компетенцию НКВД входило администрирование пенитенциарной системы, включающей тюремные учреждения и исправительно-трудовые лагеря. Ведомство осуществляло контроль государственных границ, координировало мероприятия местной противовоздушной обороны и противопожарной безопасности. Существенными полномочиями являлись: организация работы с военнопленными и интернированными лицами, включая их прием, конвоирование и содержание, а также ведение учета военнообязанных граждан [\[41\]](#). Дополнительно на НКВД возлагались задачи по противодействию детской беспризорности, управлению дорожной инфраструктурой союзного значения, осуществлению оперативной обработки государственных архивов и регистрации актов гражданского состояния.

Согласно правительской директиве, зафиксированной в протоколе № 26 (п. 4), Народному комиссариату государственной безопасности СССР были делегированы

комплексные функции по обеспечению безопасности государства. Приоритетными направлениями деятельности являлись: осуществление охранных мероприятий в отношении высшего руководящего состава партийно-правительственного аппарата, организация внешней разведывательной деятельности, а также противодействие антигосударственным элементам. В сферу компетенции входило выявление и нейтрализация резидуальных антисоветских формирований во всех социально-экономических секторах: промышленности, транспортной инфраструктуре, аграрном комплексе и системе коммуникаций. Особое внимание уделялось пресечению разведывательно-диверсионной и террористической активности иностранных спецслужб на территории Советского Союза. При этом НКГБ СССР было освобождено от других видов работ (директива НКВД СССР и НКГБ СССР № 782/Б/265/М от 01.03.1941 г. [\[42\]](#)).

Анализ исторических документов свидетельствует о высокой результативности советской разведывательной системы предвоенного периода. Эффективность разведывательной сети подтверждается тем фактом, что приблизительно четыре десятка резидентур, дислоцированных в различных государствах, осуществляли регулярное информационное обеспечение Москвы данными стратегической значимости к середине 1941 года. Особенно показательным является донесение руководителя 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П. И. Фитина И. В. Сталину от 17 июня 1941 года, содержащее достоверные сведения о предстоящей военной агрессии со стороны нацистской Германии против Советского Союза, что демонстрирует высокий уровень профессиональной компетенции сотрудников внешней разведки того периода.

2. Период во время войны (1941 – 1945 гг.)

В данном разделе будут рассмотрены:

- Народный комиссариат внутренних дел СССР;
- Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

Вопросами формирования органов государственной безопасности в военный период занимались такие ученые, как В. В. Князев [\[43\]](#), И. Л. Изюмская [\[44\]](#), А. С. Ченцов [\[45\]](#), И. В. Упоров [\[46\]](#), М. С. Semikov [\[47\]](#), Р. С. Oleson [\[48\]](#) и др.

Анализ их трудов показал, что в основе лежит исследование совершаемых ими мероприятий и внутренняя организация, а не процесс их становления.

Данный раздел посвящен деятельности Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), включая их роль в обороне, контрразведке, разведывательных операциях и обеспечении национальной безопасности.

Народный комиссариат внутренних дел СССР

В ходе военно-исторических исследований установлено, что начальная фаза агрессии нацистской Германии против СССР, инициированная 22 июня 1941 года, характеризовалась исключительной ролью пограничных формирований НКВД СССР в оборонительных действиях [\[49\]](#). Анализ военной документации свидетельствует о том, что противник, планируя молниеносное подавление сопротивления, рассчитывал на тридцатиминутный временной интервал для нейтрализации пограничных подразделений. Фактические данные указывают на участие в начальной фазе боевых действий значительного контингента пограничных войск, включающего 47 сухопутных и 6 морских

пограничных отрядов, а также 9 автономных комендатур НКВД. Особого внимания заслуживает пример тактического противодействия агрессору подразделением 13-й заставы, входившей в состав 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда под командованием лейтенанта Алексея Лопатина [50, с. 135].

В ходе героической обороны Брестской цитадели существенную роль сыграли подразделения 17-го Краснознаменного Брестского пограничного отряда совместно с личным составом 132-го батальона конвойных войск НКВД [51]. Примечателен факт исключительного мужества командира, который осуществлял руководство обороной на протяжении одиннадцати суток в условиях значительного численного превосходства противника. В процессе оборонительной операции им была успешно проведена эвакуация гражданского населения из зоны боевых действий, после чего офицер, вернувшись к исполнению командных обязанностей, героически погиб 2 июля 1941 года. Высшая государственная награда (звание Героя Советского Союза) была присвоена Лопатину посмертно за проявленные исключительные образцы воинской доблести.

В ходе военных действий подразделения пограничных войск НКВД СССР продемонстрировали исключительную боевую эффективность и высокий уровень дисциплины. Анализ исторических материалов свидетельствует, что основополагающим фактором успешных тактических маневров являлась строгая субординация: отступление осуществлялось исключительно после получения соответствующих директив командования, при этом сохранялась полная организационная структура подразделений [52].

Существенным аспектом военной стратегии являлось то, что передислокация войск производилась с учетом потенциального контрнаступления, что обеспечивало тактическое преимущество при занятии оборонительных позиций. Следует отметить, что ни один случай нарушения воинской присяги или добровольной сдачи в плен зафиксирован не был.

Данные исторические факты являются прямым следствием эффективной кадровой политики органов государственной безопасности в довоенный период [53]. Профессиональная компетентность руководящего состава службы обеспечила формирование высококвалифицированного личного состава, способного к выполнению комплекса специальных задач в условиях военного времени.

В условиях начавшейся Великой Отечественной войны, согласно указу высшего законодательного органа СССР от 20.07.1941, произошло слияние двух ключевых ведомств (НКВД и НКГБ) в единую силовую структуру под руководством Л. П. Берии. Данное объединение было обусловлено военной необходимостью и позволило консолидировать широкий спектр полномочий в рамках одного ведомства. Реорганизованный наркомат получил беспрецедентные полномочия, охватывавшие как гражданскую сферу (управление коммунальным хозяйством, промышленное строительство), так и силовой блок, включающий внесудебное правосудие, пенитенциарную систему, разведывательную и контрразведывательную деятельность, охрану государственных границ и обеспечение безопасности в вооруженных силах. Столь обширная компетенция единого органа являлась характерной особенностью централизованной системы государственного управления военного периода.

В контексте научного анализа военных операций периода Великой Отечественной войны необходимо отметить существенный вклад подразделений Народного комисариата внутренних дел (НКВД) в обеспечение национальной безопасности. Стратегическая

деятельность органов госбезопасности была многовекторной и включала в себя контрразведывательные мероприятия в прифронтовых зонах, нейтрализацию вражеской агентуры на тыловых территориях, а также проведение разведывательно-диверсионных операций за линией фронта [\[54\]](#).

Исследования показывают, что воинские формирования НКВД, включавшие 53 дивизии и 20 отдельных бригад, продемонстрировали исключительную боевую эффективность в ключевых сражениях войны. Их участие было зафиксировано в критических оборонительных операциях, таких как защита Брестской крепости, Риги, Таллина, Могилева, Ленинграда, Киева, Одессы и Тулы. Более того, подразделения НКВД внесли значительный вклад в стратегически важные битвы под Москвой, Сталинградом, на Кавказе и Курской дуге, что свидетельствует о их высокой боевой готовности и способности к адаптации в различных военных сценариях.

Советское руководство в очередной раз убедившись в эффективности сотрудников государственной безопасности 28 апреля 1942 г. вводит «Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии» [\[55, с. 23\]](#), которое определило задачи по наведению в войсковом тылу порядка, регулирование движения беженцев по дорогам, задержание дезертиrov, выявление диверсантов и шпионов и борьба с ними, регулирование подвоза и эвакуации имущества и др. Основные заслуги можно выделить, что немецкая разведка оказалась не в состоянии добыть данные о подготовке контрнаступлений под Москвой и под Сталинградом, а германское командование не сумело раскрыть планы советского командования в Курской битве и последующих крупных наступательных операциях советских войск.

19 апреля 1943 г. секретным Постановлением Совета народных комиссаров СССР № 415-138сс на основе Управления особых отделов Народного комиссариата внутренних дел было учреждено Главное управление контрразведки «СМЕРШ» (сокращение от «Смерть шпионам!») с передачей его в ведение Наркомата обороны СССР.

В июне 1945 г. пленный генерал-фельдмаршал В. Кейтель был допрошен следователями «СМЕРШ», в ходе которого признал, что «*Данные нашей (германской) агентуры касались только тактической зоны, и ни разу не было получено сведений, которые бы оказали серьезное воздействие на развитие военных операций*» [\[56\]](#).

Анализ разведывательной деятельности в период Великой Отечественной войны демонстрирует высокую эффективность советских контрразведывательных структур, в частности, организации «СМЕРШ». К 1944 году, благодаря планомерной интеграции агентурной сети в ключевые подразделения противника, включая абверкоманды, абвергруппы и формирования «Цеппелин», была сформирована комплексная система информационного мониторинга [\[57, с. 349\]](#).

Данная стратегия позволила осуществлять превентивный контроль над разведывательно-диверсионными операциями нацистской Германии посредством регулярного получения разведданных о планируемых диверсионных и террористических актах, что существенно снизило эффективность работы немецких спецслужб.

В контексте исследования роли органов государственной безопасности в период 1941-1945 гг. необходимо акцентировать внимание на двух ключевых аспектах их деятельности: контрразведывательных операциях и разведывательной работе в тылу противника. Статистические данные свидетельствуют о существенном вкладе подразделений НКВД в достижение победы: документально подтверждено уничтожение и

пленение 217 974 военнослужащих противника. Материальный урон, нанесенный неприятелю, включал выведение из строя значительного количества военной техники: 377 единиц бронетанковой техники, 40 летательных аппаратов, 45 бронированных машин. Кроме того, зафиксировано уничтожение или захват 241 транспортного средства, 656 артиллерийских систем, 525 минометных установок, 554 пулеметных точек, а также иных видов вооружения и военного оборудования. [\[58\]](#).

Необходимо отметить значительную роль подразделений Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в достижении победы Советского Союза над нацистской Германией. Исследования показывают, что вклад этих формирований был высоко оценен государством: более 200 военнослужащих НКВД были удостоены звания Героя Советского Союза, а свыше 100 000 солдат и офицеров получили различные ордена и медали.

Примечательно, что признание заслуг сотрудников НКВД не ограничилось только военным периодом. В послевоенные годы их подвиги были увековечены в топонимике городов и в архитектуре: многочисленные улицы, школы и монументы были названы или воздвигнуты в честь героев-чекистов. Данные обстоятельство наглядно подтверждают, что органы государственной безопасности продолжали играть важную роль в обеспечении национальной безопасности и в мирное время, сохраняя преемственность с военным периодом в деле защиты суверенитета и независимости страны.

Народный комиссариат государственной безопасности СССР

С учётом сложившейся обстановки на советско-германском фронте и количество возросших задач требовалось расширение НКВД СССР. В этой связи Указом Президиума Верховного Совета СССР № 1390 от 14 апреля 1943 г. было выделено из НКВД СССР оперативные подразделения государственной безопасности, и из них образован Народный комиссариат государственной безопасности СССР [\[59\]](#). Наркомом был назначен комиссар государственной безопасности 1 ранга В.Н. Меркулов.

Так, только с начала образования, за период с 10.05.1943 г. по 20.05.1943 г. оперативными группами 4-го Управления НКГБ СССР было пущено под откос пять воинских эшелонов, один бронепоезд, уничтожено два паровоза, 18 вагонов, семь автомашин, убито свыше 135 солдат и офицеров германской армии и взорван один склад горючего (сообщение 4-го Управления НКГБ СССР В.Н. Меркулову от 21.05.1943 г. № 94 [\[60\]](#)).

В.Н. Меркулов наладил получение разведданных с территории иностранных государств, в особенности, что касалось разработки, получения американцами урана-235 (1 фунт в день), выпуска ядерной бомбы и других вопросов ядерного потенциала (письмо от 25 января 1944 г. № 252/м).

3. Послевоенный период до Распада СССР (1946 – 1991 гг.)

В данном разделе будут рассмотрены:

- Народный комиссариат внутренних дел СССР;
- Народный комиссариат государственной безопасности СССР.
- Министерство государственной безопасности СССР;
- Министерство внутренних дел СССР;

- Комитет государственной безопасности СССР;
- Комитет государственной безопасности РСФСР;
- Межреспубликанская служба безопасности СССР;
- Агентство Федеральной безопасности.

Вопросами формирования органов государственной безопасности в послевоенный период занимались такие ученые, как Е. Д. Проценко [\[61\]](#), С. А. Невский [\[62\]](#), А. W. Knight [\[63\]](#), E. Lezina [\[64\]](#), S. Kansikas [\[65\]](#) и др.

Раздел посвящен реорганизации и деятельности органов государственной безопасности СССР и РСФСР в период с 1946 года до распада СССР в 1991 году, включая создание, упразднение и преобразование различных ведомств (МГБ, МВД, КГБ, АФБ), а также их руководителей и ключевые направления деятельности.

Народный комиссариат внутренних дел СССР

В послевоенный период 1945 года произошла существенная реорганизация структуры НКВД СССР. Законодательно был регламентирован процесс сокращения личного состава Действующей армии, предусматривающий уменьшение численности войск НКВД на 150 тысяч человек. При этом следует отметить, что данные меры не затрагивали ряд стратегически важных подразделений, включая пограничные войска, систему военного снабжения, образовательные учреждения военного профиля, а также судебно-правовые институты войск НКВД СССР [\[66\]](#).

Параллельно с процессом демобилизации осуществлялось формирование новых специализированных подразделений. В частности, был сформирован Особый дорожно-строительный корпус НКВД, основной функцией которого являлось администрирование пенитенциарной системы. К концу 1945 года под его управлением находилось девять специализированных лагерей и три пенитенциарных учреждения с совокупным контингентом в 63 тысячи заключенных [\[67, с. 113\]](#).

Народный комиссариат государственной безопасности СССР

15 ноября 1945 г. для «оперативно-чекистского обслуживания» объектов спецназначения (занятых созданием атомной бомбы) в составе НКГБ СССР был организован отдел «К». Совместным приказом НКГБ и НКВД СССР № 0014-0032 от 10 января 1946 г. отдел «С» (разведка и обработка материалов по атомной проблеме) был передан из НКВД СССР в НКГБ СССР [\[68, с. 35\]](#).

Министерство государственной безопасности

Приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 г. в соответствии с Законом СССР от 15 марта 1946 г. (все народные комиссариаты должны быть переименованы в министерства) НКГБ СССР был переименован в Министерство государственной безопасности СССР (далее – МГБ СССР) [\[69\]](#), министром был назначен В.С. Абакумов.

В послевоенный период геополитическая ситуация претерпела существенные изменения, что обусловило необходимость трансформации структуры органов государственной безопасности СССР. В частности, концепция «мировой революции» утратила свою релевантность, что потребовало переориентации на обеспечение национальной безопасности государства.

Значимым институциональным преобразованием стала реорганизация военной контрразведки в 1946 году. В результате структурных изменений произошла интеграция СМЕРШ в систему МГБ СССР посредством создания Третьего Главного управления. Данное подразделение, возглавляемое Н.Н. Селивановским, получившим должность заместителя министра, осуществляло контрразведывательное обеспечение вооруженных сил, включая как сухопутные войска, так и военно-морской флот.

В процессе своей деятельности В.С. Абакумов успешно выполнял задачи в рамках «Авиационное дело» [\[70\]](#) и «Ленинградское дело» [\[71\]](#).

9 августа 1951 г. указом Президиума Верховного Совета СССР С.Д. Игнатьева назначают министром госбезопасности СССР, на котором он находился вплоть до объединения с Министерством внутренних дел СССР 15 марта 1953 г.

Министерство внутренних дел СССР

В соответствии с Законом СССР от 15 марта 1946 г. (все народные комиссариаты должны быть переименованы в министерства) и 15 марта 1946 г. НКВД СССР был переименован в Министерство внутренних дел СССР [\[72\]](#).

В контексте политической трансформации, последовавшей за кончиной И.В. Сталина 5 марта 1953 года, наблюдалась интенсификация конкуренции между ключевыми институциональными структурами за доминирующее положение в системе государственного управления. Данная конкуренция преимущественно разворачивалась между тремя основными векторами власти: правоохранительным аппаратом (МВД-МГБ) под руководством Л. Берии, идеологическим сектором (КПСС) во главе с Г. Маленковым и Н. Хрущевым, а также военным ведомством, возглавляемым Г. Жуковым.

Реорганизация силовых структур стала первым значимым институциональным изменением в постсталинский период. На совместном заседании высших органов государственной власти - Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение о консолидации МВД и МГБ в единый орган - Министерство внутренних дел СССР под руководством Л.П. Берии. Данная реструктуризация получила законодательное закрепление 15 марта 1953 года посредством принятия Закона о преобразовании министерств СССР, что свидетельствовало о стремлении к централизации контроля над силовыми ведомствами в новых политических условиях.

В ходе научного анализа исторических данных выявлено, что интеграция МВД СССР и МГБ СССР была продиктована необходимостью оптимизации их функциональных обязанностей и устранения дублирования полномочий в сфере государственной безопасности. Данная реорганизация способствовала повышению эффективности межведомственного взаимодействия и четкому разграничению зон ответственности.

Особого внимания заслуживает фигура Л. П. Берии, чья деятельность на посту руководителя объединенного ведомства до 26 июня 1953 года оставила значительный след в истории СССР. Его преемником стал С.Н. Круглов. Берия, будучи неоднозначной личностью, внес существенный вклад в развитие различных отраслей народного хозяйства и укрепление обороноспособности страны.

Среди достижений Л. П. Берии следует отметить: прекращение партизанских войн на Кавказе, модернизацию нефтедобывающей отрасли, создание систематизированных архивов, разработку методов повышения производительности труда, внедрение

передовых систем связи в армии и правительстве. Под его руководством осуществлялось строительство стратегически важных промышленных объектов на Урале, развитие золотодобычи и других отраслей добывающей промышленности.

Особую роль Л. П. Берия сыграл в организации внешней разведки, эвакуации промышленных предприятий на Урал в годы Великой Отечественной войны, создании снайперского дела и подготовке высококвалифицированных снайперов для армии. Его вклад в оборону Кавказа, организацию тылового обеспечения и противодействие немецкой диверсионной деятельности трудно переоценить.

Заключительным аккордом деятельности Берии стало его участие в создании ядерного щита СССР, развитии ракетостроения и космической индустрии, а также заложении основ мирного использования атомной энергии.

Многопрофильная компетентность представителей органов государственной безопасности, в частности их управленческого звена, находит убедительное подтверждение в продемонстрированных результатах деятельности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. МВД СССР было упразднено, а его функции переданы министерствам внутренних дел союзных республик (постановление Совета Министров СССР от 13 января 1960 года № 44-16).

Комитет государственной безопасности СССР

В контексте реорганизации органов государственной безопасности СССР, 13 марта 1954 года был учрежден Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Данное решение явилось результатом комплексного анализа существовавшей структуры МВД СССР и было направлено на оптимизацию его функционирования.

Инициатива реформирования исходила от С. Н. Круглова, который 4 февраля 1954 года выдвинул предложение о реструктуризации министерства. Основная концепция заключалась в выделении оперативно-чекистских подразделений в автономное ведомство. Данная мера преследовала двоякую цель: во-первых, ограничить масштабы влияния МВД на внутриполитические процессы в стране, во-вторых, минимизировать потенциальные риски для политического курса Н. Хрущева.

Дополнительно, проект реформы предусматривал существенное сокращение штатной численности обеих структур, что должно было способствовать повышению эффективности их деятельности. Примечательно, что данная инициатива получила одобрение в кратчайшие сроки - уже 8 февраля 1954 года предложение было утверждено, что свидетельствует о его актуальности и соответствии стратегическим интересам государства.

С 1954 по 1958 гг. руководство КГБ осуществлял И. А. Серов, с 1958 по 1961 гг. – А. Н. Шелепин, с 1961 по 1967 гг. – В. Е. Семичастный, с 1967 по 1982 гг. – Ю. В. Андропов, с мая по декабрь 1982 г. – В. В. Федорчук, с 1982 по 1988 гг. – В. М. Чебриков, с 1988 по август 1991 гг. – В. А. Крючков, с августа по ноябрь 1991 г. – В. В. Бакатин.

В рамках научного анализа деятельности КГБ СССР под руководством Ю. В. Андропова можно констатировать значительное усиление влияния данной организации на все аспекты функционирования советского общества [73]. Ключевым фактором, обеспечившим эффективность системы, стало формирование разветвленной сети районных отделов, осуществлявших всеобъемлющий контроль над предприятиями и учреждениями. Интеграция сотрудников КГБ в различные структуры государственного

аппарата, включая средства массовой информации, способствовала созданию всепроникающей системы надзора.

Одновременно с укреплением позиций КГБ, под руководством Андропова были предприняты меры по борьбе с коррупцией в торговом секторе. Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике экономических показателей в 1983 году: прирост национального дохода составил 3,1%, промышленного производства - 4%, а сельскохозяйственной продукции - 6%. В целом, темпы роста экономики СССР достигли 4,2%, что может рассматриваться как косвенное подтверждение эффективности проводимой политики [\[74\]](#). Именно данный руководитель в вопросах международной политики не допустил появления ракет в Европе придерживаясь принципиальности и жесткости своей позиции, что подтверждается тем обстоятельством, что когда в июле 1983-го канцлер ФРГ Гельмут Коля и министр иностранных дел Ганс Геншер поставили вопрос о размещении американских «Першингов» в Европе, Ю. В. Андропов заявил, что «мы примем ответные меры». Так, 1 сентября 1983 г. Ю.В. Андропов продемонстрировал решительность своих намерений, когда в небе над Сахалином при пролёте над территорией СССР (углубился до 500 км.) был сбит южнокорейский «Боинг-747», что, по мнению научных деятелей, не допустило появления ракет в Европе [\[75\]](#).

В процессе исторической эволюции произошла существенная трансформация организационной структуры органов государственной безопасности СССР. Значимым этапом реорганизации явилась передислокация в 1957 году пограничных войск из ведомства Министерства внутренних дел в подчинение КГБ, что повлекло за собой формирование специализированного Главного управления пограничных войск. Комитет государственной безопасности осуществлял многовекторную деятельность, включающую комплекс стратегических задач: реализацию разведывательных и контрразведывательных операций, проведение оперативно-розыскных мероприятий, обеспечение защиты государственных рубежей СССР, организацию правительенных коммуникационных систем. Кроме того, в компетенцию КГБ входило противодействие криминальным элементам, пресечение антигосударственной деятельности, борьба с националистическими движениями и диссидентством, а также до 1990 года - обеспечение безопасности руководящего состава КПСС и членов Правительства СССР.

В ходе исторической эволюции органов государственной безопасности СССР произошло последовательное формирование специализированных структурных подразделений. Первоначально, в целях противодействия антисоветским элементам, было учреждено пятое управление (1967 г.). Впоследствии организационная структура расширилась: создано четвертое управление, осуществлявшее контрразведывательное обеспечение транспортного комплекса (1981 г.), шестое управление, специализировавшееся на промышленной контрразведке (1982 г.). Завершающим этапом данного процесса явилось создание управления по противодействию организованной преступности в 1990 году.

Особо следует подчеркнуть научность подхода подготовки оперативного состава органов государственности безопасности и офицеров-разведчиков пограничных войск.

Так, в 1959 г. впервые вышел сборник КГБ при Совете Министров СССР (№ 001482), целью которого было изучение и обобщение опыта, накопленного органами государственной безопасности в борьбе с агентурой иностранных разведок и другими врагами Советского государства и расширение оперативного кругозора сотрудников. Первая редакционная коллегия состояла из генерал-лейтенанта Е. П. Питовранова, генерал-майоров П. П. Макарьева, Г. Ф. Наумшина, Н. Ф. Чистякова, Ф. А. Щербака и

полковника А. В. Тишкова [\[76\]](#).

Второй сборник был издан в 1963 г. (№ 001407), в котором отражался также один из основных принципов деятельности современной Федеральной службы безопасности, а именно конспирация. На странице 5 сборника был заголовок: «Неустанно повышать бдительность и конспирацию в работе органов госбезопасности» [\[77, с. 5\]](#).

Выпускался сборник вплоть до 1990 г., крайний был выпуск 146-147 (август-сентябрь).

Более того, в Высшей Краснознаменной школе Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф.Э. Дзержинского стали печатать «Труды Высшей Школы», общее количество напечатанных трудов 45.

При этом эффективность данного подхода трудно переоценить. Так, во 2 сборнике «Труды высшей школы» (№ 9722) 1971 г., из всех публикующихся только один из 17 являлся кандидатом юридических наук [\[78\]](#). В 44 сборнике (№ 17936) 1988 г., из всех публикующихся 24 сотрудника имели ученую степень из 39 [\[79\]](#).

Следовательно, если на 1971 г. количество ученых составляло 5,9 % из числа публикующихся, то на 1988 г. этот показатель стал равен 61,5%, что свидетельствует о повышении общего уровня сознания и професионализма.

Указанный подход позволил более качественно подготовить сотрудников с аналитическим складом ума и способных мыслить научно.

Комитет государственной безопасности РСФСР

В контексте трансформации государственных структур Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в начале 1990-х годов произошло знаменательное событие в сфере национальной безопасности. 6 мая 1991 года было официально зафиксировано создание Комитета государственной безопасности РСФСР (КГБ РСФСР), который получил статус союзно-республиканского государственного комитета.

Данное решение было реализовано в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов РСФСР и закреплено подписями председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина и председателя КГБ СССР В. А. Крючкова. На должность руководителя новообразованного органа был назначен В.В. Иваненко.

Примечательно, что в начальный период существования КГБ РСФСР функционировал с минимальным штатом сотрудников. Однако по мере дезинтеграции КГБ СССР осенью 1991 года наблюдалась тенденция к расширению полномочий и увеличению численности персонала республиканского комитета.

Межреспубликанская служба безопасности

В контексте политических трансформаций конца XX века произошла существенная реорганизация силовых структур СССР. Ключевым моментом данных преобразований стало задержание руководителя Комитета государственной безопасности В. Крючкова, инкриминируемого в причастности к деятельности ГКЧП, что произошло 21 августа 1991 г. Последовавшая реструктуризация КГБ характеризовалась масштабным выделением специализированных подразделений: были экстрагированы структуры, ответственные за правительственные коммуникации, криптографическую защиту и радиоэлектронную разведку. Существенной трансформации подверглась система охраны высшего

руководства: Девятое управление КГБ СССР претерпело реорганизацию в Управление охраны при аппарате президента СССР. Параллельно осуществлялась передислокация военизированных формирований - определенные подразделения были реинтегрированы в структуру Министерства обороны СССР.

28 ноября 1991 г. президент СССР М. С. Горбачев подписал Указ «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности». Руководитель был назначен В. В. Бакатин (с ноября 1991 по декабрь 1991г.).

3 декабря 1991 года президент Советского Союза М. С. Горбачев утвердил нормативно-правовой документ, регламентирующий реструктуризацию органов государственной безопасности. Данное решение ознаменовало завершение функционирования Комитета государственной безопасности СССР, продолжительность существования которого составила 37 лет, что является рекордным показателем среди аналогичных структур в истории страны.

Согласно принятому закону, на базе упраздненного КГБ были сформированы две новые организации: Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР. Последняя впоследствии трансформировалась в современную Службу внешней разведки Российской Федерации. Таким образом, данный законодательный акт инициировал процесс реорганизации системы государственной безопасности, адаптируя ее к новым политическим реалиям.

Агентство Федеральной безопасности

В результате исследования трансformationных процессов органов государственной безопасности установлено, что в период руководства Ю. В. Андропова КГБ СССР достиг максимального уровня эффективности в обеспечении национальной безопасности страны. Профессиональная преданность сотрудников службы безопасности сохранялась даже в условиях структурных преобразований организации. Научный анализ исторических документов свидетельствует, что 26 ноября 1991 года произошла значимая реорганизация ведомства: президентским указом Б. Н. Ельцина КГБ РСФСР был преобразован в Агентство Федеральной безопасности РСФСР. Исследователи отмечают, что данная трансформация была обусловлена необходимостью терминологического обновления структуры. Руководство вновь созданным АФБ РСФСР осуществлял В. В. Иваненко в период с ноября по декабрь 1991 года, что стало значимым этапом в эволюции органов государственной безопасности Российской Федерации.

4. Современный период (1991 г. – н.в.)

В данном разделе будут рассмотрены:

- Министерство безопасности РФ;
- Федеральная служба контрразведки РФ;
- Федеральная служба безопасности РФ.

Раздел посвящен реорганизации органов государственной безопасности Российской Федерации в период с 1991 года по настоящее время, включая создание и трансформацию Министерства безопасности РФ, Федеральной службы контрразведки РФ и Федеральной службы безопасности РФ.

Министерство безопасности РФ

В связи с ратификацией Верховным Советом РСФСР Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. и в целях обеспечения безопасности Российской Федерации был издан Указ Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 19.12.1991 г. № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР», который в последствии был отменен постановлением Конституционного Суда РСФСР от 14.01.1992 г. № 1-П-У.

В процессе исторической трансформации государственных институтов, последовавшей за дезинтеграцией Советского Союза 26 декабря 1991 года, произошла существенная реорганизация органов государственной безопасности. Структурные преобразования в данной сфере были законодательно закреплены президентским указом от 24 января 1992 года, согласно которому путем слияния Агентства Федеральной безопасности РСФСР и Межреспубликанской службы безопасности было сформировано Министерство безопасности Российской Федерации. Руководство вновь созданным ведомством осуществлялось последовательно двумя министрами: В. П. Баранниковым, возглавлявшим министерство с начала его основания до середины 1993 года, и его преемником Н. М. Голушко, пребывавшим в должности до декабря 1993 года.

Федеральная служба контрразведки РФ

21 декабря 1993 г. президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ № 2233 об упразднении Министерства безопасности и о создании Федеральной службы контрразведки (далее – ФСК РФ). В качестве основания совершения указанного действия он указал, что «Система органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-МБ оказалась нереформируемой».

В процессе реорганизации органов государственной безопасности Российской Федерации, осуществленной 5 января 1994 года, произошла существенная декомпозиция структуры Федеральной службы контрразведки. В результате данных преобразований пенитенциарные учреждения, включая следственный изолятор в Лефортово, были переданы в юрисдикцию Министерства внутренних дел. Одновременно с этим произошло обособление Пограничной службы в автономную организационную единицу. Ликвидация Следственного управления существенно ограничила оперативно-розыскной потенциал ведомства. Впоследствии, проанализировав снижение эффективности функционирования ФСК РФ, высшее руководство государства инициировало процесс реформирования службы с частичным восстановлением ранее существовавших полномочий.

Федеральная служба безопасности РФ

В соответствии с законодательным актом «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации», утвержденным президентом РФ Б.Н. Ельциным 3 апреля 1995 года, произошла реорганизация структуры государственной безопасности, в результате которой ФСБ обрела статус правопреемника ФСК. Существенное расширение оперативного потенциала ведомства было обеспечено включением в его состав Следственного управления, а также возвращением под юрисдикцию службы Лефортовского следственного изолятора.

На протяжении последующих лет руководство ведомством осуществлялось последовательно несколькими директорами: М. И. Барсуковым (07.1995-06.1996), Н. Д. Ковалевым (07.1996-07.1998), В. В. Путиным (07.1998-08.1999), Н. П. Патрушевым (08.1999-05.2008). С мая 2008 года по настоящее время должность директора ФСБ занимает А. В. Бортников, осуществляющий стратегическое руководство организацией.

В контексте структурной реорганизации органов государственной безопасности Российской Федерации конца XX века произошло существенное расширение функционального потенциала спецслужб. Значительной вехой стало формирование специализированных подразделений в составе Управления экономической безопасности ФСБ (3 апреля 1999 г.), включающих четыре ключевых направления: контрразведывательное обеспечение промышленного сектора (управление «П»), транспортной инфраструктуры (управление «Т»), финансово-кредитной системы (управление «К») и противодействие наркотрафику (управление «Н»).

Предшествующим этапом институциональной трансформации явилось создание управления конституционной безопасности (6 июля 1998 г.), впоследствии интегрированного в департамент антитеррористической деятельности. Согласно заявлению руководителя подразделения Г. Зотова, приоритетной задачей структуры определялось противодействие внутригосударственной политической дестабилизации.

В результате структурной реорганизации органов государственной безопасности, осуществленной 11 марта 2003 года, произошло существенное изменение в системе специальных служб Российской Федерации. Данная реформа привела к интеграции Пограничной службы в состав Федеральной службы безопасности, а также к перераспределению функций и материально-технических ресурсов Федерального агентства правительственный связи и информации между ФСБ и Федеральной службой охраны.

Анализ этих преобразований позволяет сделать вывод о формировании централизованной структуры, во многом напоминающей модель Комитета государственной безопасности СССР. При этом необходимо отметить, что ряд специализированных ведомств сохранил свою автономность. К таковым относятся Служба внешней разведки, а также органы, ответственные за обеспечение безопасности высших должностных лиц государства, контроль за оборотом наркотических средств и введение объектов специального назначения.

6 марта 2006 г. Владимир Путин подписывает закон «О противодействии терроризму»: ФСБ официально возглавляет борьбу с терроризмом, ее директор координирует действия всех ведомств в этом направлении в качестве председателя Национального антитеррористического комитета. Таким образом, борьба с терроризмом официально признана главным приоритетом деятельности спецслужб.

Органы безопасности нашего государства – мощная сила, способная эффективно противодействовать угрозам государственной стабильности и жизни российских граждан. Труд множества оперативных сотрудников, работников информационно-аналитических и технических подразделений привычно незаметен для миллионов обычных людей, но Россия может по праву гордиться своими спецслужбами, быть уверена в их верности долгу и готовности в любых испытаниях защитить Родину.

Заключение

История органов государственной безопасности насчитывает более ста лет, нами были рассмотрены довоенный, военный, послевоенный и современный периоды их становления. В процессе описания служб были подчеркнуты их руководители, в том числе личности, вошедшие навсегда в историю нашего государства, такие, как Ф.Э. Дзержинский, Л.П. Берия, Ю.В. Андропов и др.

В первом разделе, был рассмотрен довоенный период, который длился с 6 (19).12.1917

г. по 22.06.1941 г. В данном периоде рассматривались предпосылки к созданию службы государственной безопасности, а также обстоятельства, при которых служба реформировалась. В процессе описания реформирования служб (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, ОНКВД, НКВД СССР и НКГБ СССР) также уделялось особое внимание значимым историческим успехам.

Как показывает анализ первого раздела, за весь рассмотренный довоенный период становления органов государственной безопасности сотрудники выполняли все поставленные перед ними задачи на высокопрофессиональном уровне, что позволило им к началу Великой Отечественной войны быть не только подготовленной боевой единой централизованной системой, но и грамотно, оперативно и всесторонне решать задачи уже в военное время.

Во втором разделе был рассмотрен НКВД СССР и НКГБ СССР в военное время (с 22.06.1941 по 09.05.1945 гг.). В процессе анализа была подчеркнута особенность службы и действующих подразделений, таких как «СМЕРШ». Отдельно была отмечена важность пограничных составов, которые сыграли важную роль в первые дни войны. Самые сотрудники НКВД СССР уничтожили многочисленное количество личного состава, вооружения и военной техники германской армии, а также занимались разведывательной деятельностью в тылу врага и пресекали аналогичного рода деятельность противника на советской территории, в результате чего противник ни разу не смог получить сведения, которые бы оказали серьезное воздействие на развитие военных операций. НКГБ СССР параллельно осуществлял мероприятия по получению разведданных с территории иностранных государств, в особенности, что касалось создания ядерной бомбы и других вопросов ядерного потенциала, а также по подрыву экономической безопасности противников и потенциальных врагов Отечества.

В третьем разделе рассматривался период послевоенный, до распада СССР, с 09.05.1945 г. по 26.12.1991 г. В данный период времени была проанализирована деятельность службы и процесс её реформирования: НКВД СССР, НКГБ СССР, МГБ СССР, МВД СССР, КГБ РСФСР, МСБ СССР и АФБ РСФСР.

Основной этап становления в истории службы государственной безопасности, по нашему мнению, приходится именно на послевоенный период, когда был создан КГБ СССР, который просуществовал 37 лет. За это время службой были достигнуты положительные результаты, такие, как недопущение появления ракет в Европе, хорошо функционирующие сети работников КГБ, научность подхода к подготовке кадров, внешняя разведывательная деятельность с привлечением сотрудников на постоянное место жительство заграницей, сотрудники были внедрены во все звенья государственной машины, на радио и телевидение, борьба с коррупционными проявлениями, что повысило темп роста экономики СССР на 4,2%, национальных доход на 3,1%, промышленное производство на 4%, производство сельскохозяйственной продукции на 6%, и др. Именно в указанных период времени служба превратилась в мощную и могущественную систему, контролирующую практически все сферы жизни советского общества, что позволяла пресекать преступления до момента их совершения.

Четвертый раздел посвящен современному периоду с 26.12.1991 г. по настоящее время. В данном разделе рассматривались МБ РФ, ФСК РФ и ФСБ РФ.

Несмотря на попытку ограничить функционал службы и выделить из ее подчинения отдельные направления деятельности, не проходит и двух лет, как образуют ФСБ РФ и возвращают абсолютно полный функционал полномочий и принадлежащих функций.

Следовательно, в историческом аспекте, как бы службу ни реформировали, правителям страны каждый раз приходилось возвращать все относящиеся и принадлежащие структуре полномочия и права, так как в противном случае снижается уровень безопасности самого Российского государства, что неоднократно показывает история.

Таким образом принципы деятельности современной федеральной службы безопасности основываются на традициях, веденных основателем и руководителями данной структуры, а именно на единстве системы органов, централизации управления, уважении и соблюдении прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизме и конспирации, сочетая гласные и негласные методы и средства деятельности, что наглядно было представлено в первом разделе.

Особое внимание привлекает гибкость данной системы, так как, несмотря на политические и реорганизационные изменения в различных периодах становления службы, она смогла сохранить традиции и основные принципы, а также оставаться той централизованной силой, на которую может рассчитывать российское государство и её народ.

Сотрудники данных служб при исполнении своих обязанностей показывали высокий профессионализм и любовь к Родине, что наглядно отражается в историческом аспекте как в мирное, так и в военное время.

Следует отметить, что процесс становления современной ФСБ России прошло тернистый путь, на котором она стала единой централизованной системой, осуществляющей решение задач по обеспечению безопасности Российской Федерации. Благодаря имеющейся истории, ФСБ России успешно обеспечивает государственную безопасность от внешних и внутренних врагов на высокопрофессиональном уровне, что в очередной раз демонстрируется в современных реалиях.

Библиография

1. Кучиев А. З., Каллагов Т. Э. Полномочия Президента Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 177-180.
2. Глот Н. ФСБ как орган исполнительной власти в системе обеспечения национальной безопасности РФ // Интерактивная наука. 2023. № 3 (79). С. 43-44.
3. Горда В. А. Историко-правовой опыт формирования органов государственной безопасности СССР с 1917 по 1954 годы // Экономика и социум. 2021. № 5-1 (84). С. 816-823.
4. Семенов А. А. Формирование Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее чрезвычайных органов в Среднем Поволжье в 1917–1919 гг // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 11 (70). С. 28-36.
5. Соколов А. С. От Петроградского Военно-революционного комитета к всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 134-141.
6. Каргапольцева Н. И. К вопросу о правовых основаниях организации и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1917-1922 гг // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2 (42). С. 157-161.
7. Кубасов А. Л. Мартын Янович Лацис как историк Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2-2 (16). С. 104-108.
8. Thurston R. W. The Cheka: Lenin's Political Police; The All-Russian Extraordinary

- Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage (December 1917 to February 1922) // The American Historical Review. 1982. C. 1-2.
9. Mettini E. , Tkachenko A. Fighting for Survivor: Ideological and Ethical Conflicts of A.S. Makarenko with Dzerzhinsky Commune // Espacio Tiempo y Educación. 2022. № 9 (1). C. 168-187.
10. Инароков И. Р. Образование, структура и полномочия Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем // Моя профессиональная карьера. 2021. № 1 (28). С. 28-33.
11. Чигрин М. В. Создание системы органов ВЧК в Советской России и образование ее чрезвычайных структур в Симбирской губернии в 1917–1918 гг // Казанский вестник молодых учёных. 2018. № 2 (5). С. 9-14.
12. Демидов М. А. Влияние саботажных угроз на процесс формирования системы правового регулирования обеспечения безопасности Советской власти в 1917 г // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 100-108.
13. Блатин С. В. Государственная безопасность Российской Федерации: становление и современное содержание понятия // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 219-223.
14. Зубов Н. И. Феликс Эдмундович Дзержинский: Краткая биография. Москва: Госполитиздат, 1942. 120 с.
15. Рогачевская М. А. В поиске «Правильной линии в управлении страной и хозяйством»: Ф. Э. Дзержинский // Историко-экономические исследования. 2013. № 14 (1-2). С. 45-72.
16. Агеев А. И., Григорьев В. В., Логинов Е. Л., Шкута А. А. Специальные операции как инструмент политического и экономического оперирования в мировой экономике: советский опыт и современный период // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024. № 15 (43). С. 51-60.
17. Ярославский Е. Дело Бориса Савинкова. Москва: Государственное издательство, 1924. 162 с.
18. Кара-Мурз С. Г. Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. Москва: ЭКСМО, 2003. 384 с.
19. Кутына Г. А., Мулукав Р. С., Новицкая Т. Е., Рогожин А. И., Семидеркин Н. А. История отечественного государства и права. Москва: Юрист, 2001. 542 с.
20. Камалова Г. Т. Подразделения ВЧК-ГПУ-ОГПУ в системе органов государственной власти (1921–1929 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 11 (2). С. 127-132.
21. Колпакиди А. КГБ. Москва: Эксмо, 2010. 783 с.
22. Войде Е. Г. Особенности деятельности НКВД РСФСР 1921–1928 годов в условиях новой экономической политики // Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя. Москва, 2020. С. 209-213.
23. Котельников А. С. О некоторых проблемах в работе органов безопасности в условиях перехода от "военного коммунизма" к новой экономической политике // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 36-42.
24. Мозохин О. Б., Соколов А. С. Реорганизация и упразднение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 115-122.
25. Пожаров А. И. Обеспечение государственной безопасности в СССР: политические и правовые аспекты // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 72-83.
26. Захарцев С. Н. Советское право в годы НЭПА (1921–1929 гг.): учебное пособие. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. 38 с.

27. Зингис К.А. Беломорско-Балтийский канал и канал Москва-Волга: историография строительства // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 1. С. 97-107. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.1.68954 EDN: QJWZSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68954
28. Стефаненко А. Ю. Внутрипартийная борьба в Ленинградской организации ВКП(б) (1926–1928 гг.): структура и практики деятельности оппозиционных групп // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 21-35.
29. Лотарева Д. Д. Из «Фрагментов» дневника Зои Дмитриевны Канановой. TSQ № 46, 2013. 117 с.
30. Зданович А. А. Укрепление кадрового потенциала особых отделов ВЧК-ОГПУ (1921–1934 гг.) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 2 (21). С. 125-128.
31. Сагадеев Б. А. НКВД СССР 1934-1941 гг. Структура, задачи и функции, деятельность. 3-е Управление НКО СССР (1941 г.). Author.Today, 2022.
32. Постников С. В. Специализированная служба по борьбе с экономическими преступлениями в системе НКВД СССР: создание, нормативная основа, особенности организации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 216-221.
33. Rymar I. V. The Precession of Simulacra of the Great Terror and Dissolution of the Communist Party of Poland (1936–1938) // Social Evolution and History. 2019. № 18 (1). С. 47-66.
34. Потапова Н. А., Бабий А. А. Особая тройка НКВД Красноярского края: к вопросу исполнения приговоров (осень 1938 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. № 23 (88). С. 911-919.
35. Soviet financial system. Moscow: Progress, 1966. 353 с.
36. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934–1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71-78.
37. Pallot J. The Gulag as the Crucible of Russia's 21st-Century System of Punishment // Kritika Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. № 16 (3). С. 681-710.
38. Морозов В. И. Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Управленческое консультирование. 2005. № 1 (17). С. 32-46.
39. Политбюро и органы госбезопасности. К 100-летию образования ВЧК. Москва: Кучково поле, 2017. 553-556 с.
40. Юдин К. А. Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (15). С. 63-74.
41. Кузьминых А. Л. Развитие системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР (1939–1956) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 6-12.
42. Из директивы НКВД СССР и НКГБ СССР № 782/Б/265/М о задачах органов внутренних дел и госбезопасности в связи с разделением НКВД СССР на два наркомата. 1 марта 1941 г. // Центральный архив ФСК России. 1941.
43. Князев В. В. Войска НКВД СССР и правовое обеспечение их применения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 20-29.
44. Изюмская И. Л. Особенности кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Пенитенциарная наука. 2020. № 14 (50). С. 161-167.

45. Ченцов А. С. Борьба с диверсионно-террористическим подпольем противника на территории Восточной Пруссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. № 46 (8). С. 71-78.
46. Упоров И. В. ГУЛАГ в экономике СССР (1917–1945 гг.) // Интеграция наук. 2017. № 5 (9). С. 211-214.
47. Semikov M. S. OOn the question of organization and activity of divisions of the NKVD of the USSR in 1941–1942 // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. № 20 (22). С. 64-71.
48. Oleson P. T. From Axis Surprises to Allied The Impact of Intelligence in World War II // The Intelligencer Journal of U.S. Intelligence Studies. 2017. № 22 (3). С. 53-78.
49. Брычков А. С., Никоноров Г. А. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г.: во всем ли виновата внезапность? // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2018. № 2. С. 3-14.
50. Порхунов Г. А. Наше дело правое // Омский научный вестник. 2001. С. 135-136.
51. Ganzer C. Немецкие и советские потери как показатель продолжительности и интенсивности боев за Брестскую крепость // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Минск, 2014. (12). С. 44-52.
52. Бочков Е. А. Пограничные войска НКВД СССР накануне советско-финляндской войны (28 января– 29 ноября 1939 г.) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2 (26). С. 91-109.
53. Ковганов С. Я., Шевляков А. С. Формирование системы подготовки кадров в процессе реформирования отечественных органов безопасности в 30-х гг. XX в // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 27-31.
54. Маликов Ж. К. Деятельность НКВД в годы Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22). С. 105-109.
55. Ковыршин Е. В. Войска НКВД в первый год Великой Отечественной войны // Берегиня. 777. Сова. 2010. № 2 (4). С. 22-26.
56. Плеханов А. М. Военная контрразведка НКВД СССР. Тайный фронт войны 1941–1942 гг. Вече, 2016. 576 с.
57. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: Т. 6: Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. Москва. 2013. 862 с.
58. Стариakov Н. Н. Войска НКВД на фронте и в тылу. ООО «Издательство «Алгоритм», 2014. 401 с.
59. Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР. 14 апреля 1943 г. // Правда. 1943.
60. Сообщение 4-го Управления НКГБ СССР В.Н. Меркулову о диверсионной деятельности оперативных групп управления в тылу противника с 5 по 20 мая 1943 г. 21 мая 1943 г. // ЦА ФСБ России. 1943. Ст. 248-249.
61. Проценко Е. Д., Байкеев Е. В. Деятельность военно-учебных заведений войск НКВД по подготовке офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 72-75.
62. Невский С. А. Организация и деятельность истребительных батальонов НКВД в годы Великой Отечественной войны // На службе отечеству: история органов внутренних дел : сборник материалов международной научной конференции, приуроченной к 305-летию полиции России, Академия управления МВД России, 23 июня 2023 года. Москва, 2023. С. 206-214.
63. Knight A. W. The KGB, Perestroika, and the Collapse of the Soviet Union // Journal of Cold War Studies. 2003. № 5 (1). С. 67-93.
64. Lezina E. Dismantling the State Security Apparatus. Transformations of the Soviet State Security Bodies in Post-Soviet Russia // Memory of nations: democratic transition guide –

- the Russian experience. 2016. C. 7-14.
65. Kansikas S. Dismantling the Soviet Security System. Soviet–Finnish Negotiations on Ending Their Friendship Agreement, 1989–91 // The International History Review. 2017. № 41 (1). С. 1-22.
66. Резников А. А. Развитие структуры НКВД-МВД СССР в 1945–1946 гг // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. С. 1-10.
67. Леонтьева Н. И. Советские Специальные лагеря в Германии в 1945–1948 гг // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 1. С. 105-122.
68. Кокурин А. И., Петров Н. В. Лубянка : ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960: Справочник. Москва: МФД, 1997. 348 с.
69. Приказ МГБ СССР № 00107 «О переименовании органов НКГБ». 22 марта 1946 г. // ЦА ФСБ. Сборник № 41. Ст. 185.
70. Косенко И. Н. Тайна «авиационного дела» // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 54-64.
71. Михеев Г. Ф. Волны "ленинградского дела" (по материалам следственных дел родственников "врага народа") // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 83-109.
72. Закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик». 15 марта 1946 г. // ГА РФ. 1946. Ст. Р-7523.
73. Вергун А. С. К вопросу о деятельности Ю.В. Андропова в сфере обеспечения государственной безопасности (1967–1982 гг.) // Наука и школа. 2010. № 2. С. 145-147.
74. Тимошина Т. М. Экономическая история России: Учебное пособие. Москва: ЗАО Юстицинформ, 2009. 424 с.
75. Замостьянов А. Один год из жизни Юрия Андропова. Литературная газета № 48 (6441), 2013.
76. Сборник Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР. Москва: Типография ВШ КГБ при СМ СССР, 1959. 110 с.
77. Сборник статей по вопросам агентурно-оперативной и следственной работы Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР. Москва: Типография Высшей школы имени Ф.Э. Дзержинского КГБ при СМ СССР, 1963. 111 с.
78. Труды высшей школы 2. Москва: Типография Высшей Краснознаменной школы КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1971. 251 с.
79. Труды высшей школы 44. Москва: Типография редакционно-издательского отдела Высшей ордена Октябрьской Революции Краснознаменной школы КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1988. 938 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Эволюция органов государственной безопасности России: исторический анализ от ВЧК до ФСБ».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам исторического развития органов государственной безопасности России. Как отмечается в самой статье, «В результате проведенного исследования установлено, что

формирование законодательной базы, определяющей ключевые направления функционирования Федеральной службы безопасности, представляло собой длительный процесс, обусловленный эволюцией государственного устройства и необходимостью адекватного реагирования на возникающие вызовы и угрозы». В качестве конкретного метода исследования выступили, прежде всего, положения законодательства в разные исторические периоды, эмпирические данные, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об историческом развитии органов государственной безопасности России. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Как отмечается в самой статье, «Методология исследования: Историко-правовой анализ нормативных актов, архивных материалов и научных публикаций, сравнительный анализ различных периодов развития органов безопасности, изучение биографий ключевых фигур, принимавших участие в формировании и развитии служб».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных и материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Согласно положениям статьи 8 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности», приоритетными векторами функционирования данного органа государственной власти являются: осуществление контрразведывательных операций, антитеррористическая деятельность, противодействие криминальным структурам, реализация разведывательных мероприятий, охрана государственных границ и поддержание информационного суверенитета. Следует отметить, что именно ФСБ выступает ключевым субъектом в системе обеспечения национальной безопасности, осуществляя комплексное решение стратегических задач по защите государственных интересов».

Также автор активно анализирует факты и эмпирические данные различных исторических периодов. В частности, делается такой вывод: «Одновременно с укреплением позиций КГБ, под руководством Андропова были предприняты меры по борьбе с коррупцией в торговом секторе. Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике экономических показателей в 1983 году: прирост национального дохода составил 3,1%, промышленного производства - 4%, а сельскохозяйственной продукции - 6%. В целом, темпы роста экономики СССР достигли 4,2%, что может рассматриваться как косвенное подтверждение эффективности проводимой политики [74]. Именно данный руководитель в вопросах международной политики не допустил появления ракет в Европе придерживаясь принципиальности и жесткости своей позиции, что подтверждается тем обстоятельством, что когда в июле 1983-го канцлер ФРГ Гельмут Коля и министр иностранных дел Ганс Геншер поставили вопрос о размещении американских «Першингов» в Европе, Ю. В. Андропов заявил, что «мы примем ответные меры». Так, 1 сентября 1983 г. Ю.В. Андропов продемонстрировал решительность своих намерений, когда в небе над Сахалином при пролёте над территорией СССР (углубился до 500 км.) был сбит южнокорейский «Боинг-747», что, по мнению научных деятелей, не допустило появления ракет в Европе».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема исторического развития органов государственной безопасности России сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором статьи в том, что «научная актуальность проведенного исследования связана с глубокой исторической и институциональной значимостью органов государственной безопасности для российского государства. Когда как новизна заключается в комплексном и многоплановом анализе эволюции органов государственной безопасности России на протяжении более ста лет их существования».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «принципы деятельности современной федеральной службы безопасности основываются на традициях, веденных основателем и руководителями данной структуры, а именно на единстве системы органов, централизации управления, уважении и соблюдении прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизме и конспирации, сочетая гласные и негласные методы и средства деятельности, что наглядно было представлено в первом разделе. Особое внимание привлекает гибкость данной системы, так как, несмотря на политические и реорганизационные изменения в различных периодах становления службы, она смогла сохранить традиции и основные принципы, а также оставаться той централизованной силой, на которую может рассчитывать российское государство и её народ. Сотрудники данных служб при исполнении своих обязанностей показывали высокий профессионализм и любовь к Родине, что наглядно отражается в историческом аспекте как в мирное, так и в военное время».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены обобщения фактических материалов и данных по заявленной сфере исследования, что может быть полезно специалистам по рассматриваемым вопросам.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с определением исторических аспектов развития органов государственной безопасности России.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Кучиев

A.Z., Каллагов Т.Э., Семенов А.А., Рогачевская М.А., Mettini E., Tkachenko A., Thurstor R.W. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области истории права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам исторического генезиса органов государственной безопасности России.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Разговоров С.В. Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.73339 EDN: GGZZGK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73339

Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II

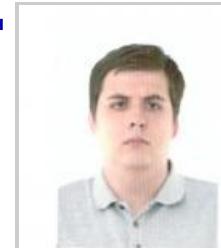
Разговоров Сергей Владимирович

ORCID: 0009-0000-6061-7035

аспирант, институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

108814, Россия, г. Москва, ул. Улица Василия ощепкова, Дом 3, кв. 115

✉ sergraz98@gmail.com

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.73339

EDN:

GGZZGK

Дата направления статьи в редакцию:

12-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является комплекс мер, предпринятых правительством Российской Империи при Александре II и направленных на решение национальных конфликтов, и противоречий через призму религии. Также в работе было рассмотрено влияние внешнеполитических и региональных факторов, в зависимости от конкретных территорий и религий. Цель исследования – охарактеризовать соотношение национального и конфессионального фактора в политике Александра II. Для выполнения данной цели поставлены следующие задачи: определить общее положение иноверцев в Российской Империи во второй половине XIX века; рассмотреть основные конфессиональные конфликты и их особенности на территории страны; определить влияние внешнеполитического фактора на национальную политику Александра II; охарактеризовать взаимосвязь упадка православной церкви и изменения политики правительства в отношении иноверцев. В работе был применен системный метод исследования с учетом использования разных религиозных, политических и социальных факторов при формировании выводов. Также в работе был применен принцип историзма при рассмотрении проблемы с учетом ее развития в контексте времени. В результате

проведенного исследования был сделан вывод, что правительство Российской Империи не смогло выработать последовательную политику в отношении иноверцев. Желая пресечь национальные и религиозные конфликты, оно металось из крайности в крайность, в итоге остановившись на строгой регламентации деятельности иноверцев, обрывание контактов с их религиозными центрами и взятие курса на личную верность императору Российской Империи. Так постепенно религиозный аспект в жизни страны постепенно отходил на второй план, как для православных, так и для самих иноверцев. Новизна исследования заключается в рассмотрении большего количества факторов и проблем, нежели в предыдущих работах по данной теме. Материалы исследования могут быть применены в учебных пособиях и дальнейших исследованиях по конфессиональной и национальной политике Российской Империи.

Ключевые слова:

Польское восстание, Монастырь, Муфтий, Крестный ход, Святейший Синод, Братство, Духовное образование, Буддизм, Протестантизм, Иудаизм

Введение

Национальной политике Российской Империи уделялось большое внимание в отечественной историографии. Наибольший интерес среди исследователей вызывал период второй половины XIX века, а в частности, политика русификации и освоение новых присоединенных территорий. В частности, еще с начала XX века выходило достаточно много исследований, посвященных Польскому восстанию 1860-х годов и волнениям на Кавказе. Религиозный аспект в подобных исследованиях затрагивался слабо. Монументальные работы по данной теме начали выходить значительно позднее и в них рассматривалась либо специфика конкретных регионов или одна проблематика. Ввиду этого национальная и конфессиональная политика в исследованиях рассматривались порознь, либо же одна затемняла другую.

Советская историография уделяла большое внимание политике империи по ассимиляции нерусского населения и экономического давления на присоединенные территории. Конфессиональный аспект затрагивался мало, специализированных монографий по данной теме практически не выходило. Как правило, история православной церкви или прочих конфессий на территории Российской Империи разбиралась в контексте культуры, без акцентуации на определенном временном периоде.

Начиная с 1990-х годов XX века значительно увеличилось количество исследований, посвященных религиозным институтам и иноверцам Российской Империи. Среди наиболее полных и подробных трудов можно выделить монографию историка В.А. Федорова, рассматривающего историю православной церкви в России как синодального, так и досинодального периода. Данная работа, хоть и позволяет выделить основные тенденции в развитии религиозных институтов, останавливается на них обзорно и не заостряет внимание. Сама православная церковь эпохи правления Александра II рассматривается в отрыве от многих социальных и политических факторов, таких как религиозное противостояние с иноверцами и внешнеполитическое влияние.

Наиболее полной работой по истории православной церкви во время правления Александра II можно считать монографию историка и религиоведа С.В. Римского: «Российская церковь в эпоху великих реформ». В ней дается комплексный анализ как

кризиса православной церкви, так и мер, предпринимаемых правительством по их преодолению в данный временной период. Особый акцент исследователь делает на положении православной церкви в западных губерниях, конфликтах в правительстве при разработке церковных реформ, а также на личности реформаторов, в частности, министре внутренних дел П.А. Валуеве. Монография С.В. Римского содержит исчерпывающий фактический и статистический материал. Однако она не затрагивает положение церкви во многих других регионах, как и взаимодействие православного населения с иноверцами, за исключением западных губерний. Также в ней достаточно мало внимания уделено самому Александру II, больший акцент делается на членах правительства.

Одной из наиболее подробных исследовательских работ по конфессиональной политике Российской Империи в отношении иноверцев, является монография историка А.К. Тихонова «Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в.». В ней автор наиболее подробно рассматривает динамику и взаимодействие имперского правительства с религиозными меньшинствами на территории страны. Однако здесь также опущены или недостаточно представлены несколько значимых факторов, как например, влияние православной церкви.

Перечисленные выше работы позволяют рассмотреть специфику национальной и религиозной политики Александра II в одном из ее аспектов, однако опускают некоторые значимые факторы. Конфессиональный аспект являлся неотъемлемой составляющей национальной политики Российской Империи. Правительство не только стремилось к установлению порядка в неспокойных регионах, но и поддержанию религиозной и культурной унификации, а также повышению авторитета православной церкви. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть данные факторы, как и национальную, и конфессиональную политику Российской Империи как часть единого целого. Ввиду этого в качестве методологии был выбран цивилизационный подход. Он не только позволяет определить культурно-исторические особенности, свойственные Российской Империи, но и представителям других конфессий, культурно обособленных от основной массы населения. Также в работе был применен системный подход к изучению, при анализе разных элементов национальной и конфессиональной политики Александра II как части единого целого.

В работе был использован комплекс источников следующих типов: делопроизводственные документы (например, «Записка о железном капитале»), источники личного происхождения («Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел»), публицистические источники (журнал «Духовное обозрение») и прочие.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1855 по 1881 год, то есть годами правления императора Александра II. ТERRиториальные рамки охватывают всю территорию Российской Империи на указанный промежуток времени. Большой акцент в исследовании был сделан западные губернии страны, как показательного региона, наиболее полно раскрывающего специфику национальной и конфессиональной политики Александра II.

Исследование.

Религиозный аспект всегда играл огромное значение в повседневной жизни и политике Российской Империи. Православие было культурной основой страны. Оно было составляющей частью теории официальной народности графа Уварова, опорой самодержавия, отражением культурной идентичности и уникальности России на мировой

арене. Было задекларировано, что именно православие должно занимать доминирующее положение относительно прочих конфессий [\[7, с. 43\]](#).

Однако это не означало, что прочие религии в стране подвергались гонениям или принижениям. В Российской Империи был задекларирован принцип веротерпимости. Успешные военные походы и мирная колонизация новых территорий приводили не только к присоединению новых земель, но и населяющих их народов. Желая избежать конфликтов и интегрировать иноверцев в структуру государства, правительство позволяло им сохранить религиозную и культурную идентичность. Однако при этом на них были наложены некоторые ограничения, как например, невозможность занимать определенные государственные посты.

И если в случае взаимодействия с малыми народами, чьи верования не получили значительного территориального распространения, ситуация обстояла куда проще, с представителями мировых религий возникали существенные проблемы.

Одним из наиболее нестабильных регионов Российской Империи при правлении Александра II были западные губернии. Преимущественно там были представлены разные ветви христианства: православие, католицизм и протестантизм, чьи взаимоотношения по ходу истории носили антагонистический характер. Религиозное противостояние закономерно вело к социальным волнениям, неоднократно перетекавшим в полномасштабные восстания.

Как уже упоминалось, религия занимала в социальной жизни людей ключевое значение, именно к ней зачастую апеллировали участники конфликта. Со временем в западных губерниях в обществе сложился ассоциативный ряд, где католики отождествлялись с поляками, а православные – с русскими. Соответственно любые социальные конфликты так или иначе имели отпечаток религиозной нетерпимости. Участились нападки на православное духовенство, выражавшиеся как в виде публичных унижений, так и погромов церквей. Попытки обращения в суды зачастую ни к чему не проводили, поскольку католическое духовенство пользовалось покровительством местной аристократии.

Имперское правительство получало информацию о подобных precedентах, а потому стремилось ослабить влияние аристократов-иноверцев в регионе. Сделать это было решено усилением позиций православной церкви. К таковому шагу можно отнести объединение ее объединение с униатами, начатое еще при Николае I. Православная церковь получила большой приток паствы, расширила свое влияние в регионе. К тому же, правительство использовало непопулярность католической аристократии среди крестьян. Для них образ помещика и угнетателя также зачастую ассоциировался с католиками в целом.

Социальная и религиозная напряженность была свойственна не только западным губерниям. На Кавказе и Средней Азии ситуация была также нестабильная, особенно с учетом имевших место быть длительных военных столкновений. Ввиду тяжелых климатических условий, сложной клановой структуры местного общества и культурной дифференциации, правительство не могло формировать региональную администрацию так же как в других регионах.

Для обеспечения порядка требовалась определенная политическая гибкость. Правительство в первую очередь было заинтересовано укоренить в мусульманских регионах позиции православной церкви. Она была представлена здесь ранее, однако переживала длительный кризис. Для исправления положения, к моменту правления

Александра II значительно ускорилось строительство новых храмов [13, с. 112]. Как и в случае с западными регионами, правительство руководствовалось не столько желанием добиться религиозной унификации, сколько недопустимостью оставления иноверцев без контроля.

Проблемным также оставался внешнеполитический фактор. Россия, являясь наследницей Византии как крупнейшего центра православия, полностью сосредоточила в своих руках рычаги давления над церковью внутри страны. Это привело к установлению доминирования светской власти над духовной и обеспечению полного контроля над внутренними делами церкви. В случае ислама и католицизма эти центры находились за рубежом. И представители данных конфессий были прямо зависимы от повелений и административных решений Ватикана и Османской Империи.

Потому правительство поставило перед собой задачу вывести иноверцев из-под прямого подчинения иностранных религиозных центров. Для этого были созданы специализированные ведомства и присутствия. Их задачей было формирование уставов, проведение аттестаций будущих священнослужителей и допущение к службе благонадежных лиц из числа духовенства.

Данная идея получила свою поддержку с ростом социальных волнений в проблемных регионах. Во время Польского восстания 1863 года, власти получали сведения, что посильную роль в агитации и поддержке мятежников оказывали католические священники. На фоне этого в верхах всё чаще стали появляться инициативы по борьбе с римским влиянием в западных регионах.

После череды дипломатических конфликтов, Российская Империя на длительное время прервала связи с Ватиканом. Отныне католическое духовенство должно было подчиняться непосредственно имперскому центру. Более того, известна информация о подготовке унии, которая должна была постепенно перевести католиков в лоно православия. Проект, однако, так и не был реализован. Среди прочих причин, создатели унии опасались, что объединение будет чисто номинальным. Католики бы сохранили свою культурную и религиозную идентичность, против чего уния и была направлена [8, с. 12].

Даже несмотря на то, что проект не состоялся, в правительстве неоднократно поднимали вопрос о необходимости ослабления позиций католиков в регионе, в том числе и в религиозной сфере. Министры видели в политике русификации не просто установление строгого контроля над мятежным населением, но религиозное противостояние с западом в целом. В представлении общественных деятелей эпохи было важно, чтобы иноверцы приняли российскую идентичность и отошли от влияния иностранных держав [3, с. 428].

Подогревали конфликт проекты уний со стороны запада, где доминирующее положение должно было занимать католичество. Одним из наиболее видных приверженцев данной идеи был князь Гагарин. Он видел в объединении с Римом способ для России избежать роста революционных настроений и повысить авторитет церкви. Правительство, хоть и преследовало аналогичные задачи, не могло поставить католицизм выше православия. Не говоря уже о принципиальной позиции православного духовенства и общественности о противостоянии католическому западу.

На этом фоне всё явственнее стало проявляться желание папского престола укоренить свое влияние на территории России. Пий IX еще в 40-е годы XIX века выражал озабоченность, что достойные православные люди откололись из-под опеки Рима, и

призывал к объединению. Папа повторял свои призывы неоднократно, однако православная церковь оставалась непреклонна [15, с. 93]. Священнослужители указывали, что римский престол желает объединения церквей исключительно на позициях подчинения православия Ватикану.

Стоит заметить, что на тот момент времени конфликт с Римом происходил не только у Российской Империи. Во многих европейских странах также оказались закрыты многие католические монастыри. Особенно сильно пострадал орден иезуитов [20, с. 169]. В нем видели инструмент папского контроля. Государства становились всё более светскими и независимыми от влияния духовенства. Таким образом, ослабление влияния духовной власти извне являлось не уникальным явлением внутри Российской Империи, но общим процессом секуляризации. Сама же религия превращалась в инструмент в руках правителей, но никак не папы.

Правительство Российской Империи получало целое множество сообщений о подготовке поляков к новым восстаниям, где посильную помочь как раз оказывало католическое духовенство, в том числе из-за рубежа. В одной из докладных записок императору подчеркивалось, что поляки сами виноваты в своих лишениях. Унижение по религиозному принципу не произошло бы, если бы не их деструктивная линия поведения [11].

Попытки сближения между представителями двух конфессий зачастую пресекались, как иноверцами, так и православным населением. Примером тому может послужить динамика смешанных браков с католиками. Подобная практика получила свое распространение еще при Николае I. Однако уже тогда, при непосредственной поддержке папы Римского, католическое духовенство восприняло эту практику в штыки. Ксендзы утверждали, что таким образом Россия ставит перед собой цель культурно уничтожить католиков и отождествляемый с ними польский народ [7, с. 163]. Впрочем, уже после восстания 1863 года, правительство начало опасаться, что дети, воспитанные уже в заключенных смешанных браках, будут перениматать католические ценности, нежели православные. Так, непринятие подобных союзов становилось обоядным, как и перспектива сближения двух народов.

Особенно ярко в сторону репрессивной политики против католического населения выступал виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Он утверждал, что территории западных губерний изначально принадлежали русским, а потому их следовало избавить от влияния пришлого населения [9, с. 184]. С восшествием Александра II на престол среди общественности росли ожидания о восстановлении авторитета православной церкви в стране. Вкупе с данным религиозным подъемом, идея «располичивания» представлялась как новый виток религиозной борьбы и шаг в вопросе культурной самостоятельности.

Здесь проявляется еще одна черта конфессиональной политики Российской Империи данного периода: ввиду того, что православная церковь оказалась под контролем светского института, занимались ее делами зачастую лица, не имеющие отношения к духовному сану. Однако при этом многие из них были искренне озабочены проблемами духовности и морали, а с их именем связывали защиту православной веры. Наиболее ярко это прослеживается в комплементарной работе Д.А. Кропотова, посвященной политической деятельности М.Н. Муравьева. Автор уже с первых страниц рисует чиновника не просто защитником русского населения, сколько самой православной веры от нападок иноверцев [17, с. 2].

Встречались и противники репрессивного подхода. Один из ведущих инициаторов церковных реформ при Александре II, министр внутренних дел П.А. Валуев, выступал за решение национального вопроса путем мирного сосуществования с иноверцами [\[19, с. 243\]](#). В его представлении добиться спокойствия в проблемных регионах можно было путем повышения авторитета православной церкви, дабы сделать ее привлекательнее для представителей других конфессий. Он подчеркивал невозможность разрешения духовных разногласий материальным давлением [\[5, с. 126\]](#).

Позиция самого императора Александра II по вопросам конфессиональной политики и отношения к иноверцам менялась постепенно в зависимости от ситуации в стране и его личных взглядов. На первых этапах его правления можно проследить веротерпимое отношение к подданным империи. Однако с этим же была четко задекларирована непримиримость императора к социальным волнениям на территории государства, и что положение той или иной религии в стране зависело от действий самих иноверцев.

Так, в своей речи, произнесенной незадолго после восшествия на престол, Александр II призывал поляков одуматься и принять, что отныне судьбы католиков и православных объединены, и что их благополучие зависит от их же благоразумия.

Терпимое отношение Александра II к другим конфессиям косвенно подтверждалось его одобрительными резолюциями на предложения по мирному урегулированию конфликтов в проблемных регионах. Так, он одобрил записку, приложенную министром внутренних дел П.А. Валуевым, где говорилось о необходимости решения социальных конфликтов исключительно через принцип взаимного уважения и веротерпимости [\[12\]](#).

Однако, представляется также, что конфессиональный аспект во внутренней политике рассматривался императором исключительно в утилитарном плане. Являясь верующим православным человеком, он, как и многие другие европейские правители той эпохи, рассматривал церковь как инструмент контроля. При этом он осознавал необходимость поддержания этого инструмента в надлежащем состоянии. Известно, что, когда на стол императору попала книга священника Иоанна Беллюстина «Описание сельского духовенства», рисующая крайне печальное состояние причтов, он приказал правительству в обязательном порядке ознакомиться с этой книгой в качестве основы для будущих реформ в православной церкви. Это выглядело особенно показательно, с учетом жесткой критики, направленной напрямую в сторону власти и высшего духовенства [\[2, с. 9\]](#). При том, что саму книгу Беллюстина многие консервативно настроенные лица из окружения императора называли крамолой и ложью. Император так или иначе велел провести ревизии и проверки, дабы проверить отложенность механизма власти. Если инструмент давления работает недостаточно хорошо, его следовало реформировать, даже с учетом такого рода критики.

Тезис о том, что Александр II рассматривал религиозные институты скорее, как инструмент, может вызвать несогласие, однако подобная точка зрения подкрепляется несколькими факторами. Во-первых, характер реформирования православной церкви как ключевого элемента культурного давления на население, в том числе и на иноверцев. Там, где священнослужители пытались обрести большую свободу, например, при устройстве православных братств в западных губерниях с собственными уставами, государство стремилось пресечь свободное развитие церкви. Ни одно из решений духовенства не должно было происходить без строгого контроля светской власти. Во-вторых, в разработке реформ слабо участвовали видные религиозные деятели. Зачастую всё обходилось исключительно консультациями, в то время как сами изменения

разрабатывались светскими чиновниками. Важно было не столько развить религиозную мысль и философию, сколько повысить сам авторитет церкви. В-третьих, ограничения на прочие конфессии зачастую объяснялись правительством именно негативным влиянием на умы населения и привнесением чуждых и опасных идей вольнодумства.

На фоне кризисов и социальных процессов внутри Российской Империи менялось и отношение правительства Александра II к иноверцам. Вводились послабления или ограничения в зависимости от поступающих вызовов, но главный курс был взят именно на улучшение состояния православной церкви. Вопрос оставался лишь в том, что сами принимаемые меры в итоге оказались недостаточными или половинчатыми.

Наиболее ярко опасения правительства перед распространением чуждых идей и культуры можно проследить в политике Александра II относительно иудеев. Еврейский вопрос стоял достаточно остро со времени присоединения к Российской Империи западных территорий. И в первую очередь государство опасалось влияния иудеев как на экономику, так и на религиозную жизнь региона.

Высокая эффективность труда и ведение ростовщической деятельности в еврейской общине вызывало определенные экономические проблемы. От этого страдало местное население, не способное выдерживать конкуренцию с консолидированным трудом иудеев. Более того, в этом стали видеть угрозу и перехода местного населения в иудаизм. Именно поэтому были введены определенные репрессивные меры на свободу перемещения, снимаемые только при отделении евреев от общины [\[20, с. 203\]](#).

Государство стремилось поддерживать нейтральную политику сдерживания относительно иудеев, однако под конец правления Александра II правительство явно было обеспокоено распространением среди них оппозиционных кружков. В докладе от министерства внутренних дел от 1878 года упоминался не только возросший риск пропаганды иудаизма по стране, но и рост революционного движения среди иудеев [\[10\]](#). А потому всё так же вводились новые ограничительные меры. Правительство Александра II предпочитало решать проблемы по мере их поступления, считая их временными вызовами на фоне улучшения позиций православной церкви.

Особое отношение сложилось и к протестантам. Связано это было с неоднородностью данного религиозного течения. Правительство Российской Империи при Александре II достаточно терпимо относились к лютеранской и англиканской церкви, однако причисляло к «нетерпимым» другие, как например, баптистов и штундистов.

В отношении к «терпимым» протестантским течениям применялся тот же утилитарный подход. Государство не вмешивалось в дела протестантской церкви, однако резко пресекало любые попытки перехода из православия в другую конфессию. Также в общественном мнении той поры высказывалось опасения о распространении данного течения в принципе. Протестантизм, по мнению публицистов, нес прямую угрозу православной культуре, напрямую противореча ей. В частности, особенно часто публицисты подвергали критике идеи индивидуализма и непринятие какой-либо власти, в том числе и светской [\[18, с. 357\]](#).

Правительство Российской Империи закономерно пыталось сдержать расширение паства иноверных конфессий и распространяемых ими идей. Ярким примером подобных мер можно считать комплекс ограничений, наложенных на католиков после Польского восстания 1863 года. Например, церковные службы должны были проводиться на русском языке. Таким образом, государство стремилось полностью поставить под свой

контроль информационное поле в регионе.

Парадокс ситуации заключался в том, что еще при Николае I проведение служб в католических костелах на русском языке было запрещено [\[4, с. 35\]](#). Правительство как раз опасалось распространения католической пропаганды и идей среди православного населения. Подобная непоследовательность в политике компенсировалась введением новых ограничительных мер и усилением контроля над церковью. Это в очередной раз демонстрирует инертный и прямолинейный подход в конфессиональной и национальной политике Александра II.

Очередной проблемой в национальной политике Российской Империи среди иноверцев была зависимость последних от зарубежных религиозных центров. Государство, прервав отношения с папским престолом и взяв управление делами иноверцев под свой контроль, пыталось навязать систему управления, чуждую для местного населения. Для последних разрыв с Римом воспринимался как узурпация власти и навязывание православия. Ведь для католиков данная религия преимущественно ассоциировалась с русским населением, напрямую берущим под свой контроль дела их церкви.

В условиях притеснений и полицейского контроля, польские католики объединялись для ведения общей деятельности. В частности, распространение получили специальные братства, с формированием которых также боролось правительство. Более того, центральная власть усматривала угрозу также и в крестных ходах католиков, видя в этом миссионерскую деятельность [\[9, с. 415\]](#). Таким образом, опасения правительства об иностранном влиянии на социальные беспорядки в стране, были более чем обоснованы. Наиболее сильно контроль правительства усиливался именно на фоне внешне или внутриполитических столкновений.

Как и в случае с католиками, отношение к российским мусульманам осложнилось накануне войны с Турцией 1877-1878 годов. Императору докладывали, что на территориях с мусульманским населением активно действовали провокаторы, призывающие народ к борьбе против царского правительства. Они утверждали, что их конечной целью было достижение независимости Кавказа и Крыма.

Немаловажной проблемой был и переход мусульман в православие исключительно с целью продвижения по социальным лифтам. Особенно сильно данная динамика проявилась среди мусульман-татар, продолжавших исповедовать старую религию, относясь к переходу формально [\[21, р. 244\]](#). Согласно сводкам МВД, многие муллы занимались агитацией и утверждали, что государство ввело послабления при переходе из одной веры в другую. Теперь, согласно их словам, не надо было обращаться в правительственные органы, что подрывало общественный порядок и вносило сумятицу в обществе.

Но стоит заметить, что и сама администрация относилась к вопросу смены веры весьма инертно, не уделяя этому достаточно внимания. Многие крещеные мусульмане не знали русского языка, и отношение к ним в обществе было пренебрежительное как со стороны мусульман, так и со стороны православных. Государство до поры до времени не могло разработать достойный инструментарий по контролю за данной практикой, чем и пользовались провокаторы. Привыкнув отвечать только на имеющиеся вызовы, не проводя упреждающих мер контроля, правительство всё так же действовало крайне инертно.

По этой же причине в отношении мусульман правительство пошло на те же

ограничительные меры, что и с католиками. Считая репрессивные меры по тотальному контролю достаточно эффективными в одной ситуации, они применялись во всех прочих случаях, вне зависимости от территориальных и культурных особенностей. Государство стремилось увеличить влияние православной церкви и русской культуры, мусульманские службы должны были проводиться на русском языке, а местное духовенство должно было проходить проверку на лояльность центральной власти. Декларировалось, что императора следовало называть "истинным" государем, внося в его образ и религиозный аспект [\[20, с. 187\]](#).

Проблема религиозного влияния извне также касалась и восточных губерний Российской Империи, в частности, буддистского населения. Как и в случае с Ватиканом и Османской Империей, правительство стремилось максимально ограничить контакты буддистов с Тибетом и Монголией. Процесс этот начался еще в последние годы правления Николая I, но был закономерно продолжен Александром II [\[6, с. 105\]](#). Как и в случае с католиками, правительство установило прямой контроль над делами буддистов из Петербурга, а прямое управление осуществляли местные генерал-губернаторы. При этом также было ограничено количество буддистских священнослужителей, как и в случае с прочими конфессиями, власть опасалась распространения и популяризации идей чужой религии.

Стоит заметить, что в некоторых случаях инертность правительства Российской Империи была не так ярко выражена. В подтверждение этому можно привести пример утверждения католической кафедры в Тирасполе. Еще при Николае I папа Римский настаивал на учреждении латинской кафедры в Саратове, с целью «заботы о местных христианах». На деле же правительство подозревало, что римский престол планирует распространить свое влияние в регионе, где католическая вера была практически не представлена. Согласно отчетам, поступающим императору, министры видели в появлении католических епархий в центральных территориях страны, исключительно попытку подрыва российских интересов и переходу населения в лоно католичества [\[14, с. 127\]](#).

Правительство Александра II приняло решение, которое должно было удовлетворить обе стороны: перенос резиденции епископа из Саратова в Тирасполь. Так бы значительно затруднилась миссионерская деятельность католиков в регионе и их предполагаемая подрывная деятельность. Таким образом правительство не ущемило права иноверцев, но при этом обеспечило социальное спокойствие. Из этого следует, что жесткий контроль за католиками, распространенный в западных губерниях, был обоснован в первую очередь национальной политикой и попыткой предотвратить будущие бунты. В то же время в других регионах отношение к католикам было несколько мягче.

Постепенно правительство пыталось выстроить над религиозными институтами иноверцев те же светские элементы контроля, что и в случае с православной церковью. Так, например, после Польского восстания 1863 года, многие католические монастыри оказывались закрыты. Связывалось данное решение с тем, что многие из них становились плацдармом для организаций беспорядков [\[4, с. 30\]](#). После ликвидации большинства из них, оставшиеся переводились на казенное содержание и под прямое управление из Петербурга.

Это еще сильнее закрепляло попытку правительства сделать из религиозных институтов иноверцев исключительно послушный инструмент управления. Однако в данном случае, возникло противоречие, связанное с самыми культурными основами империи. Наиболее ярко оно проявилось в западных регионах. Одновременно декларируя идею исконного

противостояния католиков и православных, государство не могло добиться покорности со стороны первых. И соответственно было бы невозможно достичь цели правительства — установление порядка в регионе и прекращение конфликтов. Не говоря уже о том, что это противоречило принципу веротерпимости.

Попытка приведения иноверцев к покорности и обеспечения мирного сосуществования с православным населением выражалась также и в духовном образовании. Например, католические начальные школы с 1863 года оказались устроены по русскому образцу и должны были подчиняться светскому управлению. При сохранении основной программы образования, в некоторых учебных заведениях было также введено православное песнопение. Обучение же должно было происходить на русском языке.

Считалось, что именно религия служит ключевым фактором при формировании личности. Соответственно для правительства было выгодно, чтобы в нестабильном регионе получило распространение именно православное образование. В итоге уже к концу правления Александра II католическое духовенство находилось в глубоком кризисе. Выпускников-богословов из академий крайне недоставало.

Были выписаны новые учебники по закону божьему на русском языке. Там открыто декларировалось, что последователи римско-католической веры были обязаны служить своему императору и молиться в первую очередь за него. Так декларировалась покорность центральному правительству через призму религиозного образования. Более того, обер-прокурор Святейшего Синода, Д.А. Толстой также выступал с инициативой о проведении дополнительных церковных служб для учащихся на русском языке [\[9, с. 283\]](#). Сделано это было как раз для закрепления русского элемента в западных губерниях.

Ситуация в регионах с мусульманским населением была несколько иной. Религиозная деятельность муфтиев строго регламентировалась. Однако зачастую принимаемые ограничительные меры были направлены исключительно на аттестацию и подготовку религиозных деятелей. Впрочем, оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский выступал за то, чтобы муллы также должны были сдавать экзамены на знание русского языка и вести метрические книги на русском.

В случае Кавказа, царское правительство желало представить себя протектором и защитником местного населения. Так администрация не пыталась вмешиваться в местную торговлю [\[1, с. 30\]](#). Она, хоть и была ограничена территориально, значительно оживляла экономическую жизнь края. Это, в свою очередь, способствовало росту доверия к центральной власти. О возможном сближении мусульманского и православного населения на подобных началах говорил еще ранее А. С. Грибоедов. Так можно признать, что национальная и религиозная политика на Кавказе при Александре II была более гибкой как раз при сохранении принципа веротерпимости.

Куда сложнее ситуация обстояла на территориях Центральной Азии с преимущественно кочевым населением, разделенным на кланы. Идея единой центральной власти была чужда данному региону, а ведь краеугольным камнем национальной идеи Российской Империи было самодержавие [\[16, с. 42\]](#). Дабы преодолеть данную проблему, требовалось низвести влияние духовных лидеров до минимума. В отчетах от 1867 года упоминалось о том, что управление регионом в полной мере осуществляется светской администрацией, в то время как муллы потеряли былой авторитет.

Установление жесткого контроля над другими конфессиями проходило на фоне дискуссий о положении православной церкви. К тому моменту она переживала глубокий

кризис, вызванный затяжным конфликтом между светской и духовной властью. На фоне ослабления православного богословия и превращения духовенства в инертное сословие, церковники чувствовали угрозу со стороны иноверцев. Последние не только отказывались принимать чуждую для них культуру, но и провоцировали общественные волнения.

Само общество было нестабильно в вопросах религиозной нетерпимости и вражды. Многие православные деятели указывали на неминуемость вражды православных с другими конфессиями. В основном, это касалось католиков, конфликты с которыми были особенно актуальны во время правления Александра II, с учетом польских волнений в западных губерниях. Священнослужители заявляли о сплоченности их соперников, в то время как православный мир раздроблен, чему способствовал и низкий уровень духовности [3, с. 421]. Духовенство, переживая длительный кризис из-за влияния светского правления, не могло обходиться без его поддержки, но при этом стремилось к самостоятельности. И к сожалению, подобный парадокс не могли решить реформаторы, лишь косвенно связанные с делами духовенства.

Сама идея национальной политики Российской Империи через религиозную идентичность терпела из-за этого провал. Не имея той же консолидации, как западные католические братства или столь сильной привязанности к традициям как мусульмане, православная церковь как инструмент давления на общество теряла свою эффективность, что провоцировало новые волнения. С этим полностью государству справиться не удалось. Репрессии и усиление полицейского контроля над иноверцами приводили только к их большему сплочению, что впоследствии вылилось в долгосрочные негативные последствия.

Заключение

Попытка установить светский контроль над обрядами и деятельностью иноверцев рано или поздно должна была наткнуться на противоречие: религия была неотделима от бытовой жизни людей. Так, вводя русский язык в богослужение и ограничивая деятельность католических священников, нелояльных власти, правительство настраивало это же светское население против себя. С другой же стороны, сама православная церковь переживала длительную стагнацию как раз по причине вмешательства светских институтов во внутренние дела духовенства. Потому она не смогла стать тем самым фактором, что не только бы сдерживал недовольство среди иноверцев, но и стал бы привлекательным для всего населения империи.

Процесс постепенной секуляризации и стагнации религиозной мысли был свойственен не только России во второй половине XIX века, однако для нее религиозные институты имели куда большее значение. Российская Империя была многонациональным государством, и многим конфессиям здесь позволялось свободно исполнять свои обряды. Однако, в случае, если провокаторы-иноверцы пытались использовать религию в качестве инструмента социальных волнений – следовали репрессии. Правительство Александра II, если и пыталось поначалу добиться мирного сосуществования путем компромиссов, впоследствии разочаровалось в данном подходе и попыталось подавить влияние иноверцев жесткими репрессивными мерами.

В целом, национальное управление Российской империи под призмой конфессиональной политики было в первую очередь ориентировано на прекращение каких-либо внешних контактов иноверцев с представителями своей конфессии, а также на установление строгого контроля над их обрядами. Фигура императора что для католиков, что для

мусульман должна была стать главенствующей, так правительство пыталось закрепить значимость фигуры правителя не только со светской, но и с и религиозной точки зрения. Однако это противоречило основам данных религиозных систем, чем могли воспользоваться иностранные провокаторы. Тем самым, желая установить политическую стабильность в стране, государство только усугубило напряжение.

Библиография

1. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: Академкн., Наука/Интерпериодика. 2001. – 366 с.
2. Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Берлин, Париж, Лондон. 1858. – 168 с.
3. Бердников И. С. Церковные братства в виду современных потребностей Православной Церкви и общества // «Православное обозрение». М.: В Университетской типографии, 1868. Т. 25. – С. 410-433.
4. Билунов Д.Б. Правительственная политика России. в отношении римско-католической церкви (60-е гг. XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. – С. 19-43.
5. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861–1864 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – 425 с.
6. Ванчикова Ц.П. Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. Монголоведение. 2023; 15(1). – С. 95-114.
7. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия в Российской империи / Пер. с англ. Наталии Мишаковой, Михаила Долбилова, Елизаветы Зуевой и автора. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
8. Долбилов М.Д., Сталюнас Д. «Обратная уния»: Проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865–1866 гг.) // Славяноведение. 2005. № 5. – С. 3-34.
9. Ганчар А.И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – начало XX вв.). Гродно.: ГГАУ, 2010. – 512 с.
10. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 663.
11. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 664.
12. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 1133.
13. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск: Наука, 1992. – 192 с.
14. Городецкий М. К истории римского католицизма в России (Тираспольская или Саратовская латинская епархия) // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 10. С. 122-134.
15. Иванцов-Платонов А. М. О Римском католицизме и его отношениях к Православию. Очерк истории, вероучения, богослужения, внутреннего устройства Римско-католической церкви и ее отношения к православному Востоку: в 2 ч. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1870. – 412 с.
16. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке. – Вопросы Истории. 1983. №4. – С. 35-47.
17. Кропотов Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Спб: тип. В. Безобразова и К°, 1874. – 550 с.
18. Протестантизм: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, comment. М.Ю. Смирнова.-СПб : РХГА, 2012. – 846 с.
19. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 567 с.
20. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней

четверти XVIII – начале XX в. (2-е изд., исп. и доп.). Спб: Издательство СПб университета, 2008. – 368 с.

21. Kivelson, Greene 2003 – Orthodox Russia: Belief and practice under the Tsars / Ed. by Kivelson V.A., Robert H. Greene.-University Park: Pennsylvania state univ. press, 2003. – XII, 291 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена изучению конфессионального аспекта в национальной политике Российской империи во времена правления Александра II. Основное внимание уделяется роли православной церкви в процессе русификации и интеграции различных этнических групп, а также взаимодействию государственной власти с другими религиозными группами, такими как католики, мусульмане и иудеи. Исследуются методы государственного контроля над религиозными учреждениями, включая реформы православной церкви и введение ограничений для иноверческих конфессий.

Автор использует цивилизационный подход, позволяющий рассматривать национальные и конфессиональные процессы в широком историко-культурном контексте. Кроме того, применяется системный подход, который помогает анализировать различные аспекты национальной и конфессиональной политики как единое целое. В статье использованы разнообразные исторические источники, такие как делопроизводственные документы, личные дневники, материалы публицистики, что придает исследованию многогранность. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа национальной и конфессиональной политики Российской империи в период значительных социальных и культурных изменений. Исследование помогает понять механизмы формирования национальной идентичности и роль религии в этих процессах, что имеет важное значение для современной исторической науки.

Работа представляет собой значительный вклад в изучение конфессионального аспекта национальной политики Александра II. Автор предлагает новый взгляд на взаимодействие государства с различными религиозными группами, выявляет ключевые противоречия и сложности, возникающие в ходе реализации политики русификации. Особое внимание уделяется взаимосвязи между религиозной и национальной идентичностью, что является важным дополнением к существующим исследованиям.

Статья имеет ясную и логичную структуру. Список использованных источников включает широкий спектр литературы. Однако стоит отметить, что библиография могла бы быть дополнена исследованиями, представляющими проблематику в широком контексте (например, в свете таких значимых фигур конфессиональной политики, как К.П.Победоносцев, см., например: Полунов А.Ю. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010).

Автор избегает резких оценочных суждений и стремится объективно оценить существующие точки зрения. Однако в некоторых местах можно было бы более детально проанализировать критику предыдущих исследований, что добавило бы силы аргументации. Выводы статьи подводят итог проведенному исследованию, отмечая важность конфессионального аспекта в национальной политике Александра II. Несмотря на некоторую фрагментарность выводов, они дают общее представление о ключевых тенденциях и проблемах, связанных с интеграцией различных этнических и религиозных групп в состав Российской империи.

Статья, безусловно, привлечет внимание специалистов в области истории, этнографии и

религиоведения. Широкий круг затронутых вопросов и использование разнообразных источников делают её интересной и полезной для научного сообщества.

Учитывая научную значимость и оригинальность исследования, статью «Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II» можно рекомендовать к публикации «Genesis: исторические исследования» с учетом высказанных замечаний.

Англоязычные метаданные

Henry Wilson's Memorandum "Our Present and Future Military Policy in Russia" (November 13, 1918) as a Factor of the British Intervention Policy in Russia in November – December 1918

Mironiuk Sergei Alekseevich

PhD in History

Senior lecturer; Department of History of the Institute of Economics and Management in Agribusiness; Russian Timiryazev State Agrarian University

49 Timiryazevskaya str., Moscow, 127550, Russia

✉ privetsergey95@mail.ru

Abstract. This article analyzes the memorandum "Our Present and Future Military Policy in Russia" dated November 13, 1918 as a factor in the policy of British intervention in Russia in November–December 1918. Its author was the Chief of the Imperial General Staff, General Henry Wilson, one of the most influential figures in the top leadership of the United Kingdom. The memorandum contained his point of view on the past, present and future of the British intervention policy in Russia. Due to its significance and informative value, this document is the object of research, the subject is its content as a factor of British intervention in domestic Russian affairs in November – December 1918. The author of the article aims to reveal the influence of the memorandum of the head of the Imperial General Staff on the policy of British intervention in Russia during this period. The work used retrospective, systemic and narrative methods. Thanks to them, the process of development of British politicy in November – December 1918 is shown; the relationship between the content of the document and the military-political situation, as well as their mutual influence, is presented; the content and nature of the memorandum are reflected in sufficient detail, focusing on the most important aspects for the topic of the work. The involvement of this document in the study of British intervention policy makes it possible to expand and deepen it, as it demonstrates the complex process of shaping this policy in detail, which gives the work a scientific novelty. The main conclusion of the study is that the main problems of Great Britain regarding interference in internal Russian affairs after the Armistice of Compiègne were the prevention of potential German influence in Russia and the containment of Bolshevism. Mr. Wilson proposed, as a modernized form of British intervention policy, to provide assistance to the newly formed states in the former Russian Empire and the Russian anti-Bolshevik forces to solve these two problems. The contents of the memorandum of the Head of the Imperial General Staff strongly influenced the decision of the War Cabinet of the United Kingdom to continue and strengthen the intervention policy in November–December 1918.

Keywords: H. Wilson, Imperial General Staff, War Cabinet, Great Britain, Bolshevism, intervention, Civil War, Armistice of Compiègne, First World War, D. Lloyd George

References (transliterated)

1. Yakushkin E. E. Kolchakovshchina i interventsiya v Sibiri. M., L.: Gosizdat, 1928. 96 s.
2. Mints I. I. Angliiskaya interventsiya i severnaya kontrrevolyutsiya. M., L.: Gosizdat, 1931. 255 s.
3. Myrrin G. E. Anglo-amerikanskaya voennaya interventsiya na Severe i ee razgrom

- (1918–1920 gg.). Arkhangel'sk: Arkhangel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953. 227 s.
4. Solov'ev O. F. Podgotovka i nachalo interventsii protiv Sovetskoi Rossii // Voprosy istorii. 1967. № 7. S. 38-53.
 5. Livshits S. G. Imperialisticheskaya interventsia v Sibiri v 1918–1920 gg. Barnaul: Barnaul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1979. 96 s.
 6. Volkov F. D. Tainy Uaitkholla i Dauning-strit. M.: Mysl', 1980. 462 s.
 7. Svetachev M. I. Imperialisticheskaya interventsia v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.). Novosibirsk: Nauka, 1983. 336 s.
 8. Utkin A. I. Pervaya mirovaya voyna. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 560 s.
 9. Bystrova N. E. «Russkii vopros» v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 366 s.
 10. Sergeev E. Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu. SPb: Nauka, 2019. 831 s.
 11. Tsvetkov V. Zh. Beloe delo v Rossii: 1917–1919 gg. M.: Yauza-Katalog, 2019. 1056 s.
 12. Fedyuk V. P. Beloe dvizhenie na yuge Rossii 1917–1920 gg.: Diss. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Yaroslavl', 1995. 572 s.
 13. Gagkuev R. G. Beloe dvizhenie i interventsia: k voprosu ob okazanii soyuznikam po Antante pomoshchi Vostochnomu frontu. 1918–1919 gg. // Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2023. T. 41. S. 70-84. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-41-70-84.
 14. Gagkuev R. G. Vopros uchastiya Britanskoi voennoi missii v Sibiri v perevorote 18 noyabrya 1918 g. i prikhoda k vlasti admirala A. V. Kolchaka // Istoricheskii vestnik. 2024. T. 47. S. 44-97. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.002.
 15. Goldin V. I. Anatomiya interventsii, ili Kto i kak razvyazal Grazhdanskuyu voinu na Severe Rossii. M.: Izdatel'stvo «Kuchkovopole», 2024. 336 s.
 16. Coates W. P., Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
 17. White J. The Siberian Intervention. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1950. 471 p.
 18. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. Vol. 1: Intervention and the War. 360 p.
 19. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1968. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 – February 1920. 395 p.
 20. Bradley J. F. N. Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.
 21. Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 280 p.
 22. Keeble C. Britain and Soviet Union, 1917–89. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan, 1990. XIV, 387 p.
 23. Hudson M. Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Rale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
 24. Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
 25. G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. 13 November, 1918 // The National Archives. CAB 24/70/11. P. 22-23.

26. Mironyuk S. A. Bor'ba s bol'shevizmom kak faktor formirovaniya politiki interventsii posle Komp'enskogo peremiriya (po dokumentam Voenного Кабинета министров Великобритании – ноября – декабря 1918 г.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI: 10.17223/19988613/70/12.
27. War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 14 November 1918 // The National Archives. CAB 23/8/23. P. 75-79.
28. Mironyuk S. A. Britanskaya politika interventsii v Rossii (noyabr' 1917 g. – dekabr' 1919 g.) kak faktor Grazhdanskoi voyny: etapy i osobennosti // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.010.
29. G.T. 7947A. Policy towards Russia. Second Draft. Memorandum by Curzon of Kedleston. 16 August 1919 // The National Archives. CAB 24/86/50. P. 439-442.

On the eve of the Tokyo trial. The trial of accomplices of Japanese militarists as an echo of the Russian Civil War

Buchko Nikolai Petrovich

PhD in History

Associate Professor, Department of Historical Sciences, Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

680014, Russia, Khabarovsk, Vostochnoye highway, 49

✉ kosta.rika.00.00@bk.ru

Abstract. The history of the Russian Civil War is reflected in historical events that go beyond the time parameters of the war itself. The defeat of militaristic Japan in September 1945 put an end to its aggressive plans in Asia and the Far East. This activity by Japan was condemned by the International Military Tribunal for the Far East, known as the Tokyo Trial. The trial examined Japan's criminal actions against the world since the early 30s in Asia, when it took the path of aggression towards neighboring states. The court materials also contained documents, an affidavit – the protocol of the interrogation of another trial that took place in August 1946 in Moscow over the leaders of anti-Soviet White Guard organizations, ataman of the Trans-Baikal Cossack army G.M. Semenov and his associates. The Moscow trial was based on materials revealing the cooperation of participants in the anti-Bolshevik camp with the Japanese authorities in Manchuria, aimed at undermining the Soviet state. But along with them, the trial in Moscow became another confirmation of Japan's hostile actions towards Russia during the civil war. From the above-mentioned facts, it becomes obvious that the Japanese authorities actively participated in anti-Soviet activities in the Far East during the period of military and political confrontation in Russia. These actions, confirmed during the Moscow process, are a serious challenge to Russian-Japanese relations and create tensions between the two countries.

The trials in Moscow and Tokyo, which were the result of the policy of the Japanese authorities, recall the complex history of relations between Russia and Japan. These processes also indicate that even in the modern world there are claims and contradictions related to history and the impact of current events on the future.

In general, the events described in the text emphasize the fact that history and politics are closely intertwined, and that only through constructive dialogue and cooperation can peaceful conflict resolution be achieved and the well-being of both countries and their peoples be ensured.

Keywords: subversion of the Soviet state, Military Tribunal, history and politics, History of

the Civil War, anti-Bolshevik forces, militarism, intervention, the Civil war, International military tribunal, affidavit

References (transliterated)

1. Nikolaev, A.N. Tokio: sud narodov. Po vospominaniyam uchastnika protsessa. M.: Yurid. lit., 1990. 416 s.
2. Raginskii, M.Yu. Militaristy na skam'e podsudimykh: Po materialam Tokiiskogo i Khabarovskogo protsessov. M.: Yurid. lit., 1985. 360 s.
3. Raginskii, M.Yu., Rozenblit, S.Ya. Mezhdunarodnyi protsess glavnnykh yaponskikh voennyykh prestupnikov. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 264 s.
4. Svetachev, M.I. Imperialisticheskaya interventsiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.) // Novosibirsk: Nauka. 1983. S. 334.
5. S Kolchakom – protiv Kolchaka. M.: Agraf, 2007. 448 s.
6. Japanese War Criminals: The Politics of Justice After the Second World War / By Sandra Wilson, Robert Cribb, Beatrice Trefalt, Dean Aszkielowicz // Columbia University Press. 2017. P. 440.
7. Ju-ao, Mei. The Tokyo Trial and War Crimes in Asia. // Palgrave Macmillan. 2021. P. 304.
8. Minear, Richard H. Victor's Justice: The Tokyo War Crimes Trial. // Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1971. P. 254.
9. Zhaoqi C. A History of War Crimes Trials in Post 1945 Asia-Pacific. // Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2020. P. 358.

Sevastopol garrison in the first half of the XIX century: the composition of the garrison troops, military administration, the state of defensive fortifications

Ilyichev Anton Vladimirovich

Junior researcher, Museum of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol

299020, Russia, Sevastopol, General Ostryakov Ave., 250-V, sq. 11

 ilichev-toni@mail.ru

Abstract. The article examines the development of the Sevastopol garrison during the first half of the XIX century, partially touches on the events of the Crimean War (1853–1856) and the defense of Sevastopol (1854–1855). Given the fragmentary nature and poor knowledge of the subject in domestic research, the main emphasis was placed on the period from 1830 to 1850. During this historical period, active work was underway to transform not only the civilian infrastructure of the city, but also the military. The subject of the study is the garrison of the 1st class fortress Sevastopol. The object of the study is the dynamics of changes in the composition of garrison troops and the construction of military control bodies in Sevastopol, as well as the land defensive line. The purpose of the study is to examine the little-studied pages of the history of Sevastopol in the first half of the XIX century. The research methodology is based on a systematic approach. Both general scientific research methods (analysis, synthesis, comparison) and specialized ones were used in the work. Specialized ones include high-quality content analysis. It was revealed that during the entire period under review, a large garrison was present in Sevastopol, as part of the 1st Infantry Division (13th

Infantry Division of the 5th Infantry Corps), which was due to the status of Sevastopol as a fortress of the 1st class. However, the level of organization of the military infrastructure, the weak development of the logistics system, as well as the absence of a land line of defense testified to the inconsistency of the fortress with its status on the eve of the Crimean War. The 13th Infantry Division in Sevastopol, in addition to carrying out guard duty, was actively involved in construction work, which led to regular disputes between civil and military authorities. Experienced combat officers, some of whom were veterans of the Patriotic War of 1812, became commandants of the Sevastopol fortress. The composition of the parade ground majors and adjutants in Sevastopol was subject to constant rotation.

Keywords: Commandants of the fortress of Sevastopol, Sevastopol fortress, Black Sea region, First Defense of Sevastopol, Crimean war, 5-th infantry corp, Sevastopol garrison, 13-th infantry division, Sevastopol, Crimea

References (transliterated)

1. Andriainen S.V. «Voiska bez znamen»: Iстория 5 pekhotnogo korpusa russkoi armii v tsarstvovanie Nikolaya I // Nauchnyi dialog. № 8, 2021. C. 249-270.
2. Andriainen S.V. Ispol'zovanie truda russkikh soldat v Krymu v 1830-e gody: pravovoi i khozyaistvennyi aspekty // Pravo i gosudarstva: teoriya i praktika. № 8(152), 2017. C. 19-22.
3. Bogdanovich M.I. Vostochnaya voyna. Glava XIX. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://adjudant.ru/crimea/bogdan19.htm> (Data obrashcheniya 19.02.2024).
4. Vasil'chikov V.I. Zapiski nachal'nika shtaba Sevastopol'skogo garnizon kn. V.I. Vasil'chikova // Russkii arkhiv. Kn. 2. № 6, 1891 g. C. 166-256.
5. Viskovatov A.V. Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk. Ch. 9. SPb: Voennaya tipografiya, 1851. 418 s.
6. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. Tavricheskaya guberniya. T. XI. Chast' 2: Tavricheskaya Guberniya. Svedeniya Obshchie. Spb: Tipografiya Departamenta General'nogo shtaba, 1849. 225 s.
7. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. Tavricheskaya guberniya. T. XI. Chast' 2: Tavricheskaya Guberniya. Svedeniya Spetsial'nye. Spb: Tipografiya Departamenta General'nogo shtaba, 1849. 50 s.
8. Vospominaniya Odintsova V.P. // Istoricheskii vestnik. T. LXXXII, 1900. S. 481-509.
9. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh s 1 yanvarya po 20 avgusta 1820. SPb.: Voennoe Ministerstvo, 1821. 348 s.
10. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 2-ya polovina 1842 g. SPb: Voennoe Ministerstvo, 1842. 244 s.
11. Vysochaishie prikazy 1-ya polovina 1843 g. s 1 yanvarya po 30 iyunya. SPb, 1843. 237 s.
12. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 1-ya polovina 1844 g. SPb: Voennoe Ministerstvo, 1844. 214 s.
13. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 2-ya polovina 1844 g. SPb: Voennoe Ministerstvo. 1844. 228 s.
14. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 2-ya polovina 1845 g. SPb.: Voennoe Ministerstvo, 1845. 217 s.
15. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh s 1 yanvarya po 20 dekabrya 1846. SPb.: Voennoe Ministerstvo, 1846. 490 s.

16. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 1-ya polovina 1847 g. s. 1 yanvarya po 30 iyunya. SPb: Voennoe Ministerstvo, 1847. 249 s.
17. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 2-ya polovina 1847 g. s. 1 iyulya po 31 dekabrya. SPb: Voennoe Ministerstvo, 1847. 210 s.
18. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 2-ya polovina 1852 g. SPb.: Voennoe Ministerstvo, 1852. 217 s.
19. Vysochaishie prikazy 1-ya polovina 1853 g. S. 1 yanvarya po 30 iyunya. SPb, 1853. 445 s.
20. Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh 2-ya polovina 1854 g. SPb.: Voennoe Ministerstvo, 1854. 287 s.
21. Devyatoe prodolzhenie Svoda Voennych Postanovlenii s 1 yanvarya 1849 po 1 yanvarya 1851. SPb: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1852. 594 s.
22. Karmannaya spravochnaya knizhka dlya russkikh ofitserov. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1856. 1005 s.
23. Klychnikov Yu.Yu. Voenno-politicheskie usiliya rossiiskoi vlasti po likvidatsii severo-vostochnogo «ochaga» tak nazyvaemoi Kavkazskoi voiny // Kavkazskaya voyna: simvolы, obrazy, stereotipy: sb. nauch. st. po mater.vseros. nauch. konf. Krasnodar: OOO «Ekoinvest», 2015. S. 132-142.
24. Lazarev M.P. Dokumenty. T.III. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborona soyuza SSSR, 1961. 580 c.
25. Lashkov F.F. O kameral'nom opisanii Kryma 1784 g. // ITUAK. № 2, 1897. S. 20-30.
26. Menshikov A.S. v Krymskoi voine. Dnevniki. Pis'ma. Vospominaniya. Ch.1. Simferopol': OOO «Antikva», 2018. 288 s.
27. Moskovskii nekropol'. T. 2. SPb: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908. 486 c.
28. Murav'ev N.N. Iz zapisok N.N. Murav'eva-Karskogo // Russkii arkhiv. T. 3. № 12, 1894. C. 465-538.
29. Nikolaev E.P. Iстория 50-go pekhotnogo Belostokskogo Ego Vysochestva Gertsoga Saksen-Al'tenburgskogo polka 1807-1907 gg. Spb, 1907. 608 c.
30. Obshchii morskoi spisok. Chast' VIII Tsarstvovanie Aleksandra I. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva, 1894. 646 s.
31. Pavlyuk K.K. Iстория 51-go Pekhotnogo Litovskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Naslednika Tsesarevicha polka: 1809-1909 gg. T. 1. Odessa: tipo-lit Shtaba Odes. Voen. Okr, 1909. 490 c.
32. Pasechnikov I.A. Deyatel'nost' organov politicheskoi politsii Tavricheskoi gubernii v gody Krymskoi (Vostochnoi) voiny (1853-1856) // Prostranstvo i vremya 1-2 (19-20), 2015. C. 267-272.
33. Polkanov A. Sevastopol'skoe vosstanie 1830 goda. Krym ASSR, 1936. 147 c.
34. Prikazy po garnizonu g. Sevastopolya: 1853-1855 gg. Sbornik dokumentov. M.: Institut Naslediya, 2022. 261 s.
35. P.S. Nakhimov Dokumenty i materialy. T. 2. SPb.: Izd-vo «Peterburgskii institut pechati, 2003. 461 s.
36. Raport spetsial'no uchrezhdennoi Sledstvennoi komissii o Sevastopol'skom vosstanii 1830 g. novorossiiskomu i bessarabskomu general-gubernatoru M.S. Vorontsovу po delu o bunte v Sevastopole ot 12 avgusta 1830 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/raport-specialno-uchrezhdennoy-sledstvennoy-komissii-o-sevastopolskom-vosstanii-1830-g> (Data obrashcheniya 19.02.2024).
37. Rospisanie Armii i korpusov s" pokazaniem" kvartir" i peredvizheniya voisk". SPb:

- Tipografiya Departamenta General'nogo Shtaba. 1852. 142 s.
38. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Putevoditel'. Tom 2. 2006. Razdel 13. Fondy upravlenii, soedinenii i chastei pogranichnoi i vnutrennei strazhi, mestnykh voisk, voinskikh nachal'nikov, zhandarmskikh, karatel'nykh i distsiplinarnykh chastei » Upravleniya i chasti vnutrennei strazhi [Elektronnyi resurs], URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/15729>
39. Russkii bibliograficheskii slovar'. Tom IV. Gaag-Gerbel'. SPb.: Tip. G. Lissnera i D. Sovko. 494 s.
40. Skorikov Yu.A. Sevastopol'skaya krepost'. SPb.: Stroizdat, 1997. 320 s.
41. Svod voennых постановлений 1869 года. Kniga III. SPb.: Gosudarstvennaya Tipografiya, 1890. 157 s.
42. Svod Voennых Postanovlenii. Chast' Chetvertaya. Kniga Tret'ya. Prilozheniya SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1839. 2865 s.
43. Svod Voennых postanovlenii. Chast' Pervaya. Kniga Vtoraya. SPb.: Tipografiya II-go otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1838. 3123 s.
44. Spisok naseleñnykh mest po svedeniyam 1864 g. Tavricheskaya guberniya. SPb.: Tsentr. stat. kom. Min.vnutr. del, 1865. 137 s.
45. Spisok po starshinstvu generalitetu, shtab-ofitseram i kapitanam Gvardeiskoi, Polevoi i Garnizonnoi artillerii. Spb, 1847. 158 s.
46. Tavricheskaya guberniya vo vremya Krymskoi voyny. Po arkhivnym materialam. Simferopol': Tipog.Tavrich.Gubern.Zemstva.1905. 260 s.
47. Tenginskii polk na Kavkaze 1819–1846. Pravyi flang. Persiya. Chernomorskaya Beregovaya Liniya. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chastyu na Kavkaze, Loris-Melikovskaya ulitsa, dom kazennyi. 1900. 494 s.
48. Tret'e prodolzhenie Svoda Voennых Postanovlenii s 1 yanvarya 1841 po 1 yanvarya 1843. SPb: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1843. 1054 s.
49. Turchaninov Andrei Petrovich // Rossiiskii Arkhiv: Iстория Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX vv.: Al'manakh. – M.: Studiya TRITE: Ros. Arkhiv, 1996. S. 581–582.
50. Chernousov A.A. Admiral M.P. Lazarev. Rol' lichnosti v istorii Rossii. SPb.: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Gangut», 2011. 344 s.
51. Chetvertoe prodolzhenie Svoda Voennых Postanovlenii s 1 yanvarya 1843 po 1 yanvarya 1844. SPb: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1844. 710 s.
52. Zhandr A. P. Materialy dlya istorii oborony Sevastopolya i dlya biografii Vladimira Alekseevicha Kornilova. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1859. 396 s.
53. Baumgart W. The Crimean War: 1853–1856. Bloomsbury Academic. 2020. 312 p.
54. Reese R. R. The imperial Russian army in peace, war, and revolution, 1856–1917. University Press of Kansas, 2019. 512 p.
55. Ros W.F. Journal of a Tour in the Principalities: Crimea, and Countries Adjacent to the Black Sea in the Years 1835–1836. Londod: John W Parker and son West Strand, 1855. 164 p.

The daily life of teachers in the Krasnoyarsk Territory during the WWII period

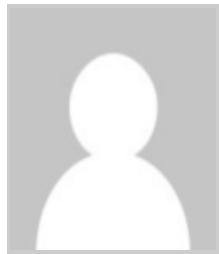
Mezit Lyudmila Edgarovna

PhD in History

Associate Professor, Department of Russian History, Krasnoyarsk State Pedagogical University

660041, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, ul. Kurchatov, 1a, sq. 79

✉ mezit@yandex.ru

Filippova Karina Renatovna

Independent researcher

660049, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Lebedeva str., 89, office 230

✉ filipp0va.kar@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is to identify the changes that occurred in the activities of teachers in the Krasnoyarsk Territory during the WWII. The mass composition of this professional group, which worked both in the city and in the countryside, however, was not the subject of a special study. The main attention is paid to regional peculiarities, which make it possible to assess the effectiveness of the state policy of the period under study. The attention of the party and state bodies to the education system did not weaken during the war years, which cannot be said about the care of teaching staff, due to the objective and subjective conditions of the period under study. The identification of an array of typologically diverse historical sources in the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, which were first introduced into scientific circulation, makes it possible to obtain answers to a number of key questions of teachers' daily practice. The research methodology is based on the principles of a critical understanding of the activities of the party-state bodies for the social protection of teachers in the region. The historical and anthropological method made it possible to reconstruct the working and living conditions of a mass professional group, their impact on the results of activities aimed at solving state tasks facing the education system during the period under study. Due to limited material resources, the decisions of higher authorities were not fully implemented in the region, however, control over the implementation of the Law on Universal Education and Patriotic Education of Students was systematic. In the context of the mass conscription of the region's population into the Red Army, the teachers who remained in the province were overloaded not only with the academic load, but also with socio-political, cultural and educational work with the population, participation in agricultural work, etc. All this had a negative impact on the quality of education, the moral and psychological state of teachers. The teaching staff courageously overcame material and household problems along with the entire population of the region, while maintaining dignity and the status of professional affiliation. Therefore, during the war years, a significant number of teachers were awarded high state awards.

Keywords: general education, instructions, awards, coupons, cards, deficit, supply system, production daily life, special settlers, prices

References (transliterated)

1. Narodnoe obrazovanie Krasnoyarskogo kraya za gody sovetskoi vlasti: sb. nauchnykh trudov. Krasnoyarsk, KGPI, 1970.
2. Bibikova V.V. Vypolnenie zakona o vseobuche v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v Krasnoyarskom krae. – Krasnoyarsk, ZAO «Luna-Reka», 2016.

3. Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya XVII – nachalo XXI vv. – Krasnoyarsk, KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2014.
4. Shalak A.V. Sotsial'nye problemy naseleniya Vostochnoi Sibiri v 1940–1950-e gg. – Irkutsk, Izdatel'stvo IGEA, 2000.
5. Tverdyukova E.D. Deputatskii korpus raionnykh Sovetov Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sostav i deyatel'nost' // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2021. № 11. S. 72-81. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.36836 URL: https://e-notabene.ru/hr/article_36836.html
6. Ovchinnikov A. V. Vlast' i uchitel'stvo Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2020.T. 1, № 2 (66). S. 7-17.
7. Zhukova O.G. Sotsiokul'turnaya politika v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vlast'. 2011, № 8. S. 142-144.
8. Lapteva Yu. V. Vseobuch kak sistema sokhraneniya detskikh kontingentov v 1941–1945 gg.: na materialakh Molotovskoi i Sverdlovskoi oblastei / Yu. V. Lapteva // Global'nye vyzovy demograficheskому razvitiyu: sbornik nauchnykh statei v 2-kh tomakh. – T. I. – Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2022. – S. 146-158. – DOI: 10.17059/udf-2022-1-13.
9. Emirkhanov I.A. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya tylovogo regiona v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945gg.(na materialakh Dagestanskoi avtonomnoi respubliki// Istorya: fakty i simvolы. 2017. – № 4 (13). S. 128-136. (DOI: 10.24888/2410-4205-2017-13-4-128-136).
10. Vycherov D.A., Prishchepa A.S. Shkol'nyi kollektiv v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh g. Tyumeni) // Voprosy istorii 2021. № 2. S. 94-103. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202102Statyi11
11. Belov A.M., Belova N.A. Povsednevnyaya zhizn' uchitelei Kostromskogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. № 4, 2015. S. 21-26.
12. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) F.P-26, Op.15.
13. Trudovoi front Krasnoyars'ya. 1941–1945. – Krasnoyarsk, Polikor, 2018.
14. Veterany voiny i trudyashchiesya tyla. Dzerzhinskogo raiona. – Krasnoyarsk, Amal'gema, 2020.
15. GAKK. F.R- 1383. Op. 1.
16. My pomnim... Krasnoyarsk, Amal'gema, 2005.
17. Krasnoyartsy v Velikoi Otechestvennoi voine. Materialy regional'noi mezhvuzovskoi konferentsii. Krasnoyarsk, Izd-vo KrISEP, 2005.
18. GAKK. F. P-26. Op. 3.
19. Krasnoyarskii krai v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (po dokumentam arkhivnogo agentstva Krasnoyarskogo kraya). Sbornik dokumentov. – Krasnoyarsk, izd-vo KASS, 2010.
20. GAKK. F. P-26. Op. 14a.
21. Vruchenie ordenov i medalei SSSR uchitelyam Krasnoyarskogo kraya // Krasnoyarskii rabochii. № 33(7903) ot 17 fevralya 1945 g.

The Evolution of Russia's State Security Agencies: a Historical Analysis from the CHEKA to the FSB

Madatov Oleg Yakovlevich □

General adviser, Interregional Public Movement for the Protection of the Rights of Servicemen and Their Families

Abstract. The work is devoted to the analysis of the historical development of the state security agencies of Russia, from the moment of their creation in 1917 to the present. The relevance of the research is due to the high historical and institutional importance of security agencies for the Russian state, their influence on political processes, economic development and cultural life of the country. Of particular importance is the analysis of the adaptation of services to modern challenges and threats in the context of political instability and reorganizations. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the evolution of Russia's state security agencies over the course of more than a hundred years of their existence, identifying patterns and continuity in their activities, and evaluating the effectiveness of services during critical periods of history.

The subject of the research is the stages of formation, development and reform of the state security bodies of Russia, their structure, functions, working methods, role in ensuring national security and influence on political and socio-economic processes in the country. The research methodology consists of a historical and legal analysis of regulations, archival materials and scientific publications, a comparative analysis of various periods of development of security agencies, and the study of biographies of key figures involved in the development of the services. The novelty of the research is a comprehensive and multifaceted analysis of the evolution of Russian state security agencies over more than a hundred years of their existence, covering the periods: pre-war (1917–1941), war (1941–1945), post-war before the collapse of the USSR (1946–1991) and modern (from 1991 to the present). Special attention is paid to the analysis of the influence of political leaders, historical events and socio-economic factors on the formation and development of security agencies. The modern structure and functions of the Federal Security Service are the product of a long historical development reflecting the specifics of state building and the evolution of the national security system of the Russian Federation. Throughout history, the State security agencies, despite numerous reorganizations, have maintained their continuity and played an important role in ensuring the security of the country. The principles of the FSB's activities are based on the traditions laid down by its founders and leaders, including the unity of the system of bodies, centralization of management, legality and humanism. The flexibility and adaptability of the system is noted, as well as the high professionalism and dedication of the staff.

Keywords: establishment of the service, historical figures, reforming the services, modern period, post-war period, wartime period, pre-war period, ensuring security, Russian state, state security agencies

References (transliterated)

1. Kuchiev A. Z., Kallagov T. E. Polnomochiya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v oblasti obespecheniya natsional'noi bezopasnosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 10 (226). S. 177-180.
2. Glot N. FSB kak organ ispolnitel'noi vlasti v sisteme obespecheniya natsional'noi bezopasnosti RF // Interaktivnaya nauka. 2023. № 3 (79). S. 43-44.
3. Gorda V. A. Istoriko-pravovoи opyt formirovaniya organov gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR s 1917 po 1954 gody // Ekonomika i sotsium. 2021. № 5-1 (84). S. 816-823.
4. Semenov A. A. Formirovanie Vserossiiskoi chrezvychainoi komissii i ee chrezvychainykh

- organov v Sredнем Povolzh'e v 1917–1919 gg // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2021. № 11 (70). S. 28-36.
5. Sokolov A. S. Ot Petrogradskogo Voenno-revolyutsionnogo komiteta k vserossiiskoi chrezvychainoi komissii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Iстория i politicheskie nauki. 2019. № 2. S. 134-141.
 6. Kargapol'tseva N. I. K voprosu o pravovykh osnovaniyakh organizatsii i deyatel'nosti Vserossiiskoi chrezvychainoi komissii v 1917-1922 gg // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2 (42). S. 157-161.
 7. Kubasov A. L. Martyn Yanovich Latsis kak istorik Vserossiiskoi Chrezvychainoi Komissii po bor'be s kontrrevolyutsiei // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 2-2 (16). S. 104-108.
 8. Thurston R. W. The Cheka: Lenin's Political Police; The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage (December 1917 to February 1922) // The American Historical Review. 1982. S. 1-2.
 9. Mettini E. , Tkachenko A. Fighting for Survivor: Ideological and Ethical Conflicts of A.S. Makarenko with Dzerzhinsky Commune // Espacio Tiempo y Educación. 2022. № 9 (1). S. 168-187.
 10. Inarovok I. R. Obrazovanie, struktura i polnomochiya Vserossiiskoi Chrezvychainoi Komissii po bor'be s kontrrevolyutsiei i sabotazhem // Moya professional'naya kar'era. 2021. № 1 (28). S. 28-33.
 11. Chigrin M. V. Sozdanie sistemy organov VChK v Sovetskoi Rossii i obrazovanie ee chrezvychainykh struktur v Simbirskoi gubernii v 1917–1918 gg // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. 2018. № 2 (5). S. 9-14.
 12. Demidov M. A. Vliyanie sabotazhnykh ugrov na protsess formirovaniya sistemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya bezopasnosti Sovetskoi vlasti v 1917 g // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2022. № 3. S. 100-108.
 13. Blatin S. V. Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii: stanovlenie i sovremennoe soderzhanie ponyatiya // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 4 (60). S. 219-223.
 14. Zubov N. I. Feliks Edmundovich Dzerzhinskii: Kratkaya biografiya. Moskva: Gospolitizdat, 1942. 120 s.
 15. Rogachevskaya M. A. V poiske «Pravil'noi linii v upravlenii stranoi i khozyaistvom»: F. E. Dzerzhinskii // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2013. № 14 (1-2). S. 45-72.
 16. Ageev A. I., Grigor'ev V. V., Loginov E. L., Shkuta A. A. Spetsial'nye operatsii kak instrument politicheskogo i ekonomicheskogo operirovaniya v mirovoi ekonomike: sovetskii opyt i sovremennyi period // Vestnik Universiteta mirovykh tsivilizatsii. 2024. № 15 (43). S. 51-60.
 17. Yaroslavskii E. Delo Borisa Savinkova. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 162 s.
 18. Kara-Murz S. G. Grazhdanskaya voyna (1918–1921). Urok dlya XXI veka. Moskva: EKSMO, 2003. 384 s.
 19. Kut'ina G. A., Mulukaev R. S., Novitskaya T. E., Rogozhin A. I., Semiderkin N. A. Iстория oтечественного gosudarstva i prava. Moskva: Jurist, 2001. 542 s.
 20. Kamalova G. T. Podrazdeleniya VChK-GPU-OGPU v sisteme organov gosudarstvennoi vlasti (1921–1929 gg.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2009. № 11 (2). S. 127-132.

21. Kolpakidi A. KGB. Moskva: Eksmo, 2010. 783 s.
22. Voide E. G. Osobennosti deyatel'nosti NKVD RSFSR 1921–1928 godov v usloviyakh novoi ekonomiceskoi politiki // Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii im. V.Ya. Kikotya. Moskva, 2020. S. 209-213.
23. Kotel'nikov A. S. O nekotorykh problemakh v rabote organov bezopasnosti v usloviyakh perekhoda ot "voennogo kommunizma" k novoi ekonomiceskoi politike // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2015. № 2 (43). S. 36-42.
24. Mozokhin O. B., Sokolov A. S. Reorganizatsiya i uprazdnenie Vserossiiskoi chrezvychainoi komisii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Iстoriya i politicheskie nauki. 2018. № 3. S. 115-122.
25. Pozharov A. I. Obespechenie gosudarstvennoi bezopasnosti v SSSR: politicheskie i pravovye aspekty // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2022. № 2. S. 72-83.
26. Zakhartsev S. N. Sovetskoe pravo v gody NEPA (1921–1929 gg.): uchebnoe posobie. Tambov: Izdatel'stvo TGTU, 2004. 38 s.
27. Zingis K.A. Belomorsko-Baltiiskii kanal i kanal Moskva-Volga: istoriografiya stroitel'stva // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2024. № 1. S. 97-107. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.1.68954 EDN: QJWZSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68954
28. Stefanenko A. Yu. Vnutripartiinaya bor'ba v Leningradskoi organizatsii VKP(b) (1926–1928 gg.): struktura i praktiki deyatel'nosti oppozitsionnykh grupp // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2020. № 4 (28). S. 21-35.
29. Lotareva D. D. Iz «Fragmentov» dnevnika Zoi Dmitrievny Kananovoi. TSQ № 46, 2013. 117 s.
30. Zdanovich A. A. Ukreplenie kadrovogo potentsiala osobykh otdelov VChK-OGPU (1921–1934 gg.) // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomiceskogo universiteta. 2008. № 2 (21). S. 125-128.
31. Sagadeev B. A. NKVD SSSR 1934-1941 gg. Struktura, zadachi i funktsii, deyatel'nost'. 3-e Upravlenie NKO SSSR (1941 g.). Author.Today, 2022.
32. Postnikov S. V. Spetsializirovannaya sluzhba po bor'be s ekonomiceskimi prestupleniyami v sisteme NKVD SSSR: sozdanie, normativnaya osnova, osobennosti organizatsii // Juridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. 2014. № 1 (25). S. 216-221.
33. Rymar I. V. The Precession of Simulacra of the Great Terror and Dissolution of the Communist Party of Poland (1936–1938) // Social Evolution and History. 2019. № 18 (1). S. 47-66.
34. Potapova N. A., Babii A. A. Osobaya troika NKVD Krasnoyarskogo kraia: k voprosu ispolneniya prigоворов (osen' 1938 г.) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 23 (88). S. 911-919.
35. Soviet financial system. Moscow: Progress, 1966. 353 s.
36. Kuz'minykh A. L. Evolyutsiya sistemy NKVD-MVD SSSR (1934–1956 gg.) // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2010. № 10. S. 71-78.
37. Pallot J. The Gulag as the Crucible of Russia's 21st-Century System of Punishment // Kritika Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. № 16 (3). S. 681-710.
38. Morozov V. I. Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2005. № 1 (17). S. 32-46.

39. Politbyuro i organy gosbezopasnosti. K 100-letiyu obrazovaniya VChK. Moskva: Kuchkovo pole, 2017. 553-556 s.
40. Yudin K. A. Reorganizatsii partiino-gosudarstvennogo apparata SSSR i metody politicheskogo kontrolya nad regional'noi nomenklaturei vo vtoroi polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 4 (15). S. 63-74.
41. Kuz'minykh A. L. Razvitie sistemy organov i uchrezhdenii voennogo plena i internirovaniya v SSSR (1939–1956) // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2011. № 5. S. 6-12.
42. Iz direktivy NKVD SSSR i HKGB SSSR № 782/B/265/M o zadachakh organov vnutrennikh del i gosbezopasnosti v svyazi s razdeleniem NKVD SSSR na dva narkomata. 1 marta 1941 g. // Tsentral'nyi arkhiv FSK Rossii. 1941.
43. Knyazev V. V. Voiska NKVD CCCR i pravovoe obespechenie ikh primeneniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov // Nauchnyi portal MVD Rossii. 2020. № 1 (49). S. 20-29.
44. Izyumskaya I. L. Osobennosti kadrovogo obespecheniya ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii na Kubani v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Penitentsiarnaya nauka. 2020. № 14 (50). S. 161-167.
45. Chentsov A. S. Bor'ba s diversionno-terroristicheskim podpol'em protivnika na territorii Vostochnoi Prussii // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 46 (8). S. 71-78.
46. Uporov I. V. GULAG v ekonomike SSSR (1917–1945 gg.) // Integratsiya nauk. 2017. № 5 (9). S. 211-214.
47. Semikov M. S. On the question of organization and activity of divisions of the NKVD of the USSR in 1941–1942 // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. № 20 (22). S. 64-71.
48. Oleson P. T. From Axis Surprises to Allied The Impact of Intelligence in World War II // The Intelligencer Journal of U.S. Intelligence Studies. 2017. № 22 (3). S. 53-78.
49. Brychkov A. S., Nikonorov G. A. Napadenie Germanii na SSSR 22 iyunya 1941 g.: vo vsem li vinovata vnezapnost'? // Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk. 2018. № 2. S. 3-14.
50. Porkhunov G. A. Nashe delo pravoe // Omskii nauchnyi vestnik. 2001. S. 135-136.
51. Ganzer C. Nemetskie i sovetskie poteri kak pokazatel' prodolzhitel'nosti i intensivnosti boev za Brestskuyu krepost' // Belarus' i Germaniya: istoriya i suchasnists'. Minsk, 2014. (12). S. 44-52.
52. Bochkov E. A. Pogranichnye voiska NKVD SSSR nakanune sovetsko-finlyandskoi voiny (28 yanvarya– 29 noyabrya 1939 g.) // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2020. № 2 (26). S. 91-109.
53. Kovganov S. Ya., Shevlyakov A. S. Formirovanie sistemy podgotovki kadrov v protsesse reformirovaniya otechestvennykh organov bezopasnosti v 30-kh gg. KhKh v // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya. 2019. № 62. S. 27-31.
54. Malikov Zh. K. Deyatel'nost' NKVD v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 3 (22). S. 105-109.
55. Kovyrshin E. V. Voiska NKVD v pervyi god Velikoi Otechestvennoi voiny // Bereginya. 777. Sova. 2010. № 2 (4). S. 22-26.
56. Plekhanov A. M. Voennaya kontrrazvedka NKVD SSSR. Tainyi front voiny 1941–1942 gg. Veche, 2016. 576 s.
57. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: T. 6: Taina voina. Razvedka i

- kontrrazvedka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Moskva. 2013. 862 s.
58. Starikov N. N. Voiska NKVD na fronte i v tylu. OOO «Izdatel'stvo «Algoritm», 2014. 401 s.
59. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ob obrazovanii Narodnogo komissariata gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR. 14 aprelya 1943 g. // Pravda. 1943.
60. Soobshchenie 4-go Upravleniya NKGB SSSR V.N. Merkulovu o diversionnoi deyatel'nosti operativnykh grupp upravleniya v tylu protivnika s 5 po 20 maya 1943 g. 21 maya 1943 g. // TsA FSB Rossii. 1943. St. 248-249.
61. Protsenko E. D., Baikeev E. V. Deyatel'nost' voenno-uchebnykh zavedenii voisk NKVD po podgotovke ofitserskikh kadrov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2005. № 2 (26). S. 72-75.
62. Nevskii S. A. Organizatsiya i deyatel'nost' istrebitel'nykh batal'onov NKVD v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Na sluzhbe otechestvu: istoriya organov vnutrennikh del : sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 305-letiyu politsii Rossii, Akademiya upravleniya MVD Rossii, 23 iyunya 2023 goda. Moskva, 2023. S. 206-214.
63. Knight A. W. The KGB, Perestroika, and the Collapse of the Soviet Union // Journal of Cold War Studies. 2003. № 5 (1). S. 67-93.
64. Lezina E. Dismantling the State Security Apparatus. Transformations of the Soviet State Security Bodies in Post-Soviet Russia // Memory of nations: democratic transition guide – the Russian experience. 2016. S. 7-14.
65. Kansikas S. Dismantling the Soviet Security System. Soviet–Finnish Negotiations on Ending Their Friendship Agreement, 1989–91 // The International History Review. 2017. № 41 (1). S. 1-22.
66. Reznikov A. A. Razvitie struktury NKVD-MVD SSSR v 1945–1946 gg // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2011. № 27. S. 1-10.
67. Leont'eva N. I. Sovetskie Spetsial'nye lagerya v Germanii v 1945–1948 gg // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija. 2019. № 1. S. 105-122.
68. Kokurin A. I., Petrov N. V. Lubyanka : VChK-OGPU-NKVD-MGB-MVD-KGB, 1917–1960: Spravochnik. Moskva: MFD, 1997. 348 s.
69. Prikaz MGB SSSR № 00107 «O pereimenovanii organov NKGB». 22 marta 1946 g. // TsA FSB. Sbornik № 41. St. 185.
70. Kosenko I. N. Taina «aviatsionnogo dela» // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1994. № 8. S. 54-64.
71. Mikheev G. F. Volny "leningradskogo dela" (po materialam sledstvennykh del rodstvennikov "vraga naroda") // Noveishaya istoriya Rossii. 2015. № 1 (15). S. 83-109.
72. Zakon «O preobrazovanii Soveta Narodnykh Komissarov SSSR v Sovet Ministrov SSSR i Sovetov Narodnykh Komissarov soyuznykh i avtonomnykh respublik v Sovety Ministrov soyuznykh i avtonomnykh respublik». 15 marta 1946 g. // GA RF. 1946. St. P-7523.
73. Vergun A. S. K voprosu o deyatel'nosti Yu.V. Andropova v sfere obespecheniya gosudarstvennoi bezopasnosti (1967–1982 gg.) // Nauka i shkola. 2010. № 2. S. 145-147.
74. Timoshina T. M. Ekonomicheskaya istoriya Rossii: Uchebnoe posobie. Moskva: ZAO Yustitsinform, 2009. 424 s.
75. Zamost'yanov A. Odin god iz zhizni Yurya Andropova. Literaturnaya gazeta № 48 (6441), 2013.

76. Sbornik Komiteta Gosudarstvennoi bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR. Moskva: Tipografiya VSh KGB pri SM SSSR, 1959. 110 s.
77. Sbornik statei po voprosam agenturno-operativnoi i sledstvennoi raboty Komiteta Gosudarstvennoi Bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR. Moskva: Tipografiya Vysshei shkoly imeni F.E. Dzerzhinskogo KGB pri SM SSSR, 1963. 111 s.
78. Trudy vysshei shkoly 2. Moskva: Tipografiya Vysshei Krasnoznamennoi shkoly KGB pri SM SSSR im. F.E. Dzerzhinskogo, 1971. 251 s.
79. Trudy vysshei shkoly 44. Moskva: Tipografiya redaktsionno-izdatel'skogo otdela Vysshei ordena Oktyabr'skoi Revolyutsii Krasnoznamennoi shkoly KGB SSSR im. F.E. Dzerzhinskogo, 1988. 938 s.

The confessional aspect in the national policy of Alexander II

Razgoverov Sergei Vladimirovich □

Postgraduate student; Institute of Humanities; Moscow City Pedagogical University

108814, Russia, Moscow, ul. Vasilyoschepkov Street, 3, sq. 115

✉ sergraz98@gmail.com

Abstract. The subject of the study is a set of measures taken by the government of the Russian Empire under Alexander II and aimed at resolving national conflicts and contradictions through the prism of religion. The author also considered the influence of foreign policy and regional factors. The purpose of the study is to characterize the correlation of the confessional factors in the politics of Alexander II. To achieve this goal, the following tasks were set: to determine the general situation of the Gentiles in the Russian Empire in the second half of the 19th century; to consider the main confessional conflicts and their features in the country; to determine the influence of the foreign policy factor on the national policy of Alexander II; to characterize the relationship between the decline of the Orthodox Church and the change in government policy towards gentiles. A systematic research method was applied in the research, taking into account the use of various religious, political and social factors in forming conclusions. The principle of historicism was also applied in the research, taking into account its development in the context of time. As a result of the study, it was concluded that the government of the Russian Empire was unable to develop a consistent policy towards non-believers. Wanting to stop national and religious conflicts, it rushed from one extreme to the other, eventually settling on strict regulation of the activities of non-believers, cutting off contacts with their religious centers and adopting a course of personal loyalty to the emperor of the Russian Empire. So gradually the religious aspect in the life of the country gradually faded into the background, both for the Orthodox and for the Gentiles themselves. The novelty of the research lies in the consideration of more factors and problems than in previous works on this topic. The research materials can be used in textbooks and further research on the confessional and national policy of the Russian Empire.

Keywords: Protestantism, Buddhism, Religious education, Brotherhood, Holy Synod, Religious procession, Mufti, Monastery, The Polish Uprising, Judaism

References (transliterated)

1. Arapov D.Yu. Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika). M.: Akademkn., Nauka/Interperiodika. 2001. – 366 s.
2. Bellyustin I.S. Opisanie sel'skogo dukhovenstva // Russkii zagranichnyi sbornik. Berlin,

- Parizh, London. 1858. – 168 s.
3. Berdnikov I. S. Tserkovnye bratstva v vidu sovremennoykh potrebnostei Pravoslavnoi Tserkvi i obshchestva // «Pravoslavnoe obozrenie». M.: V Universitetskoi tipografii, 1868. T. 25. – S. 410-433.
 4. Bilunov D.B. Pravitel'stvennaya politika Rossii. v otnoshenii rimsко-katolicheskoi tserkvi (60-e gg. XIX v.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorija. 1996. № 4. – S. 19-43.
 5. Valuev P.A. Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del. T. 1. 1861–1864 gg. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1961. – 425 s.
 6. Vanchikova Ts.P. Buddiiskaya konfessiya v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX v. Mongolovedenie. 2023; 15(1). – S. 95-114.
 7. Vert P. Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya v Rossiiskoi imperii / Per. s angl. Natalii Mishakovoi, Mikhaila Dolbilova, Elizavety Zuevoi i avtora. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 280 s.
 8. Dolbilov M.D., Stalyunas D. «Obratnaya uniya»: Proekt prisoedineniya katolikov k pravoslavnoi tserkvi v Rossiiskoi imperii (1865–1866 gg.) // Slavyanovedenie. 2005. № 5. – S. 3-34.
 9. Ganchar A.I. Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Belarusi (vt. pol. XIX – nachalo XX vv.). Grodno.: GGAU, 2010. – 512 s.
 10. GARF. F. 678 Op. 1 D. 663.
 11. GARF. F. 678 Op. 1 D. 664.
 12. GARF. F. 678 Op. 1 D. 1133.
 13. Gedeon, mitropolit Stavropol'skii i Bakinskii. Iстория христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. M.-Pyatigorsk: Nauka, 1992. – 192 s.
 14. Gorodetskii M. K istorii rimskogo katolitsizma v Rossii (Tiraspol'skaya ili Saratovskaya latinskaya eparkhiya) // Istoricheskii vestnik. 1889. T. 38. № 10. S. 122-134.
 15. Ivantsov-Platonov A. M. O Rimskom katolitsizme i ego otnosheniakh k Pravoslaviyu. Ocherk istorii, veroucheniya, bogosluzheniya, vnutrennego ustroistva Rimsko-katolicheskoi tserkvi i ee otnosheniya k pravoslavnому Vostoku: v 2 ch. M.: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1870. – 412 s.
 16. Kinyapina H.S. Administrativnaya politika tsarizma na Kavkaze i v Srednei Azii v XIX veke. – Voprosy Istorii. 1983. № 4. – S. 35-47.
 17. Kropotov D.A. Zhizn' grafa M.N. Murav'eva, v svyazi s sobityami ego vremeni i do naznacheniya ego gubernatorom v Grodno. SpB: tip. V. Bezobrazova i K°, 1874. – 550 s.
 18. Protestantizm: pro et contra. Antologiya / Sost., vstup. stat'ya, komment. M.Yu. Smirnova.-SPb : RKhGA, 2012. – 846 s.
 19. Rimskii S.V. Rossiiskaya Tserkov' v epokhu velikikh reform. M.: Krutitskoe patriarshee podvor'e, 1999. – 567 s.
 20. Tikhonov A.K. Katoliki, musul'mane i iudei rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII – nachale XX v. (2-e izd., isp. i dop.). SpB: Izdatel'stvo SPb universiteta, 2008. – 368 s.
 21. Kivelson, Greene 2003 – Orthodox Russia: Belief and practice under the Tsars / Ed. by Kivelson V.A., Robert H. Greene.-University Park: Pennsylvania state univ. press, 2003. – XII, 291 p.